

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ

и культура

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-04-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-04-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Горохов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Лаврова Светлана Витальевна – доктор искусствоведения, доцент кафедры музыкального образования, член Союза композиторов России, проректор по научной работе и развитию Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой. 191023, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, дом 2. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Штейнер Евгений Семенович – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор-исследователь Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета (г. Лондон, Великобритания). 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Трубочкин Дмитрий Владимирович – доктор искусствоведения, проректор Высшей школы сценического искусства, профессор кафедры зарубежного театра Российского института театрального искусства. Малый Кисловский пер., 6, Москва, 125009

Леняшин Владимир Алексеевич – академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Азарова Валентина Владимировна – доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, профессор кафедры органа, клавесина и карильона, 199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия Васильевского острова, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института открытого образования Московского государственного областного технологического университета (МГОТУ), «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056 Астрахань, улица Татищева 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет м. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – Доктор философских наук, доцент, Зав. кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ" Кафедра: философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7/9

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Берд Роберт (Bird Robert) – доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской

государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариэ (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Обермайр Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Слонди Берлинского свободного университета. Freie Universität Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фрайденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Усачев Александр Владимирович - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии социальных наук и журналистики, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина" 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, дом 28.1 E-mail: a.usacev@mail.ru

Швыдкой Михаил Ефимович - доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, МГУ имени М.В.Ломоносова, 27, корпус 4 (Шуваловский корпус). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Жабский Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии экранного искусства Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 125009, Россия, г. Москва, Дегтярный переулок, 8, строение 3.

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, профессор Институт Славянской культуры РГУ им А.Н. Косыгина. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Заховаева Анна Георгиевна - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановская государственная медицинская академия» Минздрава России. 153012, Российская Федерация, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 8. E-mail: ana-zah@mail.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российской государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российской государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5
galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, igorbelyaev@list.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге,, профессор, 460040, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, Y.Griber@gmail.com

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009, Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Касаткина Светлана Сергеевна - доктор философских наук, Череповецкий государственный университет, профессор , 162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, ул. Шекснинский проспект, 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, jvlarin@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, Oskar46@mail.ru

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, krasfilmanager@gmail.com

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, Infotatiana-p@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, skorokhod71@mail.ru

Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, профессор, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, сектор истории антропологических учений, руководитель сектора

Council of editors

Gorokhov Pavel Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvgu.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Svetlana V. Lavrova — Doctor of Art History, Associate Professor of the Department of Music Education, member of the Union of Composers of Russia, Vice-Rector for Research and Development of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2, Zodchego Rossi str., St. Petersburg, 191023. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Evgeny S. Steiner — Doctor of Art History, Chief Researcher at the Russian Institute of Cultural Studies, Research Professor at the School of Oriental and African Studies at the University of London (London, UK). 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Trubochkin Dmitry Vladimirovich — Doctor of Art History, Vice-Rector of the Higher School of Performing Arts, Professor of the Department of Foreign Theater The Russian Institute of Theatrical Art. Maly Kislovsky Lane, 6, Moscow, 125009

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Azarova Valentina Vladimirovna – Doctor of Art History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Arts, Professor of Organ, Harpsichord and Carillon Department, 199034, St. Petersburg, 9th line of Vasilievsky Island, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Open Education of the Moscow State Regional Technological University (MGOTU), "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University"". 141070, Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology, Altai State University, 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61.

Popov.eug@yandex.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056 Astrakhan, 20a Tatishcheva Street, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, M. I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Rostov region, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET" Department: Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya Nab., 7/9

Ruben Grantovich Apresyan – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny perelok, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) – doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Cognitive Theory Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Obermayr Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the

Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Usachev Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Social Sciences and Journalism, I.A. Bunin Yelets State University 399770, Lipetsk region, Yelets, 28.1 Kommunarov str. E-mail: a.usacev@mail.ru

Shvydkoi Mikhail Efimovich - Doctor of Art History, Professor, Scientific Director of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; 119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4 (Shuvalov Building). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Mikhail Ivanovich Zhabsky — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Screen Art of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 125009, Russia, Moscow, Degtyarny lane, 8, building 3.

Portnova Tatiana Vasilievna - Doctor of Art History, Professor at the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Zakhovaeva Anna Georgievna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities of the Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia. 8, Sheremetyevo Avenue, Ivanovo, Ivanovo region, 153012, Russian Federation. E-mail: ana-zah@mail.ru

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 12 Studentskaya str., Vladimir, Vladimir Region, 600005, Russia, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, igorbelyaev@list.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Laboratory of Color, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, Y.Griber@gmail.com

Gryaznova Elena Vladimirovna - Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Professor, 603009, Russia, Nizhny Novgorod, Vologda str., 1 B, office 49, egik37@yandex.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna - Doctor of Philosophy, Cherepovets State University, Professor, 162600, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sheksninsky Prospekt str., 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 58 Kommunarov str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, 4 Farman Salmanova str., Tyumen, Tyumen Region, 625000, Russia, jvlarin@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, Oskar46@mail.ru

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, krasfilmanager@gmail.com

Portnova Tatiana Vasiliyevna - Doctor of Art History, Kosygin Russian State University,

Professor, 127282, Russia, Moscow, Moscow, ul. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 k 4, Infotatiana-p@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 4 Bardina str., Saratov, 410035, Russia, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, 99 Ladozhskaya str., Penza, 440071, Russia, Penza Region, Penza, skorokhod71@mail.ru

Elvira Maratovna Spirova - Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Sector of the History of Anthropological Studies, Head of the Sector

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

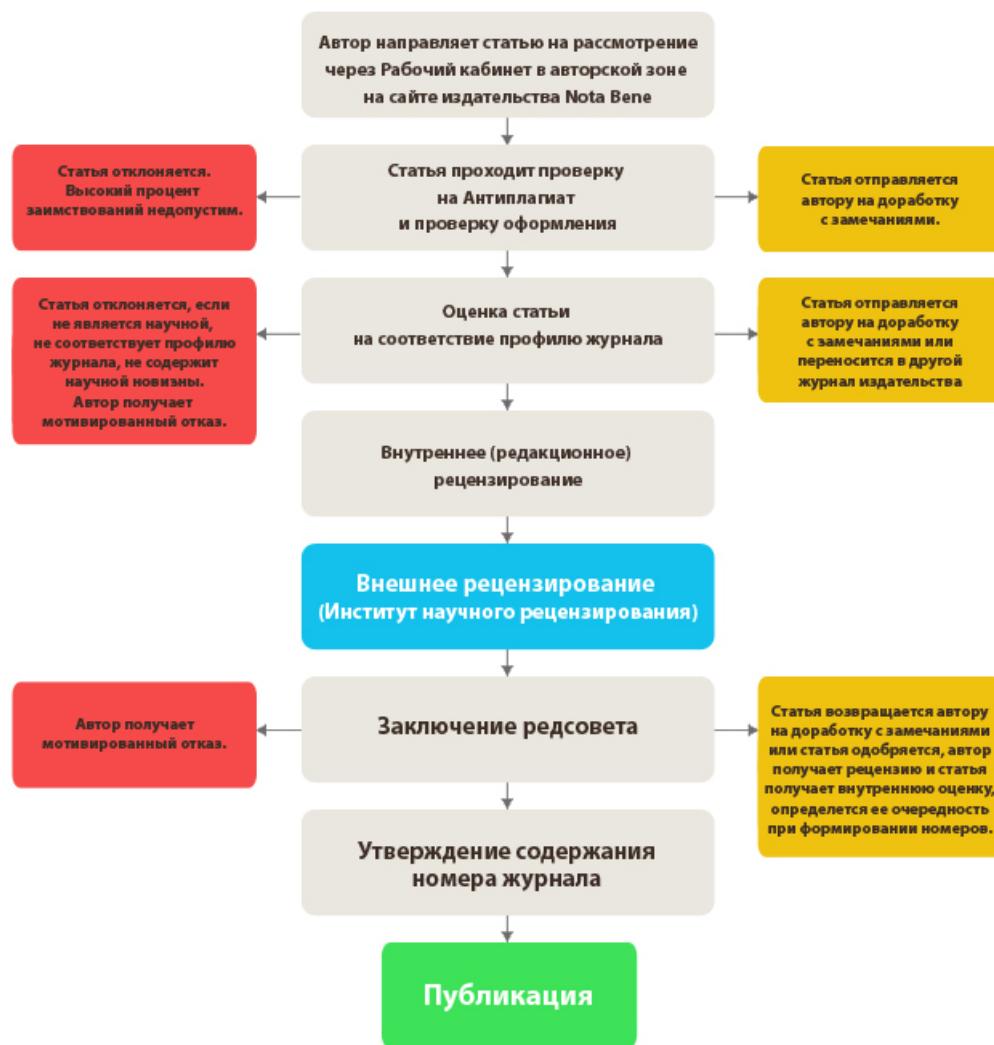
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ян Ч. Миф о Гуне и Юе: как мифологическое отображение перехода от матриархата к патриархату у народности Ся	1
Акимов О.Ю. Творчество В.В. Розанова: взаимодействие публичного и приватного миров как реализованное понимание	15
Хасиева М.А. Образ Мегалополиса в контексте концепции неотехнического развития П. Геддеса и Л. Мамфорда	31
Саяпин В.О. Проект «информационной онтологии» в теории индивидуации Жильбера Симондона	40
Пан Ш. Репрезентация национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах	58
Попова Л.В. Идея «вечности жизни» в творчестве В.И. Вернадского	73
Рахимова М.В. Философское размышление о «театральной» природе человека: в поисках направлений исследования «повседневной театральности»	89
Заруцкая С.В. Конвергенция как метод исследования: реконструкция мировоззрения эпохи Серебряного века в России	106
Англоязычные метаданные	127

Contents

Yang C. The myth of Gong and Yu: as a mythological reflection of the transition from matriarchy to patriarchy among the Xia people	1
Akimov O.Y. Creativity of Vasiliy Rozanov: interaction between public and private worlds as the realizing understanding	15
Khasieva M.A. The image of the Megalopolis in the context of the concept of neotechnical development by P. Geddes and L. Mumford.	31
Sayapin V.O. The Project of "Information Ontology" in Gilbert Simondon's Theory of Individuation	40
Pang S. Representation of China's National Identity in Russian Travel Blogs	58
Popova L.V. The idea of «eternal life» in the work of V.I. Vernadsky	73
Rakhimova M.V. Philosophical thinking of the "theatrical" nature of a human being: in search of directions for the study of "everyday theatricality"	89
Zarutskaya S.V. Convergence as a research method: reconstruction of the worldview of the Silver Age Epoch	106
Metadata in english	127

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Ян Ч. Миф о Гуне и Юе: как мифологическое отображение перехода от матриархата к патриархату у народности Ся // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.72784 EDN: KUNBKY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72784

Миф о Гуне и Юе: как мифологическое отображение перехода от матриархата к патриархату у народности Ся

Ян Чэньбэй

кандидат культурологии

аспирант; институт философии; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, оф. 32

✉ st106502@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Мифы и современные мифологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.3.72784

EDN:

KUNBKY

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2024

Дата публикации:

17-03-2025

Аннотация: В данной статье рассматривается переход от матриархального к патриархальному обществу через призму культурных феноменов. Статья состоит из двух частей. В первой части дается характеристика двух специфических культурных феноменов в Китае — культа тотемов и системы «чаньвэн» — и используется идея о том, что переход от матриархального общества к патриархальному был противоречив и нелинеен. Во второй части, на примере древнекитайского мифа о борьбе Гуня и Юя с потопом, с анализируется феномен чудесного рождения Юя без участия женщины, далее же, основываясь на серии историй о женитьбе Юя с Тушань и данных об изменении системы брака, происходившем в эту эпоху, рассматривается то, как матриархальная система перерождается в патриархальную. В данной статье рассматривается переход от матриархального к патриархальному обществу через призму

культурных феноменов. Во-первых, в статье дается характеристика двух специфических культурных феноменов в Китае — культа тотемов и системы «чаньвэн» — и используется идея о том, что переход от матриархального общества к патриархальному был противоречив и нелинеен. Во-вторых, статья основываясь на серии историй о женитьбе Юя и Тушань и данных об изменении системы брака, происходившем в эту эпоху, рассматривается то, как матриархальная система перерождается в патриархальную. Также установлены мужское репродуктивное право, право передачи потомкам отцовской фамилии и наследственное право отца и сына и т.д., что завершило переход народности Ся от матриархата к патриархату и становление классового общества.

Ключевые слова:

китайская мифология, миф о потопе, родство, наследование, матриархат, патриархат, китайская история, Шань Хай Цзин, родовое общество, общественная система

Целью данного исследования является изучение причин перехода от матриархата к патриархату на основе феномена отношений отца и сына (рождения Юя без участия женщины) в мифе «Гунь и Юй» с историко-культурной точки зрения. **Метод** исследования – исследование литературы. Объединение двух культурных феноменов — культаtotемов и системы «чаньвэн» для более глубокого исторического и социального анализа мифа «Гунь и Юй». Ключ к разгадке лежит в понимании социальных функций, символических значений, а также познания и логики, лежащих в основе культурных символов. Цель работы определяет следующие **задачи**: (1) Объединяя два культурных явления, проводится культурологический анализ использования мифа «Гунь и Юй» в китайской литературе; (2) Выявить социальные проблемы, связанные с отражением мифов в истории Китая; (3) Проанализировать историко-литературное значение и социокультурную презентацию мифа «Гунь и Юй».

I . Основные характеристики перехода от матриархального к патриархальному обществу

(1) Культ тотемов в Китае

Культ тотемов — продукт матрилинейного родового общества. В эту эпоху преобладающей системой организации общества был групповой брак, и, как говорил Чжуанцзы, «люди знают своих матерей, но не своих отцов» [\[13\]](#). Иными словами, люди не различали естественных отношений между родителями и детьми. Они сохраняли имя матери-основательницы рода и связывали рождение своих предков с отношениями между ней и каким-либо богом. В этом случае богами являются тотемы, которые обычно выбираются из множества растений, животных или неживых существ, имеющих тесную связь с родом и почитаемых как символы и эмблемы родовой группы. Однако в связи с постоянно развивающимся институтом брака дети стали получать представление о том, кто приходится им отцом, и это феномен привел к началу кризиса в тотемном культе.

В рамках матриархата после смерти мужчины его имущество переходит к роду, в котором он родился, и наследуется его кровными родственниками по материнской линии, а его дети могут наследовать имущество матери только совместно с другими кровными родственниками матери, или максимум отдельно от матери, но не от отца. С развитием производительности до определенного уровня статус мужчин повышался, их богатства росли, и они пытались опереться на этот факт, чтобы изменить распространенную в то

время систему наследования от членов клана таким образом, чтобы право наследования принадлежало только их детям. Л.Г. Морган считает: «Накопление собственности и желание передать ее детям было в действительности фактором возникновения моногамии, имевшей целью обеспечить законных наследников и ограничить их число подлинными потомками брачной пары» [6, с. 281]. В результате костяком клана постепенно становились мужчины, а женщины подчинялись им. С распадом матрилинейного клана культ тотемов постепенно сошел с исторической сцены, и до наших дней дошли лишь некоторые его остатки. В общем, существование и исчезновение тотемного культа можно рассматривать как разделительную линию между матрилинейными и патрилинейными родовыми обществами.

(2) Система чаньвэн

Принято считать, что переход от матрилинейности к патрилинейности осуществился плавно и постепенно, без значительных потрясений, но в действительности это одна из самых радикальных революций в истории человечества. Об этом свидетельствует обычай, получивший в китайском языке наименование «система чаньвэн» (кит. 婆翁, буквально “рожающий отец”), но известный и за переделами Китая. Под этим термином обычно подразумевается, что мать после родов не кормит младенца грудью, а муж ухаживает за ним в постели. Эта система зафиксирована не только в Китае, но была распространена также во многих странах мира среди различных этносов. К примеру, на Кавказе существовало так называемое «мужское постельное белье». В Северной Америке у шошонов, когда беременная женщина рожает, ее муж уходит в уединенную хижину, приготовленную для него матерью. Он должен оставаться в хижине один в течение пяти дней, до того момента, пока у новорожденного не отпадет пуповина. Он также должен соблюдать различные табу, обычно близкие к тем, что применяются к менструирующим женщинам: не употреблять в пищу никакого мяса, никаких супов, а только зерно, не мыться до истечения пяти дней и т. д. [14]. Многие индейские племена в Америке, народ динка в долинах Конго и Белого Нила в Африке, айны в Японии, баски в Пиренеях, ряд коренных народов в южной части Тихого океана и другие этнические группы также сохранили следы этой системы до настоящего времени.

Мотив рождения ребенка непосредственно от отца прослеживается и на мифологическом материале. В древнегреческой мифологии Афина родилась от Зевса и Метиды. Зевс проглотил Метиду не жуя, когда она находилась в состоянии беременности. Позже Зевс почувствовал боль в голове и попросил Гефеста, бога огня, расколоть ему голову бронзовым топором, и тогда Афина с криком выпрыгнула из головы отца. Здесь же можно упомянуть и Диониса, которого Зевс извлек недоразвитым из утробы матери и донашивал, зашив себе в бедро. Миф о зачинающей матери и рожающем отце в определенной степени является фоном для происхождения понятия «chanьvэн». Таким образом, очевидно, что система чаньвэн, как и культ тотемов, — феномен, общий для «детства человечества».

В древних китайских мифах, через истории о Гуне, Юе и Ци, можно проследить траекторию перехода от матриархата к патриархату в истории китайского первобытного общества.

II. Исторический и культурный анализ эволюции матриархальных и патриархальных обществ

Патриархат в Китае зародился в период Чжуаньсюй (кит. 颛顼), но окончательное становление системы претерпело длительные изменения, а в период Яо-Шунь-Гунь-Юй

еще сохранялись пережитки перехода от матриархата к патриархату.

(1) Анализ родственных отношений между Гунем и Юем

Миф о Гуне, Юе и борьбе с потопом является одним из древнейших китайских мифологических сюжетов, дошедших до наших дней, он впервые появился в «Книге гор и морей» («Шань хай цзин», кит. 山海经) и «Чуских строфах» («Чу Цы», кит. 楚辞) в период Сражающихся царств. Традиционно его ключевые персонажи Гунь и Юй считаются отцом и сыном. Согласно трактату «Ши цзи» (кит. 史记 – «Исторические записки»), Гуня казнили после того, как он не смог обуздать потоп проблему, Юй унаследовал должность Гуня, продолжил борьбу с наводнением и в итоге добился успеха. Однако, если мы проследим происхождение этих персонажей, мы обнаружим, что миф о Гуне содержит множество загадок, на которые трудно ответить. Можно сказать, что миф о Юе является результатом развития мифа о Гуне. По поводу точки зрения на отношения между Гунем и Юем в период до эпохи Цинь существовало две разные повествовательные системы: одна система, официально признанная, была записана в исторических биографиях, а другие — приводимые в «Книге гор и морей», «Чуских строфах» и других книгах, — можно назвать повествовательными системами мифического характера.

Первый тип, согласно записям «Шаншу Яодянь» (кит. 尚书·尧典), «Ши цзи» и других книг, император Яо (кит. 尧) поручил Гуню сдержать разливы рек. В течение девяти лет Гунь безуспешно пытался бороться со стихией, уступив императорский трон Шуню. Шунь казнил Гуня в горах Юйшань (кит. 羽山, букв. «Гора перьев» или «Крыло-гора»), а его сыну Юю велел продолжать борьбу с наводнениями, и Юй в итоге сумел отвести паводок. Самая ранняя запись такого рода официального заявления восходит к гадательной книге «Гуйцзан» (кит. 归藏). Согласно записи, Гунь твердо знал, что ему не удастся справиться с наводнением, но не отступил, несмотря на трудности. Вместо этого он использовал для дальнейшего контроля над наводнением метод «перекрывания течения всех рек» (буквально «сотни рек», кит. 堰防百川). В книге «Го юй» (кит. 国语, «Речи царств» или «Повествования о царствах»), в разделе «Чжоу Юй Ся» (кит. 国语: 周语下) написано: « В прошлом Гун-гун... хотел перекрыть течение всех рек, снести возвышенности и запрудить низменности, чтобы нанести вред Поднебесной. За это великое Небо не дало ему счастья, народ не окказал помощи, возникли беды и смуты, в результате которых Гун-гун был уничтожен. Затем во времена Ю-юя жил Гунь, правитель владения Чун. Он дал волю своему порочному сердцу, а в действиях повторил ошибки Гун-гуна, за что Яо убил его в горах Юйшань» [\[2, с. 62\]](#). В этом отрывке из «Го юй» упоминается, что и Гунь (кит. 鯀), и Гунгун (кит. 共工) пытались «перекрыть течение всех рек» для борьбы с наводнениями, но в конечном итоге потерпели неудачу и обрекли на гибель многих людей, за что поплатились жизнью сами. На самом деле деяния Гуня и Гунгуна схожи. Ученые «Школы дискуссий о древней истории» («Критики древней истории», кит. 古史辨派) полагают, что на самом деле это один и тот же человек. В 1934 году Тун Шуе упомянул в постскриптуре к «Дискуссии о происхождении теории пяти стихий», что Гунгун — это аватара Гуня. После этого Ян Куань отвел много места для описания этой точки зрения во «Введении в древнюю историю Китая». Его заявление вызвало в то время большой резонанс и было принято многими учеными. Историк Сунь Цзоюнь в книге «Исследование о Чи Ю» 1940 года в большом количестве цитирует Ян Куаня. С приходом наших дней все больше ученых задаются вопросом тождественности фигур Гуня и Гунгуна. Они считают, что доказательства утверждения о том, что эти двое на самом деле являются одним человеком, недостаточны и это заявление трудно подтвердить [\[20, 25\]](#).

Хотя до сих пор трудно точно сказать, являются ли Гунь и Гунгун одним и тем же человеком, согласно приведенной выше выдержке из «Го юй Чжоу юй», мы, по крайней мере, знаем, что люди в период Весен и Осеней, а также в период Воюющих царств верили, что Гунь и Гунгун имели опыт борьбы с наводнениями и Гунгун совершил ошибку при запреживании рек, что привело к неудаче. Гунь не извлек урок из неудачи Гунгуна, но продолжал использовать ошибочные методы своего предшественника, что в конечном итоге привело к катастрофе. Стоит отметить, что «Го юй» сообщает, что человеком, казнившим Гуня, был Яо. Однако в «Мэн-цзы» (кит. 孟子) Гуня казнил именно Шунь (кит. 舜). Согласно записи, «Шунь сослал Гун-гуга в Ючжоу, отправил на поселение Хуань-Доу в Чуншань, казнил Сань-Мяо в Саньвэе, умертвил Гуня в Юишани. Предание казни этих четырех злодеев привело к тому, что вся Поднебесная покорилась Шуню, так как были осуждены те, кто был лицеприятным» [7, с. 132]. «Мэн-цзы» не только называет Шуня человеком, убившим Гуня, но также перечисляет имена Гуня, Гунгуна, Хуань-доу (кит. 羯兜) и Сань-Мяо (кит. 三苗) в качестве «четырех злодеев». Автор книги считал, что их действия были чрезвычайно злыми, а потому их убийство Шунем следует считать справедливой карой. Ко времени написания «Люйши чуньцю» (кит. 吕氏春秋) «грехом» («злодеянием») Гуня была не только неспособность усмирить наводнения, но и стремление взойти на престол, сопротивление отречению Яо от престола в пользу Шуня и организация бунта.

В повествовании об отношениях Гуня и Юя уже появлялась и широко распространялась в доцинский период формулировка «Гунь — отец Юя», однако в более поздних поколениях распространилась версия родословной цепочки «Хуанди — Чаньи — Чжуаньсяй — Гунь — Юй» (кит. 黃帝—昌意—顓頊—鯀—禹), и сведения об их родственных отношениях появляются относительно поздно. Они не встречаются в различных документах раннего периода, но появляются в конфуцианских документах «Сила дэ пяти императоров» («У ди дэ», кит. 五帝德) и «Родословная императоров» («Ди си», кит. 帝系). Конфуций сказал: «Внука Гао Яна и сына Гуня зовут Вэнь Мин» [10, с. 729]. В «Родословной императоров» сказано: «У Чжуаньсяю (муж.) родился Гунь (муж.), а у Гуня родился Вэньмин, он же Юй (муж.)» [10, с. 737]. Кроме того, в книге «Происхождение поколений» («Шибэнь», кит. 世本) также упоминается: «У Чжуаньсяю родился Гунь, а у Гуня родился Гаоми, он же Юй» [1, с. 90]. В конечном итоге это заявление было принято «Ши цзи» в качестве официального авторитетного заявления.

Более того, существует еще одна теория о родстве Гуня и Юя, полная мифического подтекста. Согласно «Книге гор и морей», а именно ее XVIII разделу (цюаню) «Каталог [земель] внутри морей» («Шань хай цзин: Хай нэй цзин», кит. 山海经: 海内经): «Воды потопа разлились до небес. Гунь не дождался призыва Предка и похитил саморастущую землю, чтобы преградить [путь] водам потопа. Приказал тогда Предок Заклинающему огонь казнить Гуня у Крыло[-горы]. Гунь воскрес и родил Юя. Повелел тогда Предок Юю закончить устройство земли, чтобы учредить Девять областей» [5, с. 164]. Мифические элементы этого отрывка очевидны. С одной стороны, Гунь похитил у Предка землю, подобно Прометею, выкравшему у богов огонь. По мнению Го Пу, комментатора «Книги гор и морей», саморастущая земля («земля Сижан») — это почва, которая бесконечно растет и набухает, как тесто. Под Предком (ди — «императором») явно подразумевается божественный Император Небес, а не смертные императоры, такие как Яо и Шунь, упомянутые в исторических биографиях. С другой стороны, Юй родился из тела Гуня после того, как его казнили. Следует также отметить, что, по некоторым версиям, Юй родился в облике змеи или желтого дракона; это придает его рождению еще больший мифологический колорит.

Таким образом, миф о рождении Юя из живота Гуня на самом деле можно рассматривать как трансформацию мифа о смерти и возрождении Гуня. Формулировка, согласно которой Гун после смерти превратился в желтого дракона, означает, что его душа вознеслась на небеса и возродилась, но в иной ипостаси, которая и получила имя Юй. В «Золотой ветви» Фрэзер подробно обсуждает вопрос о том, что в сознании первобытных людей божественные властители находятся высоко, а правители — это аналоги богов в мире смертных, так что «смерть и воскресение властителя представлялись единственным средством сохранить во всей полноте его священную жизнь, необходимую для спасения народа и всего мира» [11, с. 204], и что поэтому колдовство должно использоваться для защиты души правителя от вреда, и что когда здоровье правителя сталкивается с ослаблением, необходимо, чтобы новый правитель получил власть богов, убив старого, — этот процесс осмысляется как ритуальное умерщвление и последующее воскрешение бога. Миф о Гуне и Юе точно подтверждает мнение Фрэзера, как сказал Сунь Чжун-эн: «Как миф, он (т.е. отец Гунь, порождающий Юя в утробе матери) представляет собой упорство человека в его борьбе с природой и стойкость человека, который даже может быть воскрешен из мертвых и может быть "преобразован" и "превращен" в другого нового человека. [Трансформация] Гунь[я] — Юй[я] — это именно такое мифологическое превращение. Говоря об отношениях, в которых состоят Гунь и Юй, следует сказать, что Гунь — предшественник Юя, а Юй — преемник Гуня...» [8]. Мало того, Гу Цзыли также считает: «Гунь стал жертвой человеческого жертвоприношения, посредством которого люди древности пытались обрести контроль над водной стихией. Гунь — бог воды, и использовать его в качестве объекта жертвоприношения означает убить старого бога и создать нового. Рассечение чрева Гуня породило Юя, бога воды» [3]. Таким образом, широко распространенный в доциньский период миф о «смерти Гуня и жизни Юя» на самом деле является пережитком концепции божественной силы, возвращающейся из мертвых в рамках древней колдовской традиции, т.е. передача божественной энергии от Гуня к Юю осуществляется через смерть и возрождение.

(2) Анализ исторических аспектов

Тем не менее, отражая содержание борьбы с потопом, миф о Гуне и Юе также имеет в качестве подоплеки исторический феномен перехода от матрилинейности к патрилинейности, в полной мере отражая борьбу и конфликт между двумя сторонами в период социальных преобразований. Начиная примерно со времен, описываемых в мифе о Гуне и Юе, родоплеменные общины в бассейне Желтой реки в Китае постепенно перешли от матрилинейного кланового уклада к патрилинейному. Это «одна из самых радикальных революций, которые когда-либо переживало человечество» [15, с. 67]. Социальный уклад, идеология, культура и обычаи матриархальной эпохи начали меняться на патриархальные. Именно на этом фоне разворачиваются события мифа о Гуне и Юе, и поэтому в нем явно прослеживается переход к патриархально-клановой организации общества. С развитием производительных сил возникла череда конфликтов за власть между угасающей матриархальной системой и набирающей силу патриархальной системой. Эта борьба отражена в мифе о Гуне и Юе, относящемся к тому же периоду.

Во-первых, меняется пол героя, спасающего Китай от потопа. В первоначальных мифах о катастрофах, сложившихся в матриархальный период, подвиг Нюйва, залатавшей небесный свод, на самом деле являлся попыткой прекратить потоп, запечатав дыры в небесной тверди, сквозь которые хлестала вода. При переходе от мифа о Нюйва к мифу о Гуне и Юе наблюдается трансформация героя — борца со стихией из женщины в

мужчину, что отражает, во-первых, появление земледельческих орудий и развитие производительности труда – «Для древних людей смерть была не концом жизни, а переходом к возрождению» [8] – (согласно традиционным патриархальным понятиям, женщина не должна была работать вне дома, а уж тем более пользоваться сельскохозяйственными орудиями), во-вторых, физическое превосходство мужчины над женщиной; первобытные люди постепенно осознали превосходство мужчин, что и положило начало зарождению патриархальной власти.

Во-вторых, происходит постепенная утрата женщиной репродуктивных прав. В «Шань хай цзин» излагается легенда о «Женской стране» – Нюйцзыго: «То есть пруд Хуанчи – Желтый пруд. Женщины заходят в него купаться. Когда они выходят, оказываются беременными» [17, с. 268], в «Анналах царств У и Юэ» («У Юэ чуньцю», кит. 吴越春秋) также упоминается девушка из рода Юсинь, по имени Нюйси, которая «развлекалась на горе Дишань и вдруг почувствовала, что странно возбуждена. Оказалось, что она забеременела. Она вскрыла себе бок и родила Гао Ми [т.е. Юя]; Цзянь-ди, прародительница народа инь, проглотила яйцо ласточки и родила мальчика по имени Ци [12, с. 346]. В этих материалах записано, что отцы-основатели кланов родились в утробе целомудренной девы без совокупления с мужчиной. Выделение материнства в качестве исключительно женской функции устанавливает сакральный статус материнства в клановом обществе.

Однако по мере того, как связь между зачатием, беременностью и родами становится все более очевидной, начинается борьба за репродуктивные права. В «Книге гор и морей» записано соответственно: «Царство Мужчин находится к северу от птицы вэй. Люди там носят одежду, шапку и меч на поясе» [5, с. 127]; «С юга к Стране шаманов примыкала страна Чжанфugo – Страна мужчин. Там не было ни одной женщины. Одежда у них была всегда в порядке, а на поясе висел меч»; «Жен у них не было, но каждый мог породить из своего тела двух детей. Эти дети при рождении представляли собой тени, а когда они переставали быть бесплотной тенью, мужчины, породившие их, умирали. Говорили также, что эти дети рождались у них из подмышек» [16, с. 207] и т. д. С развитием цивилизованного общества патриархальная власть не только не ослабла, но и продолжает укрепляться, и миф о том, как Гунь родил Юя, является классическим примером мифа о чудесном рождении сына без участия женщины. За этим трагическим мифом скрывается ожесточенная борьба между патрилинейными кланами, когда они сражались с матрилинейными кланами за право на родословную своих детей.

Чередование матриархата и патриархата, трансмутация между двумя самыми ранними социальными системами человеческого общества, имеет свои собственные законы функционирования. Согласно более поздним записям, в то время «[Когда] действовало Великое Дао, Поднебесная была гун (Тянься вэй гун, т.е. мир был справедлив). Выбирали добродетельных, содействовали способным; учили верности, совершенствовали в дружелюбии...» [19], это бесклассовый мир с разделением собственности. Описанная более поздними поколениями в подобной литературе, она на самом деле относится к ситуации в матрилинейных клановых обществах. А затем, по мере увеличения общей собственности племени, в роду стала возрастать доля частной собственности и стремление вождей племени к личному богатству, и положение вождя племени, а то и всего племени, постепенно стало предметом споров. Однако борьба между системой добровольной передачи власти и наследственной системой началась в эпоху Яо, Шуня и Гуня, т.е. в начале периода перехода от матриархального к патриархальному строю. Причина, по которой Гунь осмелился нарушить традиции

матрилинейного кланового общества и захотел оставить своих детей в родном клане, заключалась в том, что Гунь стал мужчиной, бросившим вызов матриархальному укладу. В то же время попытка Гуня занять место правящей матриархальной верхушки подтверждается документально: «Когда Яо уступил Поднебесную Шуню, Гунь был одним из чжугоу. Он разгневался на Яо и сказал: “Ди-предком становится тот, кто обрел небесный путь-дао; гуном становится тот, кто постиг дао-закон неба и земли. Но ты не сделал меня саньгуном!” Тем самым он хотел сказать, что Яо не прав. Он так жаждал заполучить титул саньгуна, что в ярости готов был обратиться даже к диким зверям как союзникам, желая поднять мятеж ради достижения цели. Он выровнял рога зверей так, чтобы их могли принять за знамена» [\[21\]](#). Этот фрагмент достаточно показателен для того, чтобы продемонстрировать, что Гунь отважен, целеустремлен и обладает духом противоречия.

(3) Анализ на уровне института брака

Конец Гуня трагичен — он был изгнан и казнен. Сын Гуня, Юй, наследует дело отца, но помимо этого стоит обратить внимание на брак Юя и его жены Тушань. Согласно книге «Чу Цы: Небесные вопросы», причина, по которой Юй женился, не доведя до конца борьбу с потопом, заключалась в желании иметь преемника, поэтому он отправился к дочери клана Тушань, и прошел путь «мужа и жены» в земле Тайсан. Но не так, как все остальные, так что 8 числа он женился, а 1 числа — усмирял наводнение [\[18, с. 97-98\]](#). Этнографы установили, что человеческие браки прошли пять стадий брачных обычаем: первобытный промискуитет, кровнородственные браки, «пunalуальные» браки, исключающие связь с кровными родственниками первой степени, парные (диадические) браки и моногамные эксклюзивные браки [\[9, с. 202-203\]](#). Смешанные браки — это обычная система брака в древние времена, не имеющая фиксированной формы супругов и не образующая семью. Смешанные браки описываются в «историях о чудесных рождениях и выведении потомства в гетерогамных браках» [\[9, с. 203\]](#). История о браке иноплеменника и медведя, а также миф о рождении Юя являются отражением первобытного промискуитета. Кровнородственные и пunalуальные браки относятся к стадии полигамии, которая структурирована в виде полиандрии. Члены диадических брачных кланов ищут мужей или жен за пределами клана; межродовые браки между мужчинами и женщинами одного поколения внутри рода не допускаются; мужчины ищут жен у женщин за пределами клана, а женщины — мужей у мужчин за пределами клана. По мере повышения статуса мужчин в общественном производстве ожидалось, что мужчины будут жениться на женщинах, возвращая их в свои кланы, а их жены будут жить с мужьями. С этих пор диадические браки достигли стадии эксклюзивных браков. Под эксклюзивным браком понимается моногамный брак — институт, возникший с повышением статуса мужчины и развитием патриархальных устоев.

Принадлежали ли Юй и Тушань к одному клану? «Судья исторических записей», ссылаясь на «Императорскую родословную», пишет: «Юй женился на дочери клана Тушань по имени Нюйва, чтобы родить Ци» [\[23, с. 65\]](#). В китайской мифологии существует женский персонаж по имени Нюйва, ключевой для сюжета о латании небесного свода; эта Нюйва обычно имеет облик змеи с человеческим лицом. Однако Нюйва, которая залатала небесный свод и создала человека, не принадлежала к клану Тушань. Помимо имени «Нюйва», женщина из клана Тушань была известна и под другими именами: в «Хрониках весен и осеней» (кит. 吴越春秋) приводится имя «Нюй-цзяо» (кит. 女娇), а в «Веке императоров» (кит. 帝王世纪) — «Ю-нуй» (кит. 僞女); в вышеупомянутом мифе о

Нюйве нет сведений о том, что Нюйва носила имя «Нюй-цзяо» или «Ю-нью» (строго говоря, между этими двумя персонажами вовсе не прослеживается ничего общего кроме женского пола и совпадающего имени), поэтому клан Тушань нельзя однозначно определить как змеиный. Тем не менее, с определенностью можно утверждать, что в мифе о Гуне и Юе все метаморфозы Гуня и Юя связаны с образами медведя и дракона, тогда как змеи не фигурируют в этом сюжете ни в каком виде. В то же время клан Тушань никак не связан ни с медведями, ни с драконами. Следовательно, у клана Гуня и Юя и клана Тушань разные тотемные животные, а это указывает на то, что брачная связь между Юем и кланом Тушань состоялась скорее между двумя кланами, чем между представителями одного и того же клана. Как говорится в «Новом исследовании Тушаня», «кланы Ся и Тушань были двумя межродовыми общинами, а брачный уклад на исходе первобытного общества представлял собой диадическую брачную систему, в которой два межродовых клана были более прочно объединены в брачные отношения» [4]. Более того, что касается женитьбы Юя, некоторые ученые утверждают, что история женитьбы Юя на Тушань отражает переход от матриархата к патриархату в первобытном клановом обществе Китая. Трагедия клана Тушань — это красочное изображение краха матриархата и триумфа патриархата [24, с. 43-46]. По той же причине у них родился сын по имени Ци (кит. 师). Поскольку в матрилинейных клановых обществах было принято, чтобы ребенок оставался с матерью, Юй потребовал вернуть сына из клана Тушань и принялся бороться за право опеки над Ци. Поведение Юя показывает, что в его представлении дети должны следовать за своими отцами, поэтому эта история свидетельствует о возрастании патриархальных представлений.

Отец Гунь и сын Юй прошли через два поколения, т.е. переход от матриархата к патриархату, который окончательно завершился в поколении сына Юя, Ци, который принял скипетр от Юя и основал династию Ся. Согласно традициям матрилинейного кланового общества, после Юя его преемником должен был стать И (кит. 益), демократически избранный племенным союзом. На смертном одре Юй все же осуществил волю народа: «выдвинул И, поручив ему дела управления» и «вручил Поднебесную И» [22, с. 163]. Однако в те времена легитимностью обладала не система добровольной передачи власти выборов и уступок матрилинейного кланового союза, а патрилинейная система наследственного престолонаследия, при которой «сын наследует дело своего отца». В конце концов Ци стал новым царем династии Ся и одновременно основал классовое общество.

Заключение

По выражению Ф. Энгельса, переход от матриархата к патриархату синхронен с переходом от присваивающего хозяйства к производящему: «"дикий" воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, "более кроткий" пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе» [15, с. 73]. Начиная с борьбы Гуня со своей женой Тушань за право воспитывать детей от имени мужчины, чтобы бороться за право на деторождение в патриархальном обществе, затем борьбы Юя со своей женой Тушань за право воспитывать детей, т.е. право детей унаследовать фамилию отца, и затем воцарения Ци и династии Ся, в рамках которой власть уже передавалась от отца к сыну, можно увидеть, что существует линия развития, проходящая через становление патриархальной системы. Благодаря Гуню, Юю и Ци были установлены мужское репродуктивное право, право передачи потомкам отцовской фамилии и наследственное право отца и сына, что завершило переход народности Ся от матриархата к патриархату и становление классового общества. Несмотря на то, что эта

серия изменений была завершена Ци, согласно мифологическим источникам, данная заслуга принадлежит Гуню и Юю.

Библиография

1. Восемь Шибэн. Шанхайское коммерческое издательство, 1957. С. 90.
2. Го Юй (Речи царств). Пер. с кит., вступление и примечания В.С. Таскина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 62.
3. Гу Цили. Новая интерпретация легенды о борьбе с наводнением Гуна и Юя. Журнал Центрально-Китайского педагогического университета, 1991. Выпуск 4.
4. Дун Цисян. Новое исследование Тушаня. Журнал Чунцинского педагогического института (издание по философии и социальным наукам), 1982. № 1.
5. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Пер. с кит. Э.М. Яншиной. М.: Наталис - Рипол классик, 2004. С. 127-164.
6. Морган Л.Г. Древнее общество. Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. С. 281.
7. Мэн-цзы. Предисловие Л.Н. Меньшикова, пер. с кит. и примечания В.С. Колоколова. СПб., 1999. С. 132.
8. Сун Чжун-эн. Гун. Культурные реликвии Чжун Юаня, 1989. Выпуск 1.
9. У Бинь-ан. Китайский фольклор. Чанчунь: Издательство Чанчунь, 2014. С. 202-203.
10. Фан Сяндун. Анnotated сборник Да Дай Ли Цзи. Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 2008. С. 729-737.
11. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1: Гл. I-XXXIX / Пер. с англ. М. Рыклина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 204.
12. Чжао Е. Хроники "У Юэ Чунь Цю". Пекинское объединенное издательство, 2015. С. 346.
13. Чжуанцзы, глава "Даочжи" (盜跖).
14. Адамсон Хёбел Э. Антропология: изучение человека. Университет Миннесоты, 1972 (цит. по: Cui Dewang, "An Exploration of the Procreative Ownership System". Yinshan Journal, No. 2, 2003).
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Люиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1989. С. 67-73.
16. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1987. С. 207.
17. Юань Кэ. Писания "Шань хай цзин". Издательство "Шанхайские древние книги", 1980. С. 268.
18. 洪兴祖. 楚辞补注. 北京:中华书局, 2002. 第97-98页. [Хун Синцзу. Дополнительные заметки по риторике Чу. Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2002. С. 97-98.]
19. 礼记·礼运. [Ли цзи, глава "Ли Юнь" ("Циркуляция благопристойности").]
20. 李传江. "共工即鲧说"疑. 连云港高等专科学院学报, 2008年第12期. [Ли Чуаньцзян. Сомнения по поводу теории о тождестве Гуна и Гунгуна. Журнал Ляньюньганского высшего специализированного колледжа, Выпуск 12, 2008.]
21. Весны и осени господина Люя (Люйши чуньцю), гл. 20 "Слова и дела" (Син Лунь). Пер. Г. А. Ткаченко. Сост. И.В. Ушакова. М.: Мысль, 2010.
22. Ся бэнь-цзи / Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и comment. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина под общей редакцией Р.В. Вяткина. Вступительная статья М.В. Крюкова, Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2001. С. 163.
23. 司马迁. 史记(二十四史修订本). 北京:中华书局, 2014年. 第65页. [Сыма Цянь. Ши цзи (пересмотренное издание двадцати четырех историй). Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2014. С. 65.]
24. 孙致中. 禹的婚姻问题. 河北大学学报, 1981年第2期. 第43-46页. [Сунь Чжичжун. Проблема

браха Юя. Журнал Хэбэйского университета, 1981, № 2. С. 43-46.]

25. 杨栋. 共工非鲧考--兼及与禹之关系. 古籍整理研究学刊, 2009年第6期. [Ян Дун. Исследование о тождественности персонажей Гуня и Гунгуна, и их связи с Юем. Журнал исторических исследований и изысканий, No. 6, 2009.]

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как автор отметил в заголовке («Миф о Гуне и Юе: как мифологическое означивание перехода от матриархата к патриархату у народности Ся»), является мифологическое означивание перехода от матриархата к патриархату у народности Ся (в объекте) в мифе о Гуне и Юе.

Сильной стороной исследования является детальный анализ различных вариантов мифа. К слабой стороне статьи следует отнести отсутствие вводного методического сопровождения, где следовало бы отдельно представить весь корпус анализируемых текстов с конкретной атрибуцией их по времени создания в международной системе датировок СИ (годы, века). То же касается упоминания исторических периодов, которые в китайской традиции определяются по династиям, а в СИ по годам и векам. И в целом основная (аналитическая часть) выглядит сумбурно: неясно какие именно познавательные задачи решает автор в отдельных разделах. Рецензент рекомендует, обеспечить вводную часть кратким описанием цели исследования, задач, решение которых позволяет достичь поставленную цель, а также методов решения этих задач. Ввиду отсутствия ясности в целеполагании исследования и «Заключение» выглядит теоретически слабовато (нет ясности в достигнутом результате). Если четко обозначить задачи во введении, то в заключении можно дать оценку решенным задачам: какое новое знание получено при их решении и какое можно получить, продолжив изучать мифы с опорой на достигнутые автором результаты (научная новизна, практическая и теоретическая значимость результатов).

В целом можно сказать, что автор раскрыл предмет исследования, но более четкая структура и усиление теоретико-методической функций вступления и заключения существенно повысят качество запланированной публикации.

Методологию исследования автор отдельно не комментирует, но ссылки на авторитетных антропологов указывают, что он опирается на символическую логику интерпретации мифологического означения перехода от матриархата к патриархату у народности Ся и сравнения различных трактовок миологического сюжета. В целом методов интерпретации и сравнения достаточно для обоснования авторской позиции. Но методическое сопровождение введения и заключения следует усилить.

Необходимость обоснования актуальности выбранной темы автор проигнорировал. Ввиду чего для читателя осталось не известно, зачем автор провел описанное исследование. Почему полученный им результат так важен?

Научная новизна, заключающаяся в детальном перекрестном анализе трактовок мифологического сюжета народности Ся о Гуне и Юе, заслуживает теоретического внимания. Но качество изложения полученных результатов можно значительно усилить при доработке статьи с учетом высказанных рецензентом замечаний.

Стиль текста автор выдержал научный. Структура статьи в целом соответствует логике изложения результатов научного исследования, но содержание введения и заключения, как отмечено выше, следует теоретически усилить.

Библиография, учитывая опору автора на анализ эмпирического материала, в целом раскрывает проблемную область исследования. Хотя автор упускает возможность поместить свои результаты в контекст актуальных теоретических дискуссий (не представлена научная литература по теме за последние 3-5 лет). Оформление библиографического списка нуждается в корректировке согласно требованиям редакции и ГОСТа (см. https://nbppublish.com/fkmag/info_106.html)

Апелляция к оппонентам ярко не выражена. Поскольку автор в отдельных фрагментах касается оценки теоретических дискуссий («Школа дискуссий о древней истории»), автору следовало бы более конкретно выразить свою позицию: какие положения каких коллег он поддерживает, какие развивает, какие опровергает.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура», но качество запланированной публикации можно значительно усилить, доработав статью с учетом замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Миф о Гуне и Юе: как мифологическое означивание перехода от матриархата к патриархату у народности Ся» представляет собой обращение к древнекитайской мифологии, конкретно - к мифу о князе Гуне и его сыне Юе (рожденным драконом), усмирении ими потопа и т.д. В тексте регулярно возникают проблемы языкового и терминологического свойства, так, в заголовке представляется необходимым заменить «мифологическое означивание» на «мифологическое отражение/отображение». В заголовке исследуемый текст назван «миф о Гуне и Юе», но в самом тексте встречается «анализ использования мифа «Гунь-Юй», что не соответствует российской синологической традиции и правилам русского языка, т.к. Гунь и Юй - два разных персонажа. Вообще, автор ставит крайне амбициозную задачу («изучение особенностей перехода от матриархального общества к патриархальному в Китае на основе мифа «Гунь-Юй», период исследования – период с ХХI века до н.э. по XVI век до н.э. (приблизительно 2070 г. до н.э.-1600 г. до н.э.)), пытаясь на историко-мифологической основе выявить характеристики сложного социально-экономического процесса, охватывающего около 500 лет и вообще относящегося к периоду китайской истории скорее легендарному, нежели подлежащему научному анализу по очевидным причинам ограниченности источников и т.д. Исторический компонент работы периодически вызывает вопросы, например, автор пишет: «В древних китайских мифах, через историю о Гуне, Юе и Ци, можно проследить траекторию перехода от матриархата к патриархату в истории китайского первобытного общества». Но в мифе описывается общество, далекое о первобытности. Автор не дает источниковедческой характеристики рассматриваемому тексту, ограничиваясь фразой «Миф о Гуне, Юе и борьбе с потопом является одним из древнейших китайских мифологических сюжетов», не приводит обзора литературы ни по своему единственному источнику, ни по проблеме трансформации матриархата в древнем Китае или по проблемам использования историко-мифологических текстов при анализе социально-экономических процессов; соответственно не определяется степень новизны работы и ее место в контексте предыдущих исследований по данной теме. Это представляется нам довольно серьезным недочетом работы. Нечто вроде обзора литературы возникает только в разделе Анализ родственных отношений между Гунем и Юем, здесь автор перечисляет разные трактовки степени родственных отношений между героями мифа. Методом исследования автор

заявляет исследование культурных символов, содержащихся в мифологическом тексте, представляется, что с этой задачей автор вполне справился, однако если мы обратимся к тем задачам, которые указал сам автор исследования, то они как раз не выполнены и вряд ли автор пытался их выполнить, представляется, что здесь имеет место неудачная формулировка/трудности перевода. Автор в частности пишет о своих задачах: «... проводится культурологический анализ использования мифа «Гунь-Юй» в китайской литературе; Выявить социальные проблемы, связанные с отражением мифов в истории Китая». В тексте не рассматриваются другие произведения китайской литературы помимо собственно указанного мифа, во втором случае вероятно имелось в виду отражение проблем социального развития древнего Китая в мифах. Содержательно текст представляет собой трехчастный подробный разбор мифа о Гуне и Юе с выявлением культурных символов, их трактовками в социально-историческом контексте и т.д. Повторим, что довольно прямолинейная трактовка мифологического текста о событиях третьего тысячелетия до н.э. как исторического источника (автор пишет в заключении «Благодаря Гуню, Юю и Ци были установлены мужское репродуктивное право, право передачи потомкам отцовской фамилии и наследственное право отца и сына, что завершило переход народности Ся от матриархата к патриархату и становление классового общества») может быть предметом дискуссий, но как междисциплинарное исследование на стыке литературоведения, культурологии, этнографии и др. исследование вполне состоятельно и представляет значительный интерес. Желательно скорректировать заглавие и цели исследования, исправить другие указанные недочёты.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию китайского мифа о Гуне и Юе, рассматриваемого как отражение перехода от матриархата к патриархату в культуре народности Ся. Авторы подробно анализируют социальные и культурные аспекты данного мифа, включая роль тотемизма, системы «чаньвэн» и изменение семейных отношений в контексте смены социальной структуры.

Основной методологией исследования является литературоведческий анализ, дополненный историческими данными и сравнительным подходом. Авторы используют различные источники, включая классические китайские тексты, такие как «Книга гор и морей» и «Чуские строфы», а также этнографические материалы. Такой комплексный подход позволяет рассмотреть миф о Гуне и Юе в широком культурно-историческом контексте.

Переход от матриархата к патриархату является важным этапом в развитии человеческих обществ, и изучение этого процесса через призму мифологии представляет значительный интерес для антропологов, социологов и культурологов. Анализ роли мифов в формировании общественных норм и ценностей актуален для понимания современных процессов трансформации гендерных ролей и семейной структуры. К сожалению, в работе фактически не рассматривается современная дискуссия по вопросу, происходил ли фактически переход от матриархата к патриархату в первобытных обществах.

Новизна данной работы заключается в попытке соединить культурологические и исторические подходы для изучения одного конкретного мифа. В статье предложен новый взгляд на миф о Гуне и Юе, подчеркивающий его значимость не только как культурного артефакта, но и как свидетельства глубоких социальных изменений. Также

заслуживает внимания попытка интерпретировать миф с учетом данных этнографии и археологии.

Текст хорошо организован и структурирован, стиль изложения достаточно академичен и соответствует требованиям научного журнала. Библиография включает широкий спектр источников, что говорит о тщательном подходе авторов к изучению темы. Однако отсутствие ссылок на современные (последних 10-15 лет) исследования несколько снижает научную ценность работы.

Авторы делают попытку учесть альтернативные мнения, например, рассматривают дискуссию о идентичности Гуня и Гунгуна, однако обсуждение других точек зрения могло бы быть более глубоким и всесторонним.

К главным достоинствам статьи можно отнести глубокий анализ культурных и социальных аспектов мифа, уникальный подход к рассмотрению мифа как источника знаний о смене социальной структуры, богатая база этнографических и археологический наблюдений. К критическим замечаниям можно отнести недостаточное внимание к современным исследованиям по вопросам матриархата и патриархата.

Ключевая идея статьи о том, что миф о Гуне и Юе отражает переход от матриархата к патриархату, интересна и подкреплена достаточным количеством доказательств. Однако выводы о значимости отдельных элементов мифа требуют дополнительного обоснования. Работа будет интересна специалистам в области культурной антропологии, истории и религиоведения, для широкой публики текст может показаться сложным.

Несмотря на отмеченные недостатки, статья имеет научный потенциал и достойна публикации в журнале «Философия и культура».

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Акимов О.Ю. Творчество В.В. Розанова: взаимодействие публичного и приватного миров как реализованное понимание // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.73697 EDN: TBIXCS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73697

Творчество В.В. Розанова: взаимодействие публичного и приватного миров как реализованное понимание

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

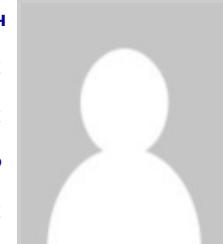
РАНХИГС КАЛИНИНГРАД

Акимов Олег Юрьевич

ORCID: 0000-0003-0941-7382

кандидат философских наук

ведущий научный сотрудник Западного филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ
236016, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Артиллерийская, 62

✉ aktula1@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия религии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.3.73697

EDN:

TBIXCS

Дата направления статьи в редакцию:

15-03-2025

Дата публикации:

27-03-2025

Аннотация: Творчество В. В . Розанова рассматривается как смысловое единство, в котором интенция понимания сближает между собой стилистически и содержательно

различные миры трактата «О понимании» и поздних произведений мыслителя. Это сближение осуществляется на основе общекультурной оппозиции публичного и приватного, особенности которой реконструируются в соответствии с методологическими установками М.М. Бахтина. Мир В. В Розанова изучается как диалогическое взаимодействие двух противоположных тенденций: тенденции экстерiorизации (приватное понимание становится частью публичного мира) и тенденции интериоризации (сюжеты, смысловые ходы и образы поздних произведений мыслителя интерпретируются в соответствии с имманентными характеристиками понимания, тем самым отражая приватный мир мыслителя). Специфика творчества В.В. Розанова заключается в том, что в нем реализован взаимный переход обеих тенденций как их взаимное становление, в котором ни одна из них не является преобладающей. В работе используется метод историко-философской реконструкции(рассмотрение особенностей трактата «О понимании» в контексте европейского рационализма) диахронический метод (изучение рецепции наследия Розанова в работах В.В. Бибихина, А.А. Грекалова) герменевтический метод(интерпретация творчества Розанова в контексте установок М.М. Бахтина). Научная новизна исследования заключается в том, что творчество В.В. Розанова рассматривается в диалогической парадигме, с одной стороны как спонтанный диалог раннего трактата мыслителя «О понимании» и поздних работ мыслителя, а с другой стороны, как трансвременной диалог миров В.В. Розанова и М. М. Бахтина, основаниями которого являются интуиции М.М. Бахтина, нашедшее отражение в его работе «К методологии гуманитарных наук» и образы поздних произведений Розанова, которые мыслитель, интерпретируя, связывал с мирами друзей и современников, тем самым положив начало их диалогической интерпретации. Специфика нашего подхода состоит в том, что наметившаяся в специальной литературе тенденция сближения миров Розанова и Бахтина конкретизируется не только посредством выявления сходства этих миров, но и как экспликация их различия. Это позволяет показать, что мир Розанова несмотря на новаторство используемых мыслителем приемов остается в рамках бинарных оппозиций, характерных для традиционной культуры.

Ключевые слова:

Мир, Понимание, Публичное, Приватное, Позиция, Взаимодействие, Жизнь, Видение, Вещи, Личность

Введение

Русская философия в отличие от европейской «живет символами и образами»[\[1, с.213\]](#). Творчество В.В. Розанова подтверждает «задумчивое внимание» философа[\[2, с.11\]](#) к различным вопросам окружающей его жизни. Для мыслителя характерно освещение «отвлеченных» понятий метафизики (душа, мораль,...и т.д.) в контексте частной жизни человека. «Взгляд» Розанова, как мы предполагаем, соответствует тенденции антропологизации Абсолюта, когда он рассматривается как человечески осмысленная и человечески прожитая предметность[\[3, с.369\]](#). Это порождает, как указывает А. А. Резниченко, множество трактовок творчества мыслителя[\[4, с.50\]](#). «Константой» этих трактовок является сближение понимания и знания, интерпретация понимания как «аналога» врожденного знания[\[5, с.118\]](#). Позиция Розанова, для которого «знание есть отражение бесконечного ряда явлений»[\[6, с.15\]](#) в отличие от понимания, стремящегося открыть скрытые цели, стоящие за явлениями, близка видению Канта. Он называл

«трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов»[\[7, с.121\]](#). Общим моментом видения Канта и раннего Розанова является постулирование отвлеченного характера знания, в котором Кант акцентирует рациональный, а Розанов иррациональный аспект.

Особенностью понимания Розанова является его субстанциальный характер, когда существование мира сводится к самораскрытию понимания, этими чертами оно сближается с понятием «духа» у Гегеля, для которого «всякая деятельность духа есть поэтому только постижение им самого себя...»[\[8, с.7\]](#). Связь работы Розанова « О понимании» с философией Гегеля отмечал А. Ф. Лосев «...Розанов пытался найти смысл жизни и дошел—своим умом — до того, чем прославился Гегель»[\[9, с.511\]](#). Остается не ясным, идет ли речь у Лосева о сближении конкретных аспектов понимания и философии духа, или только об общности принципа, в соответствии с которым отвлеченные проблемы постижения мира непосредственно связаны с «вещами». Однако факт такого сближения предполагает наличие у Гегеля и раннего Розанова общего рационального фундамента, а следовательно, схожих оснований для критики их учений.

П.П. Гайденко в работе «Прорыв к трансцендентному», характеризуя философию духа Гегеля, отмечает: «Парадоксальным образом в этом пантеистическом учении, где человеку отводится такая возвышенная роль в богочеловеческом всемирно-историческом процессе, не остается места для индивида как конечного единичного существа»[\[10, с.5\]](#). Исследователь считает, что развертывание духа у Гегеля подчиняется естественной необходимости, нивелируя индивида. Схожие черты в раннем трактате Розанова отмечает А. В. Золотарев «Розанов растворяет личность человека в природном начале»[\[11, с.112\]](#). С.В. Скородумов также сводит понимание к естественной необходимости[\[12, с.20\]](#). Линию спонтанного сближения Розанова и Гегеля продолжает О. А Глебов, для которого «обращение Розанова к проблемам понимания является попыткой найти и выявить новые основания единства мира как смыслового понятия и бытия как наличного»[\[13, с.89-90\]](#).

Мы предполагаем, что результатом поиска «баланса» между миром как понятием и бытием (жизнью) стала для Розанова иррационализация, начало которой было положено в первом трактате мыслителя.

Понимание акцентирует человеческий(индивидуальный) характер видения мира, подчеркивая, что основания этого видения «иррациональны»[\[6, с.66\]](#). Розанов превращает в поздних произведениях отвлеченные понятия в образы, что обуславливает связь между ранним и поздним творчеством мыслителя. Характер иррациональности связан с интуициями «О понимании», реализованными в поздних произведениях[\[14, с.80\]](#).

Особенности творчества Розанова обусловливают возможность его рассмотрения в диалоге с изоморфным ему миром М.М. Бахтина, в котором отношения мира и человека рассмотрены посредством оппозиции публичного и приватного[\[15, с.41\]](#). Общность мыслителей заключается в том, что они, исходя из рациональных предпосылок, обосновывают иррациональный характер отношений мира и человека, не сводимый к понятийной парадигме, чего мы касались в другой своей работе[\[16, с.114\]](#). Опыт подобного диалога дан Розановым в поздних произведениях, где он, связывал свое видение мира с размышлениями современников: Шперка, Рцы и Флоренского[\[17, с.349\]](#).

Мир понимания Розанова эксплицирует вопросы публичного характера (взаимодействие

науки, философии и религии, важное для общественной жизни), делая акцент на приватности личности: «То знание ценно, которое острой иголкой прочертило по душе»[\[17, с.206\]](#).

Целью нашей работы является рассмотрение творчества Розанова как понимания, реализованного через взаимодействие публичного и приватного начал, обусловливающее взаимосвязь раннего трактата «О понимании» и поздних произведений мыслителя: «Уединенного», «Мимолетного», «Опавших листвьев» в контексте установок М.М. Бахтина.

Тема «Творчество В.В. Розанова: взаимодействие публичного и приватного миров как реализованное понимание» будет раскрыта через рассмотрение «диалога» мира понимания В.В. Розанова и романного мира М.М. Бахтина; оппозиции публичного и приватного в творчестве В.В. Розанова.

Диалог мира понимания В.В. Розанова и романного мира

М.М. Бахтина

Творчество В.В.Розанова предопределяется интенцией, детерминированной основной темой — феноменом понимания. Исследователь творчества Розанова В.В.Бибихин называл понимание «алфавитом» к творчеству мыслителя[\[18, с.259\]](#), который актуализирует даже не связанные с пониманием проблемы, рассмотренные в поздних работах мыслителя. Специфика понимания заключается в том, что оно имеет «результатом ряд истин формального значения»[\[6,с.8\]](#), предполагающих реализацию множества возможностей. Характерной чертой понимания А.А. Грекалов называет неопределенность[\[19, с.82\]](#), что означает реализацию в действительном мире любой из возможностей, предустановленных в понимании. Понимание метарационально, оно не связано с действительной жизнью и проявляется в ней в определенные моменты[\[18, с. 259\]](#), что показывает возможность для понимания определять как реальные, так и ирреальные «стороны» действительного мира[\[6, с.65\]](#). Позиция Розанова сводится к тому, что «понимание» создает новые связи между вещами «дух ворвался в факты и склонил их в философию»[\[9, с.47\]](#), свидетельствуя о мире, который по Розанову «в вечном полинянии»[\[17, с.323-324\]](#). Розанов говорит о действительном мире, неопределенном рационально. Мир является для него упомянутым нам ранее «скленением фактов», новым их видением, имеющим ряд особенностей. Одна из них заключается в том, что созданный или спроектированный пониманием мир его поздних работ является миром человеческого опыта вне зависимости от того, проявляется ли он в действительной жизни. Отдельные мысли Розанова при общности интенции понимания, поэтому могут достаточно серьезно отличаться в разные периоды жизни «на предмет должно быть не менее тысячи точек зрения»[\[20, с.527\]](#).

Понимание мира Розановым как бы занимает срединное положение между миром материальной необходимости, имеющим принудительную силу для человека, и миром «мечты»[\[17, с.323\]](#). В этом смысле понимание, воссоздающее порядок фактов, совмещает между собой действительный мир и мир как проект, то есть мир, каким он должен быть. Розанов подчеркивает разницу «между тем, что есть и тем, что должно быть»[\[21, с.26\]](#). Мыслитель не только «устанавливает» эту разницу, но и полагает, что противоположность действительного мира и мира мечты не может быть снята человеческими усилиями, входя в порядок мира, который не подчиняется человеку[\[17,](#)

[c.316-317\]](#)

Другой особенностью спроектированного Розановым мира, сближающего в понимании науку и философию, теорию и действительную жизнь, является то, что этот мир связан с судьбой отдельного человека — носителя понимания. Об этом свидетельствует описание религии, которую мыслитель рассматривает как связь между творцом и творением, Богом и личностью [6, c.430]. В основе описания лежит собственный опыт мыслителя, реализованная им по отношению к религии интенция понимания. Религия для Розанова не догма и не объективный феномен, она — часть его собственной жизни, его приватности. Мыслитель делает акцент на частном характере жизни человека, ее неподконтрольности гетерономным началам: религиозным, научным или иным.

Актуализация приватного характера религии, как мы считаем, сближает мир В.В. Розанова с миром М.М. Бахтина, соединившим между собой идеальное представление о жизни и действительную жизнь [15, c.11]. Бахтин полагал, что авторы художественных произведений с помощью образов переосмысливают действительный мир вертикали (публичного) и мир горизонтали (приватного) [22, c.306]. В данном случае мир вертикали это художественно преображеный действительный мир.

Мир понимания, открывшийся Розанову, представляет собой также действительный мир, увиденный особым образом, «схваченный в понимающим жесте» [2, c.21]. Если в раннем трактате понимание оказывается связанным с высшими интересами человеческого духа (наукой, религией, бытием), то в поздних работах, как уже было отмечено, оно распространяется на частную жизнь человека. Реконструируя мир «О понимании», В.В. Бибихин отмечал, что у Розанова отвлеченные вопросы бытия были связаны с проблемами действительной жизни [18, c.259].

Общность исканий мыслителей заключается в центрированности на посюстроннем мире и его человеческом видении. Возможность такого «диалога» описана М.М. Бахтиным в работе «К методологии гуманитарных наук» [23, c.382]. Общим моментом творчества Розанова и Бахтина также стало сближение мира философии и мира «литературы» (Бахтин отмечал близость своей концепции учениям М.Шелера, М. Бубера, А.Бергсона, расширяющим рамки «понятийной» философии [22, c.135]). Искания В.В. Розанова тоже можно интерпретировать как изложение на языке позитивистской философии смыслов, характерных для учений, относящихся к более позднему этапу развития философии, в частности для феноменологии [2, c.13]. Это обуславливает возможность истолкования смысла позднего творчества В.В. Розанова как интуиции отношений публичного и приватного, позже появившихся в романном мире М.М. Бахтина, о чем речь пойдет далее.

Понимание, которому посвящен ранний трактат Розанова, приватно «есть отдельные люди и целые народы, его лишенные» [6, c.14]. Понимание, «обладающее человеком» [6, c.25], реализуется во внутренней связи с личностью, ее отношением к миру. Розанов, описывая свою «задумчивость» [17, c.175] (понимание), подчеркивает особенности видения мира, которыми в обыденной жизни тяготится. Для мыслителя, таким образом, публичное значение понимания становится актуальным тогда, когда выражено его приватное значение. В отличие от Розанова у Бахтина взаимодействие приватного и публичного «схематизировано», то есть постепенное «ограничение» публичного ведет к активизации приватного [15, c.410].

Сближение миров мыслителей дает нам возможность рассмотреть мир понимания Розанова, определяющий его творчество, посредством понятий, введенных Бахтиным для описания романного мира: публичное и приватное; вертикаль и горизонталь; высокое и низкое; большое и маленькое; «встреча». Это позволит конкретизировать связь между ранним (основанным на отвлеченных понятиями «О понимании») и поздним (построенном как описание конкретных вещей) этапами творчества Розанова. Основанием для этого служит общность координат миров Розанова и Бахтина. Речь идет об упомянутом ранее разграничении публичного (мира официальной культуры, вертикали) и приватного (жизни частного человека, горизонтали). Взаимодействие этих миров обеспечивается через соотнесение публичного (общественно-го) и приватного (частного, неофициального) аспектов их бытия. Конкретной стороной отношений публичного и приватного является взаимодействие большего и маленького. У Бахтина маленькое ассоциируется с публичным миром вертикали, а большое с приватным миром горизонтали. В культуре нового времени, горизонталь превалирует над вертикалью, вызывая постепенную «приватизацию» публичного, которую мыслитель определяет термином «встреча»[\[22, с.237\]](#).

У Розанова маленькое, оставаясь приватным, вводится в публичное пространство «большого» мира. У него осуществляется диалогическое взаимодействие публичного (вертикали) и приватного (горизонтали) с акцентом на вертикаль, что будет освещаться далее. Предложенная Бахтиным схема не полностью описывает характер взаимодействия публичного и приватного в творчестве Розанова. Это связано, на наш взгляд, с тем, что понимание мыслителя «демонстрирует» наряду с рациональным иррациональный аспект мира, поэтому переход от приватного к публичному и в обратном направлении у Розанова нельзя подчинить рациональному началу. Исходя из этого, мы дополнili «схему» Бахтина понятиями: «самоумаление», «измельчение», «отклонение», рационализирующими образы позднего творчества мыслителя. Розанов в отличие от Бахтина описывает действительный мир, поэтому для сближения публичного и приватного в его творчестве характерен элемент непредсказуемости и иррациональности, что оставляет открытым «пространство» для исследования.

Оппозиция публичного и приватного

в творчестве В. В. Розанова

Творчество Розанова приватно и вместе с тем публично, так как охватывает понимание, не относящиеся к миру, но определяющее его. Мир приватного (религия, философия, литература) соотносится с публичным: печатью, техникой, вещами и др. Их сближение происходит через отношение феноменов (например, литература публична) как «выход» из приватного в публичное и наоборот[\[20, с.351\]](#).

Особенность творчества Розанова, как уже было отмечено, заключается в том, что публичные феномены, относящиеся в традиционной культуре к сфере высокого, становятся частью приватной жизни. Речь идет о переходе приватного понимания в публичный мир, возвращении к единству мира и человека[\[15, с.170\]](#). Понимание, будучи одновременно приватным и публичным, активизирует интенцию мыслителя[\[17, с.93\]](#). А. Ф. Лосев характеризовал Розанова как «знающего обо всем, ничем серьезно не интересующегося»[\[24, с.151\]](#). Можно предположить, что Розановым «владел» «понимающий жест»[\[2, с.131\]](#), которым он не управлял «сидяешь, чтобы написать одно, а напишешь совсем другое»[\[17, с.23\]](#). Сближая публичную и приватную сферы, Розанов не сводит это к конкретному порядку действий. Это приводит к усложнению позиции мыслителя, что

отличало ее от позиции Бахтина, у которого материальное(публичное) преобладает над духовной сферой [15, с.159].

Взаимодействие приватного и публичного Розанов показывает через образ «царя». В «Мимолетном» он пишет: «Царь мне дорог, император мне чужд» [20, с.520], указывая, что император это одновременно и приватность (закрытость, официальность), и публичность (его положение официально закреплено). Образ императора для мыслителя обезличен, в то время как образ царя, его приватность основывается на его публичном положении —отца народа. В образе царя, тем самым выражается родство с каждым человеком [21, с.227].

Приватность императора становится у Розанова негативным полюсом публичности, а публичность царя — позитивным полюсом приватности, активизирующей подлинное сближение между людьми [21, с.76]. Сближение публичного и приватного мыслитель осуществляет через взаимодействие большого и маленького. Он отдает предпочтение маленьким или старым вещам, утратившим ценность у окружающих [17, с.341]. Они занимают место в микрокосме, и тогда маленькое замещает большое, получая в своей приватности значение подлинного [17, с.286]. Речь идет о восстановлении связи приватного с «большим» общемировым космосом, то есть маленькое входит по Розанову в макрокосм [20, с.351]. Мыслитель признается, что любит маленькое [17, с. 95], не повышая его низкого положения, а делая его достоянием мира «...сделаем большого и назовем «царь», сделаем блоху и назовем демократ» [20, с.205-206]. Мыслитель приравнивает сохраняющее свою онтологическую самость маленькое к большому. Такую связь, установленную Розановым, Бахтин назвал «новой связью между вещами» [15, с.203]. Если для Бахтина это предполагает появление нового мира, то для Розанова маленькое остается маленьким, а большое большим.

Розанов указывает, что встреча приватного и публичного становится возможной благодаря самоумалению вещей, следующему «по кривым линиям», из которых состоит космос Розанова [21, с.81]. Индивидуальность мыслителя проявляется в том, что он, рисуя кривые линии своей жизни, сообщает читателю: «Через грех я познавал все в мире, через грех (раскаяние) прикасался ко всему в мире» [17, с.66]. Мыслитель отмечает, что «греху нет определения» [17, с.233]. Это свидетельствует о том, что мир со всеми «ошибками» прекрасен, и полное понимание его не доступно для людей [17, с. 230]. Розанов в «Мимолетном» поэтому указывает на необходимость самоумаления человека через грех, чтобы произошло «подстраивание» вещей под «кривые линии» созданного не по учебнику мира [21, с.81]. Неслучайно мыслитель, сравнивая «всю во лжи фиалочку» [21, с.23-24] и «правдивый кирпич», делает вывод о значимости лжи, считая ее защитой своей свободы. Через ложь происходит актуализация вины и греха, с помощью которых достигается самоумаление, что сближает миры публичного и приватного, большое и маленькое. Признание фактора лжи по Розанову определяет пластичность человеческих отношений [21, с.199].

Особенность текстов Розанова заключается в том, что его видение полифонично. Всемирно-исторический образ царя, упомянутый ранее, объединяет приватное и публичное, священное и мирское. Описание повседневных вещей в поздних работах Розанова определяет постепенный переход от большого к маленькому, объединяющий мир [20, с.351], что относится и к религиозной сфере «христианин стал скопой человек» [20,

[c.4701](#). «Частные» интересы заменили глобальную миссию спасения мира, на месте большего появляется маленькое; Христос поэтому оказывается у Розанова «маленьким» частным «лицом»[\[17, c.427\]](#).

Процесс измельчения мира описывает и Бахтин, рассматривая «сублимированный мир верха, где маленькое и большое меняются местами»[\[15, c.190\]](#). У Розанова это происходит как включение маленького в жизнь большего, поэтому он подчеркивает свое самоумаление «фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду»[\[17, c.33-34\]](#). Самоумаление большого и маленького сближает их во всеобщем родстве[\[21, c.68-69\]](#). Это можно интерпретировать как отказ маленького занимать положение большего, и отказ большого подавлять маленькое. Каждая вещь занимает в мире определенное место. Розанов оправдывает все существующее: язычество и христианство, философию и литературу, религию и повседневную жизнь[\[20,c.464\]](#). Все это в понимании Розанова входит в «экономию бытия» [\[2,c.10\]](#).

Розанов не предлагает для вещей альтернативы кроме их измельчения с позиций приватности; это видение частного человека, фиксирующее детали, отличия, красоту и т.д. и этим привлекающее внимание читателя[\[17, c.73\]](#). В этом контексте становится понятным высказывание Розанова, что «каждая моя строка есть священное писание»[\[17, c.61\]](#) и сравнение себя с пророком[\[17,c. 81\]](#). Розанов осознавал, что он смешон в роли пророка как и демократ смешон в роли царя[\[20, c.206\]](#).

В текстах Розанова появляется «пародийное» самоумаление вещей. В понимании Розанова, которое соединяет публичное и приватное (вертикаль и горизонталь), профанное и сакральное «пародийное» самоумаление показывает, что знакомый человеку мир неподлинен. Знание, подменяющее понимание, не отражает закономерностей, присущих миру. Мыслитель поэтому рассматривает мир в задумчивом «внимании», провоцирующем приватность[\[17, c.175\]](#). В «Уединенном» Розанов высмеивает себя «может быть я дурак, может быть плут»[\[17, c. 68\]](#), самоунася себя, одновременно пишет «во мне было много дров»[\[21,c.13\]](#) (не реализованных идей; скорее всего эти темы оказываются вне понимающего жеста»[\[17, c.128\]](#)).

Мы предполагаем, что осознание Розановым собственной философской миссии актуализируется в контексте измельчения всего, из чего состоит мир. Он представляет Рачинского, Соловьева и себя мелкими, а Буслаева, Ключевского и Тихонравова — большими[\[17, c.67\]](#). Трансформация из большого в маленькое фиксируется мыслителем как тенденция. В произведениях Розанова выстраивается параллель самоумаления духовного (литератор в отличие от булочника)[\[17, c.33\]](#), физического (умаление собственной внешности) и морального (осознание собственного несовершенства и греховности)[\[17, c.325\]](#); при этом приватная сфера определяет жизнь и деятельность человека в публичном пространстве.

Для Розанова характерно рассмотрение серьезных проблем при обсуждении маленьких непопулярных вещей (сочетание того света и вентилятора в «Уединенном»[\[17, c.78-79\]](#). Комический эффект используется мыслителем для привлечения внимания читателя к серьезному моменту, касающемуся жизни и смерти. Позиция автора—шута принималась современниками серьезно. В понимающем жесте метафизика связана с личностью Розанова, с его эмоциями, преувеличениями, ошибками. Откровения автора, поэтому

являются выражением приватности, даже при рассматривании публичных феноменов, например, религии. У Розанова это раскрывается в том, что душа приватна [21, с.125], а тело — воплощение публичности [20, с.513-514]. Эта особенность позволила Розанову сблизить два мира: большой мир действительности и «маленький» мир обыденной жизни, то есть речь идет о действительной жизни, построенной как роман [9, с.350]. В тексты Розанова включены, поэтому фотографии, письма, что свидетельствует о материальной стороне мира [17, с.247]. Это связано с установкой Розанова на «самоумаление» вещей», в котором маленькое(приватное)актуа-лизируется как большое(публичное) «строй мелкое и ты построишь Небо» [20, с.351], Розанов относит к приватной сфере такие феномены как понимание Бог, философия [17, с.209].

Говоря о понимании, мы предполагаем, что оно у Розанова—интенция приватного характера, так как оно влияет на все происходящее в мире [6, с.8], а его переход к публичному является вынужденным. Приватное нуждается в публичном и наоборот (сочетание в Соловьеве тишины —приватности и вертящегося начала—публичности [21, с.223] Розанов выходил в публичную сферу, занимаясь литературой и публицистикой в связи с внешними обстоятельствами и не любил публичных выступлений [17, с.66], а выходя из приватного пространства в публичное, Розанов сохранял дух приватного.

Особенность произведений Розанова заключалась в том, что одно то же высказывание оказывалось актуализацией как начала приватного, так и начала публичного [17, с.130-131]. Когда публичное или приватное начало становилось главенствующим, автор переводил центр внимания на его противоположность, что позволяло ему рассматривать предмет с разных точек зрения [20, с.527]. Видение Розанова, сохраняя направленность взаимодействия приватного и публичного, сопоставляет разные стороны одного предмета [17, с.29-30], что связано со сферой информации, способствуя ее интерпретации (взаимодействие философии и литературы, литературы и печати) [17, с. 84]. Сложность в том, что в процессе передачи информации при переходе из приватного в публичное возникает «потеря»; это связано с невыразимостью присутствия вещи [20, с.196]. Понимающий жест Розанова передает это присутствие, тогда как опубликование демонстрирует только определенные свойства вещи, что и обуславливает приватизацию публичного [20, с.227]. В результате религия становится частным делом, а философия литературой. Сближение приватного и публичного через переход из одного в другое и наоборот не происходит , когда одно из них превалирует над другим [20, с.195]. Неслучайно мыслитель противопоставляет вещи обиходного характера с настроением или мыслью: «Не язык наш—убеждения наши, а сапоги наши—убеждения наши, так и классифицируйте себя» [17, с.112]. Розанов пишет «зачем им мысли, когда они владеют словом» [20, с.327], отстаивая приватность и противопоставляя друг другу мысли и слова в качестве их публичного выражения.

Розановский понимающий жест создает образ, который возникает на контрасте отвлеченной идеи и материальной составляющей вещи (явления), что стало основанием для критики Розанова современниками (Бердяев и др.). Они обвиняли его в оправдании обывательской жизни. На это мыслитель отвечает своим творчеством, сближая приватное и публичное. Розанов соотносит книги Канта, Шопенгауэра, с баней [20, с.432-433], при этом баня и папироска, принадлежащие к приватной сфере преобладают над публичным [20, с.432-435]. Приватное и публичное у Розанова, таким образом,

самоумаляются, подводя читателей к возможности совместить Канта и папироску (Кант из носителя идеи становится автором, которого надо читать, чтобы считаться образованным). Во фрагменте о Канте у Розанова отсутствуют сами идеи Канта, а содержание сводится к названиям разделов «Критики чистого разума» [\[20, с.432-433\]](#).

Розановский макрокосм предопределен одновременным движением от публичного к приватному и от приватного к публичному, при этом число возможностей их взаимного перехода неограниченно [\[17, с.316-317\]](#), что можно сравнить с мировоззрением досократика Эмпидокла (единое и многое переходят друг друга через вражду и возвращаются друг в друга через любовь [\[25, с.133\]](#)). У Розанова приватное актуализируется через разные уровни публичного, а публичное эксплицирует разные степени приватности «Мне и одному хорошо и со всеми, я не одиночка и не общественник, но одному мне все- таки лучше, ибо один я с Богом» [\[17, с.47-48\]](#).

Жизнь Розанова есть «придуманная» встреча приватного «наша история есть наиболее позволяющая и наш быт есть наиболее позволяющий» [\[20, с.573\]](#), и публичного, «ибо без формы мир не стоит» [\[20, с.195-196\]](#); их встреча «мешает одному из начал превалировать над другим. Примером встречи публичного в приватное и приватного в публичного является русская жизнь «она грязна, слаба, но как то мила» [\[17, с.125\]](#).

Сближение публичного и приватного из-за его разнонаправленности имеет определенную степень отклонения, обусловливающего бинарные оппозиции в мире Розанова (большое—маленькое поэзия—быт, философия—литература, язычество—христианство, тело—душа, душа—техника и др). Для Розанова поэтому неприемлема определенность границ вещи, события, явления. Она обозначает, что нечто относительно данного предмета «упущено», представление о нем становится «шаблоном» [\[17, с.124\]](#).

В поздних произведениях Розанова встречаются определения «не знаю», «пугаюсь», «ужасаюсь» [\[17, с.107\]](#). Это свидетельствует о сложности перехода предмета из приватности в публичность, что компенсируется угадыванием Розанова, его понимающим жестом «...не думал, не соображал, меня просто поражало что-нибудь мысль или предмет» [\[17, с.153-154\]](#). Момент «проговаривания» у Розанова есть или ужас перед тайной мира, или игра в эту тайну, ведь мыслитель призывает видеть «не только вещи, но и тени вещей» [\[21, с.328\]](#).

Встреча публичного и приватного происходит как отклонение. Мыслитель поэтому рассматривает метафизические проблемы или как приватные и нуждающиеся в проговаривании, или как публичные, выраженные в схеме, шаблоне, которые предполагают новое рассмотрение в приватной сфере [\[17, с.29-30\]](#). Такие феномены как встреча, отклонение у Розанова обусловлены разными уровнями приватности и публичности, каждый из которых проходит через все другие [\[21, с.82-83\]](#).

У Розанова оппозиция публичного и приватного конкретизируется, как уже было упомянуто, через противоположности вертикали и горизонтали (высокого и низкого), большого и маленького, поэтому мыслитель, описывая конкретные вещи, предполагает наличие разных их форм. Противоположность большего и маленького, например, актуализирует апологию маленького — приватного, выражающуюся в любви и жалости Розанова к маленьким вещам [\[17, с.95\]](#).

Авторское видение мира предполагает совокупность встреч на разных уровнях жизни, носящих мистический характер; например, публичный царь, упомянутый ранее, который в отличие от императора дорог Розанову, «подчиняется» мужику, «пашущему на нем»[\[20, с.206\]](#). Высокое значение приватного встречается, таким образом у Розанова с низким значением публичного — работой[\[20, с.206\]](#). Царь, однако, остается царем, выражая публичность, а крестьянин — олицетворением приватности. Они продолжают жить каждый своей жизнью, но при переходе на более конкретный уровень приватности и публичности начинают взаимодействовать: крестьян зависит от царя (государства), то есть происходит отклонение, сближающее приватное и публичное[\[21, с.76.\]](#)

Автор отделяет друг от друга близкие вещи или явления, стирая границы между разными значениями приватного и публичного, большего и маленького. Авторские высказывания по разным проблемам выглядят нарушением контекста «не языկ наш—убеждения наши, а сапоги наши убеждения наши»[\[17, с.112\]](#). В текстах Розанова происходит смещение публичного в приватную сферу, а приватного в сферу публичную. Образы Розанова, несмотря на буквальность, имеют отвлеченный характер, конкретизируясь через сопоставление с вещами и явлениями из приватного мира «...счетами долгов и уплат»[\[20, с.263\]](#). Движение от вертикали акцентирует горизонталь и наоборот, реализуя противоречия между сопоставляемыми явлениями (вещами), и одновременно, актуализируя их сочетаемость, «микширующую» отклонение.

В текстах Розанова прослеживается видение явлений, которое не сводится к характеристике вещей[\[17, с.316\]](#). В «Мимолетном» мыслитель поэту сравнивает действительность с полицейским, которого не интересует, что происходит на улице[\[20, с.302-303\]](#). Позиция Розанова заключается в смещении приватного и публичного по отношению друг к другу, что предполагает паритет вертикали и горизонтали — превалирование публичного над приватным и господство приватного над публичным. Мыслитель, как правило, описывает в «Уединенном» и «Мимолетном» явления, находящиеся на границе публичного и приватного, поэтому поздние произведения Розанова построены как ряд случайных сближений, которые трудно привести к единству. Это единство есть сближение публичного и приватного: небесного и земного, вертикали и горизонтали, высокого и низкого, большого и маленького Тексты Розанова ассоциируют между собой материальное доступное небо и небо как символ верха: «...строй мелкое и ты простишь небо»[\[20, с.351\]](#). Их связь базируется на постулируемом Розановым параллелизме неба и земли[\[20, 571-572\]](#). У Розанова «небо», символизирующее публичное высокое (вертикаль), сближается с миром отдельного человека — приватное (горизонталь). У мыслителя нет конкретного образа отождествления неба с человеческим миром в связи с тем, что индивидуальных миров множество, скорее можно говорить о маршрутах сближения, о переходах от публичного к приватному «мой Бог особенный»[\[17, с.48\]](#)

Мыслитель ставит перед читателем непростую задачу: чтобы построить небо необходимо увидеть процесс строительства. Розанов связывает это с тем, что происходит не только сближение публичного и приватного, но и «обновление», устанавливающее связи, относящиеся как к публичному (вертикали), так и к приватному (горизонтали)[\[21, с.23-24\]](#), вызывающие их «отклонение». Розанов понимает это как случайность, путаницу, иррегулярность событий[\[20, с.458\]](#), провоцирующую неопределенность в мире, пустоту. Когда этого не происходит, мир становится чистой формой[\[20, с.195\]](#), при которой

невозможно выразить публичное через приватное и приватное через публичное. Восприятие человеком взаимодействия публичного (вертикали) и приватного (горизонтали) поэтому оказывается ограниченным [21, с.95,]. Степень ограниченности прямо пропорциональна отказу от «отклонения» — сближения публичного и приватного, что порождает по Розанову рационализацию мира. Она заключается в том, что существующие в мире явления, будучи поняты, «трансформируют» неопределенность мира в гармонию или пошлость [17, с.230].

Интерпретируя интуиции Розанова с помощью терминологии Бахтина, можно отметить, что пределом публичного (вертикалью) является для Розанова философия, религия и литература. «Литература» становится «местом» перехода к приватному [21, с.222]. Сфера приватного (горизонталь) выражена у Розанова как мелочи жизни, половой вопрос, а также как публичное в низком значении: печать как техника, редакторское дело, заработка [17, с.23-24]. Можно предположить, что иерархия публичного и приватного у мыслителя нестабильна, то есть публичные феномены раскрываются Розановым в приватном аспекте, а приватные в публичном. Творчество мыслителя, таким образом, можно рассматривать как встречу публичного и приватного [21, с.227,].

В макрокосме Розанова можно выделить несколько возможностей сближения публичного и приватного: (превалирование публичного над приватным или приватного над публичным; смещение публичного в сторону приватного и приватного в сторону публичного; отождествление публичного и приватного, представляющее собой момент актуализации понимания).

Защищаемая Розановым действительность оказывается вне интуитивно чувствуемой им границы между публичным (вертикалью) и приватным (горизонталью), так как такие феномены как религия и философия, соотносясь с этой границей, не определяют ее [21, с.95,]. Все зависит от «местонахождения» Розанова внутри публичной или приватной сферы [20, с.527], что показывает их условный характер. Опосредование условного характера происходящих с вещами трансформаций предопределется безусловным характером отклонения, выражающим понимание действительности [17, с.216]. Для Розанова отклонение представляет собой отступление как от публичного, так и от приватного. Это обуславливает возможность осмыслиения феноменов, позволяя говорить о том, что мыслитель имеет дело с подлинной действительностью [17, с.169], что предопределяет сближение публичного и приватного, которое нельзя описать в рамках конкретной схемы. Во фрагменте о сапогах как высшей степени публичности, противоположных убеждениям [17, с.112], Розанов доводит это сближение до абсурда, когда точка абсолютной приватности связывается с точкой абсолютной публичности. Крайняя степень публичности (сапоги, кухня, приходно-расходная книжка) является по Розанову частью приватной жизни в публичном пространстве [17, с.127].

В действительной жизни по Розанову актуализируется отражение публичного и приватного друг в друге. Они, смещаясь, определяют мир, созданный не по учебникам, а по кривым линиям [21, с.81], актуализируя подлинный статус вещей и явлений, то есть мир понимания.

Заключение

Мир понимания В.В.Розанова, содержащий черты рационального знания внутренне инспирирован тенденцией иррационализации , близкой традиции русской религиозной

философии (В. В. Зеньковский неслучайно называл трактат «О понимании» «мистической интерпретацией рационализма»[\[26, с. 444\]](#)).

Рассмотрение творчества В. В. Розанова в контексте разработанной М. М. Бахтиным оппозиции публичного и приватного продемонстрировало возможности реализации понимания как взаимодействия рационального и иррационального начал. Розанов, указывая на связь приватного понимания с публичным (историей, природой культурой), рассматривает ее со стороны приватного, которое вне единства с публичным, становится односторонним (частная жизнь); абсолютизация публичного начала, в свою очередь, приводит к превалированию «мертвой» формы (чиновничий произвол в государственной жизни).

Рассмотрев творчество В. В. Розанова как взаимодействие публичного и приватного миров, мы пришли к выводу о том, что «интенция» видения мыслителя остается приватной. Развертываясь, она открывает общее средствами особенного, акцентируя приватный характер понимания как свидетельство его подлинности. Понимание указывает на существующий порядок вещей, не являясь им, сближение понимания и действительной жизни, реализованное во взаимодействии публичного и приватного, становится для Розанова объектом интерпретации, домысливания, проектом.

Библиография

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
2. Бибихин В. В. Время читать Розанова. // Розанов В. В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис, 1995. С. 9-25.
3. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. / Сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.
4. Резниченко А. И. Что значит "понимать"? Часть первая. Василий Васильевич Розанов о понимании // Вестник РГГУ. Серия "Философия. Социология. Искусствоведение". 2023. № 1. С. 48-58. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-48-58 EDN: SCBHRA.
5. Семенюк А. П. Гносеологическая проблематика в трактате "О понимании" В. В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 118-121. EDN: SNYBCL.
6. Розанов В. В. О понимании. / Под ред. В. Г. Сукача. М.: Танаис, 1995. 808 с.
7. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 800 с. EDN: SNDPHX.
8. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 470 с.
9. В. В. Розанов: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, comment. А. Я. Кожурина. СПб.: РХГА, 2021. 824 с.
10. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с. EDN: SCTYQZ.
11. Золотарев А. В. Тема зла в раннем творчестве Василия Розанова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 105-117. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-3-105-117 EDN: YLJCVF.
12. Скородумов С. В. Особенности религиозно-философских взглядов В. В. Розанова // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 3. С. 16-20.
13. Глебов О. А. Концепт понимания и его идеалистическая трактовка в теоретической философии В. В. Розанова // История философии. 2021. № 1. С. 87-98. DOI: 10.21146/2074-5869-2021-26-1-87-98 EDN: QPJKT.
14. Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Издательский дом "Миръ", 2008. 496 с. EDN: QWTKSJ.

15. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит, 1990. 543 с. EDN: VQMUNR.
16. Акимов О.Ю. «Самое Само» Василия Розанова // Философия и культура. 2023. № 9. С.106-127. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.9.44078 EDN: XVQNDK URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=44078
17. Розанов В. В. Уединённое. / Сост., вступ. статья, comment., библиогр. А. Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
18. Бибихин В. В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 430 с. EDN: QOTCUX.
19. Грекалов А. А. Понимание и неопределенность (Опыт В. В. Розанова) // Философские исследования. 2016. Т. 5. № 1/2 (9/10). С. 80-106.
20. Розанов В. В. Собр. соч. Когда начальство ушло... / Сост. П. П. Апрышко и А. Н. Николюкин. М.: Республика, 2005. 671 с.
21. Розанов В. В. Собр. соч. Мимолётное / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 541 с.
22. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит, 1975. 504 с.
23. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с. EDN: V
24. В. В. Розанов: Pro et contra: личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Книга 2. / сост., вступ. ст. и примеч. Фатеев В. А. СПб.: РХГИ, 1995. 562 с.
25. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 960 с. EDN: SYYMHJ.
26. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена творчеству В.В. Розанова, замечательного русского мыслителя, писателя, стилиста, оставившего неповторимый след в истории русской философии и литературы. Нельзя сказать, чтобы обращение к творчеству Розанова само по себе было чем-то «актуальным» в расхожем значении этого слова. Скорее, наоборот, если принимать во внимание только количество публикаций и диссертаций о Розанове за последние тридцать пять лет, то можно было бы сделать вывод, что он является одним из самых «изученных» русских философов. Понятно, однако, что подобный вывод был бы принципиально ошибочным, поскольку уровень большинства публикаций остаётся невысоким. И если в первые годы знакомства широкой читательской аудитории с творчеством Розанова (начиная со сборника 1990 г.) это можно было бы объяснить недостаточной степенью изученности и самих текстов, и имевшейся на тот момент критической литературы, то оправдать продолжающееся появление многочисленных, но крайне слабых публикаций в последние годы просто невозможно. К счастью, рецензуемая статья не принадлежит к их числу. Автор находит интересную и, насколько можно судить, оригинальную точку зрения на наследие писателя – он соотносит темы «понимания» и «ценности частной жизни», который обычно рассматриваются порознь, потому что «О понимания» – ранняя работа, которую от «Уединённого» и последующих публикаций отделяет более двадцати лет. Хотелось бы,

однако, высказать одно критическое замечание; автор может либо принять его и внести исправления в текст, либо попытаться обосновать собственную точку зрения. Дело в том, что он непостижимым образом находит у Розанова «рационализм». Действительно, зависимость от рационалистической традиции можно обнаружить в «О понимании», но только не в поздних книгах, которые даже по форме своей радикально отличаются от жанров, популярных у рационалистов. Однако совсем неубедительны «основания», на которые при этом ссылается сам автор. Он говорит, например, о «человеческом видении», которое, будто бы, роднит Розанова с Кантом. Это недоразумение. Когда автор ссылается на немецкого философа, замечающего, что «мы познаем в вещах то, что вложено в них нами самими», он забывает добавить, что «мы» здесь у Канта – не индивидуальность, а «рассудок», одна из способностей, которая является универсальной для всего человеческого рода. У Розанова же и «понимание» раннего периода, и «я» поздних книг – именно образ неповторимой индивидуальности. Ещё хуже ссылка на Гегеля: «дух превращаясь в конечное, остается бесконечным, ибо снимает конечность в себе». Но какое отношение это имеет к Розанову? Никакой «абсолютизации человеческого видения» в этом положении заметить невозможно речь здесь идёт, напротив, о том, что индивид (конечное) становится проводником, «посредником» в развитии абсолютного духа. Это, скорее, Анти-Розанов. В качестве подтверждения автор ссылается на А.Ф. Лосева, однако, здесь, по-видимому, имеется техническая ошибка, текстов Лосева в указанном месте просто нет, и читатель не может понять, что же, в действительности, утверждал А.Ф. Лосев, у которого, кстати, можно найти самые разные оценки Розанова («половых дел мастер», «медуза на солнце» и т.п.). К сожалению, автор возвращается к этой явно неудачной для него теме и в заключении: «Мир понимания В.В.Розанова является духовным продолжением традиции европейского рационализма, связанной с именами И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля». А далее: «Вместе с тем в творчестве мыслителя прослеживается иная тенденция – иррационализации действительности». Последнее как раз верно, но только «совместить» эти противоположности нетривиальным образом невозможно, «вместе с тем» для этого явно недостаточно. Одним словом, автору следует вернуться к этому вопросу и каким-то образом отреагировать на высказанные замечания. Хотелось бы порекомендовать также автору пополнить библиографический список, он явно недостаточен с учётом уже состоявшихся публикаций. Однако общий весьма высокий уровень статьи позволяет рекомендовать её к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает философская проблема понимания в творчестве видного отечественного мыслителя В.В. Розанова. Имя этого философа, разумеется, нельзя считать полностью забытым, но его творчество находится на периферии современной философии, поэтому исследование творчества В.В. Розанова следует признать весьма актуальным. Понятен и интерес автора рецензируемой статьи к проблематике понимания мира В.В. Розановым: розановская концепция действительно весьма интересна, оригинальна и заслуживает изучения и дальнейшего развития. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной в процессе исследования методологии, но из контекста можно понять, что теоретико-методологической базой рецензируемого исследования выступила концепция М.М. Бахтина, а также методы критического концептуального анализа и философской аналитики. Вполне корректное

применение указанных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками новизны. Прежде всего, как говорилось выше, сам факт актуализации концепции понимания В.В. Розанова заслуживает внимания научного и философского сообщества. Кроме того, интересные результаты дал анализ творчества В.В. Розанова в контексте бахтинской оппозиции публичного и приватного, выявив специфику взаимодействия рационального и иррационального начал. Наконец, определённый интерес представляют выводы автора рецензируемой статьи о близости творчества В.В. Розанова к русской религиозной философии. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: её логика последовательна и воспроизводит основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится исследовательская проблема, обосновывается актуальность её решения, но полностью отсутствует теоретико-методологическая рефлексия; - «Диалог мира понимания В.В. Розанова и романа М.М. Бахтина», где анализируются диалоговые отношения между творчеством В.В. Розанова и М.М. Бахтина; - «Оппозиция публичного и приватного в творчестве В.В. Розанова», где собственно и применяется бахтинская оппозиция публичного и приватного в анализе наследия В.В. Розанова; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы будущих исследований. Стиль рецензируемой статьи философско-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, ненужная запятая и многоточие в выражении «душа, мораль,...и т.д.»; не всегда понятны также кавычки, в которые автор заключает вполне общеупотребимые понятия вроде «взгляд Розанова», «константой этих трактовок», «аналог врождённого знания»; и наоборот, отсутствие соответствующих кавычек и/или пояснений порождает двусмысленности некоторых выражениях автора, например: «Особенностью понимания Розанова является его [чей? Розанова? или КАТЕГОРИИ понимания У Розанова? – рец.] субстанциальный характер...»; или пропущенная точка в инициалах одного из авторов: «О. А Глебов»; и др.) и грамматических (например, раздельное написание «не» с прилагательным в предложении «Остается не ясным...»; или плохо согласованные предложения «Целью нашей работы является рассмотрение творчества Розанова как понимания, реализованного через взаимодействие публичного и приватного начал, обусловливающее взаимосвязь раннего трактата «О понимании» и поздних произведений мыслителя: «Уединенного», «Мимолетного», «Опавших листвьев» в контексте установок М.М. Бахтина»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной и философской терминологии. Библиография насчитывает 26 наименований и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в части анализа основных подходов к интерпретации творчества В.В. Розанова. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно большой концептуальный материал, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для философов, историков философии, культурологов, специалистов по русской философии, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Философия и культура». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Хасиева М.А. Образ Мегалополиса в контексте концепции неотехнического развития П. Геддеса и Л. Мамфорда // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.73813 EDN: SCSQUA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73813

Образ Мегалополиса в контексте концепции неотехнического развития П. Геддеса и Л. Мамфорда**Хасиева Мария Алановна**

ORCID: 0000-0002-0179-1874

кандидат философских наук

доцент; кафедра Социально-гуманитарных наук и технологий; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет"

129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26

✉ m9288@inbox.ru

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.3.73813

EDN:

SCSQUA

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2025

Дата публикации:

28-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является образ Мегалополиса и его интерпретация в творчестве П. Геддеса и Л. Мамфорда. Образ мегалополиса с одной стороны, связан с развитием утопической традиции в культуре. С другой стороны, он имеет непосредственное отношение к концепциям техногенной цивилизации и идеи технического прогресса. Цель работы заключается в рассмотрении образа Мегалополиса в контексте концепций неотехнического развития ведущих теоретиков урбанистики и философии техники 20 в. – П. Геддеса и Л. Мамфорда. Актуальность разрабатываемой темы определяется ее значимостью для понимания закономерностей развития современных городов. Исследование образа Мегалополиса в трудах ведущих

урбанистов и философов 20 в. весьма актуально для современной урбанистики и градостроительства, поскольку решение проблем развития современных городов во многом требует их изучения в историческом контексте. В процессе написания статьи использовался комплексный методологический подход, сочетающий герменевтическую интерпретацию ряда понятий и терминов философии города П. Геддеса и Л. Мамфорда, изложение, а также компаративный анализ содержания их произведений. Новизна исследования заключается в интерпретациях образа Мегалополиса в свете концепции неотехнического развития. При том, что проблематика Мегалополиса в творчестве П. Геддеса и Л. Мамфорда неоднократно подвергалась исследованию, соотнесение ее с теорией перехода от палеотехники к неотехнике, которую сформулировал П. Геддес и развил Л. Мамфорд, является новаторством. Начавшийся в эпоху индустриализации интенсивный рост европейских городов был подвергнут всестороннему анализу в философии техники и урбанистике 20 в. В исследованиях П. Геддеса и Л. Мамфорда были сделаны весьма точные прогнозы, которые предвосхитили важнейшие тенденции развития городской среды и подтвердились на практике. Проблемы современного городского планирования, такие, как резкое разрастание столичных мегаполисов и запустение периферийных городов, проблема экономии ресурсов в процессе реновации и джентрификации городских районов, могут быть решены с использованием подходов, предложенных П. Геддесом и Л. Мамфордом в рамках концепции неотехнического города (идея "реконструкции", "практической экономики" и т.д.) Именно поэтому критическое осмысление образа Мегалополиса данными мыслителями остается весьма актуальным в контексте современных градостроительных стратегий.

Ключевые слова:

П. Геддес, Л. Мамфорд, Мегалополис, неотехника, палеотехника, индустриализация, урбанизация, эволюционизм в урбанистике, новый урбанизм, философия города

Предметом исследования является образ Мегалополиса и его интерпретация в творчестве П. Геддеса и Л. Мамфорда. Образ мегалополиса с одной стороны, связан с развитием утопической традиции в культуре. С другой стороны, он имеет неспоредственное отношение к концепциям техногенной цивилизации и идеи технического прогресса. В эпоху индустриализации жанр технологической утопии стал стремительно развиваться, а экософские тенденции начали активно проявляться в утопической литературе: например, в романе У. Хадсона «Хрустальный век», написанном в 19. в., представлено идеальное общество, в котором «в наибольшей степени ценится не количество потребленной продукции, а ее качество, потребление рассматривается не как процесс немедленного исполнения всех желаний и утеша собственного тщеславия, а как удовлетворение нужд без пресыщения и избытка, без расточения ресурсов». [11, с. 3] Этот тезис получил широкое распространение в постиндустриальной культуре. [15] Утопии реконструкции, фокусирующиеся на технологическом, экономическом и градостроительном аспектах улучшении среды обитания человека, в 20 веке формируют, как, логичное продолжение процессов урбанизации и технизации в жизни общества, образ «Мегалополиса», отличающегося от мегаполисов и городских агломераций не только масштабами и размахом, но и сложной структурой, объединяющей в себе и большие города, и агломерации. Цель работы заключается в рассмотрении образа Мегалополиса в контексте концепций неотехнического развития ведущих теоретиков урбанистики и философии техники 20 в. - П. Геддеса и Л. Мамфорда.

Концепцию мегалополиса исследовали многие социологи, философы, градостроители. [2, 3, 6, 7, 10] Выделяя сходные характеристики образа Мегалополисов, разные исследователи при этом по-разному оценивают его значение: если для Л. Мамфорда и Геддеса это бесспорно кризисная стадия существования города, явление, при дальнейшем своем распространении обретенное на неизбежный крах, то Готтман склонен видеть в мегалополисе «колыбель нового порядка организации жилого пространства» [14].

Актуальность разрабатываемой темы определяется ее значимостью для понимания закономерностей развития современных городов. Исследование образа Мегалополиса в трудах ведущих урбанистов и философов 20 в. весьма актуально для современной урбанистики и градостроительства, поскольку решение проблем развития современных городов, главная из которых - резкое разрастание столичных мегаполисов и запустение периферийных городов - во многом требует их изучения в историческом контексте. Начавшийся в эпоху индустриализации интенсивный рост европейских городов был подвергнут всестороннему анализу в философии техники и урбанистике 20 в. В исследованиях П. Геддеса и Л. Мамфорда были сделаны весьма точные прогнозы, которые предвосхитили важнейшие тенденции развития городской среды и подтвердились на практике. Новизна исследования заключается в интерпретациях образа Мегалополиса в свете концепции неотехнического развития. При том, что проблематика Мегалополиса в творчестве П. Геддеса и Л. Мамфорда неоднократно подвергалась исследованию [2, 4, 13], соотнесение ее с теорией перехода от палеотехники к неотехнике, которую сформулировал П. Геддес и развил Л. Мамфорд, является новаторством. В ряде работ, посвященных идеям П. Геддеса, наибольшее внимание уделяется экономическим и социально-политическим аспектам его концепции палеотехнической и неотехнической стадий развития общества. [4, 19] В процессе написания статьи использовался комплексный методологический подход, сочетающий герменевтическую интерпретацию ряда понятий и терминов философии города П. Геддеса и Л. Мамфорда, изложение, а также компаративный анализ содержания их произведений.

При том, что трактовки образа Мегалополиса у разных исследователей не совпадают, их роднит понимание Мегалополиса как неизбежного следствия технического и социального развития. Общие характеристики, выделенные в образе Мегалополиса, это централизованная структура, техницизированное пространство и автоматизированные производственные процессы. Оба исследователя связывают рождение мегалополиса с урбанизацией и техническим прогрессом, но не считают его вершиной развития общества. Напротив, и П. Геддес, и Л. Мамфорд считают Мегалополиструдным периодом в развитии среды обитания человека, который обществу необходимо переосмыслить и изменить и который, в противном случае, может превратиться в тупиковый сценарий. Не случайно Л. Мамфорд относит Мегалополис как явление к палеотехнической эпохе, определяя его как переросший и вошедший в кризисный этап жизни города: механическое в Мегалополисе вытесняет органическое, а человек попадает в тотальную зависимость от Машины.

П. Геддес, наставник Мамфорда, относился к «эволюционному» направлению в градостроительстве, которое предполагает перенос принципов развития биосферы, функционирования живых организмов на развитие городской среды. Это во многом определяет его отношение к Мегалополису: для Геддеса Мегалополис — предсмертная стадия жизни города, результат нарушения связи между биологическим и техническим,

сопутствующего болезни культуры. Развитие городов и Мамфорд, и Геддес рассматривают через призму экологических, философских, социологических и градостроительных теорий.

Геддес формулирует концепцию трех стадий технического и общественного развития: эзотехника, палеотехника и неотехника, которую затем воспроизводят в своих трудах Л. Мамфорд. Раскрывая различия между палеотехникой и неотехникой, Геддес обращается к периоду палеолита и неолита в человеческой истории: палеолит характеризует преобладание самых примитивных орудий из камня грубой обработки, неолит же характеризуется большим разнообразием материалов, более замысловатым устройством орудий и более тонкой их обработкой. Различия неолитического и палеолитического периодов истории не ограничиваются орудиями и техническими приспособлениями, Геддес подчеркивает разность в образе жизни и деятельности: палеолитическую цивилизацию он называет «грубой и воинственной», связанной с охотой, поздний неолит же - напротив, время более миролюбивых земледельческих обществ, с более утонченной мирной культурой и более высоким положением женщины в общественном строе. Палеотехника, в представлении Геддеса, это каменноугольная промышленность, металлургия, станко- и машиностроение. Неотехнику он связывал, прежде всего, с изменением отношения к ресурсам, которое должно стать максимально экономичным, направленным на эффективное расходование. Палеотехника связана с идеей накопления «денежных» ресурсов за счет эксплуатации живых социальных и экологических систем и, следовательно, с рационализацией путем «политической экономики». В качестве альтернативы Геддес формулирует принципы «практической экономики», которая оценивает производство и потребление не по их непосредственному материальному результату для конкретных людей, но по совокупному результату общего уровня жизни в адаптированной для жизни среде. [\[12\]](#)

Интеллектуальная основа палеотехники, по Геддесу, это идея агрессивной и конкурентной борьбы, идея подчинения и овладения природой, эксплуатации ее ресурсов. При этом борьба и усилия для овладения добычей происходят с одной главной целью — расточения добытого. Палеотехническая экономика предопределяет социальное неравенство, сосредотачивая избыток ресурсов в руках меньшинства. Так же, как и Мамфорд, Геддес связывает переход от палеотехнической стадии развития общества к неотехнической и с технологическим, и с социальным прогрессом: общество активного гражданского участия, социальной инициативы может органично и естественно существовать в неотехнической среде, но не палеотехнической. Планировка городских улиц и застройка должны приводить к достижению оптимальной плотности населения и таком способе организации городского пространства, который облегчал бы социальную коммуникацию. Иными словами, городское пространство должно отражать принципы устройства пространства социального. [\[20\]](#)

Неотехника, с точки зрения Геддеса, предполагает не отказ от потребления, а, напротив, его расширение, но потребление становится более экономичным и ресурсоэффективным за счет усовершенствования технологий. [\[5\]](#) Геддес полагает, что развитие более чистых и возобновляемых источников энергии, диверсификация производства металлических сплавов и появление новых материалов приведет к децентрализации и регионализации промышленности и экономики: большее распространение должны приобрести небольшие независимые локальные предприятия. Экономическое и технологическое развитие, по Геддесу, должно предполагать симбиоз, коэволюцию техники и природы, с учетом ресурсной базы и особенностей ландшафта. Именно поэтому Геддес связывает неотехническую экономику с гражданским обществом и повышением социальной

ответственности.

Неотехнический город Геддес рассматривал в контексте его взаимодействия с природной средой: формулируя принципы городского планирования, Геддес отмечает не декоративную, но конструктивную функцию природной среды: в его городских проектах присутствуют многочисленные открытые зеленые пространства, парки и сады, а также водная инфраструктура. «Органическое» восприятие города приводит Геддеса к формулировке специфичных методов реновации городской среды: он выступает против дорогостоящего демонтажа больших площадей застройки, заявляя о концепции «консервативной хирургии» в градостроительстве, предполагающей, что город — не механизм, в котором можно целиком заменить деталь, но живой организм, который нуждается в осторожном и направленном «лечении», когда любое изменение должно согласовываться со сформировавшимся городским ландшафтом. Принцип «реконструкции», который формулирует Геддес, с одной стороны, направлен на экономию ресурсов, а с другой — на бережное отношение к окружающей среде, готовность адаптировать инновации к уже существующей застройке, направленность на многофункциональность и эффективность городской среды. [\[12\]](#)

Геддес связывает Мегалополис с отчуждением человека от природной и социальной среды, с атомизацией общества. Палеотехническая урбанизация означает стечения большой части населения из сельской местности и провинции в крупные центры в поисках работы, а это означает отрыв от семей, утрату родственных и соседских связей. Образ жизни в Мегалополисе неизбежно влечет за собой изменение мировоззрения горожан и их отношений друг с другом: об этом, в частности, пишет Г. Зиммель в книге «Большие города и духовная жизнь»: в условиях большой плотности населения и интенсивности социальной коммуникации люди начинают меньше ценить общение друг с другом и в большей степени стремиться к одиночеству. [\[8\]](#) Жизнь человека в палеотехническом Мегалополисе подчинена циклам технологических и производственных процессов: миграция горожан, их распорядок дня и круг интересов определяются графиком работы основных предприятий и промышленных объектов. Неотехнический город, изображаемый Геддесом, принципиально отличается от типичных проявлений Мегалополиса: преобладание малоэтажной застройки, обилие зеленых зон, традиционная планировка, предполагающая наличие центральной площади с расположенными на ней учреждениями общегородского значения — все это совершенно не похоже на футуристическую технанизированную фантазию урбаниста, скорее, наоборот, подразумевает возврат к традициям городского строительства, закрепившихся в веках. Городское планирование, с точки зрения Геддеса, должно стать результатом «мышления города, ощущения города». [\[12\]](#) Неотехнический город должен преодолевать возникший в палеотехнических мегаполисах духовный разрыв человека с окружающим миром, с природой и обществом.

Таким образом, неотехнический город, о котором Геддес рассуждает в утопическом ключе, несет в себе черты регионализации, воспроизведения традиционных элементов в противовес увеличивающейся плотности и высотности застройки, характерной для Мегалополиса. Весьма созвучны этому тезису расмысления Л. Мамфорда о характеристиках города индустриальной эпохи. Мамфорд пишет, что человек индустриального города прикован неразрывными путами к станку, за которым работает, к закоптелой и неприглядной фабрике. Мамфорд противопоставляет мегалополис промышленному городу 19 в., олицетворяя город индустриальной эпохи образом Кокстуна, вымыщенного, но очень типичного города из романа Ч. Диккенса «Тяжелые времена». Но освобождение от физического труда не означает, с точки зрения

Мамфорда, подлинного и полного освобождения горожанина: с помощью тысяч явных и скрытых механизмов, работающих в обществе потребления, человек становится частью машины (или Мегамашины, в терминологии Мамфорода), обреченный желать и потреблять то, что предписывает ему Машина. Мамфорд подчеркивает, что основная суть мегалополиса — в бюрократии, которая в 20 веке буквально выражается в неслыханными темпами растущих объемах потребляемой и размножаемой бумаги: «Все основные виды деятельности мегаполиса непосредственно связаны с бумагой и ее заменителями из пластика, а полиграфия и упаковка являются одними из его основных отраслей промышленности». [17, с. 15] Таким образом, праздность и повышение жизненного комфорта не делают жителя Мегалополиса свободным или счастливым.

Примечательно, что, рассуждая о дальнейшем развитии мегалополиса, Мамфорд видит его судьбу в судьбе Рима. В статье «От мегалополису к некрополю» Мамфорд отмечает, что суть Рима была в эксплуатации и паразитировании, причем как в аспекте социальной структуры и экономической системы, так и во внешней политике, не просто экспансивной, но «грабительской». Сравнивая город с живым организмом, Мамфорд отмечает, что, подобно тому, как важна сепарация для живых существ, например, обретение социальной, эмоциональной и экономической независимости для человека, так же и для жизни города важна его способность к самообеспечению и производительному труду: «Автономная деятельность организма настолько важна, настолько необходима для поддержания его целостности, что любой отказ от независимости имеет глубокие психологические последствия». [12, с 80] Последствиями отсутствия независимости, обретаемой в процессе развития, может быть патологический инфантилизм, вызывающий стремление к саморазрушению и направленную вовне агрессию. С этим-то инфантилизмом Мамфорд связывает и сами культурные традиции, организацию быта Рима, требование «хлеба и зрелищ», превратившееся в погоню за острыми ощущениями, где в ход шло все: гладиаторские бои, звериные травли, публичные казни и непристойные представления. В подобном отношении к миру Мамфорд видит ту же основу, что и в современной городской культуре, немыслимой без СМИ, телевидения, всей медиасреды: «Жители современных мегаполисов психологически не так уж далеки от РимаУ нас есть свой эквивалент в виде ежедневных доз садизма, которые, подобно зараженным витаминным капсулам, следуют за нашей несовершенной обычной пищей: газетными статьями, радиорепортажами, телевизионными программами, романами, посвященными как можно более наглядному изображению всех видов насилия, извращений, криминальных явлений, преступности и нигилистического отчаяния». [18, с. 179]

Эти рассужденияозвучны наиболее известным исследованиям массовой культуры: об этой же тяге к острым ощущениям, пассивности и «магическом» способе восприятия реальности пишет Бодрийяр применительно к *homo consumens*, человеку потребляющему в «Обществе потребления», [2] то же отсутствие взросления и «пуэрилизм» отмечает Ортега-и-Гассет в игровом процессе современной культуры в трактате “*Homo Ludens*”. [12] Мамфорд при этом склонен соотносить эти изменения в мировосприятии людей с изменением городской среды: Рим становится «ареной арен», а архитектурная форма греческого амфитеатра, представлявшая углубление в земле небольших масштабов, такое, что на всех местах были слышны голоса актеров, сменяется по-настоящему массовым и громадным наземным сооружением Колизея. Вместе с этим произошли и жанровые изменения: возвышенные древнегреческие трагедии заменяются развлекательными пантомимами, атлетические спортивные состязания греков также представлялись римлянам слишком скучными, поскольку были лишены кровопролития и

зверств. Древнегреческая культура заимствуется Римом, но ее подлинное, сакральное содержание отбрасывается, остается лишь пустая, лишенная смысла форма.

Мамфорд приводит понятие «Патологополиса», которое формулирует Геддес по отношению к Риму периода после 1 столетия н.э. Стремление к дополняется праздным образом жизни горожан. Подобно тому, как в современном мире основная, то есть захватывающая и «настоящая» жизнь существует в медиапространстве, на экранах гаджетов, для римлян зрелища колизея стали более ценными и насыщенными, чем остальная жизнь. «В распадающейся цивилизации численное превосходство делает безумие и преступность 'нормальными'». [12, с. 78] По мнению Мамфорда, именно это и произошло с Римом и может произойти с современными мегаполисами. Мамфорд удивительно тонко подметил то, что роднит современную массовую культуру и культуру Древнего Рима — десакрализацию обычаем и ритуалов, сопровождающую утерю культурой живого, творческого начала. Если трагедия в Древней Греции вызывала катарсис через сострадание, воспроизводила игровую, творческую суть культуры, то массовые убийства на аренах Рима разрушали культуру через уничтожение игрового начала и приводили к бесчувственности и безумию, без намека на жалость. Рассуждая о судьбе Мегалополиса современного, Мамфорд признает, что насилие и шокирующие зрелища, демонстрируемые массовому зрителю 20 в., часто бывают поддельными (например, в кинематографе), но это не меняет тональности эмоций, которые вызывает эта демонстрация, деструктивных и патологичных по своей природе. Выходом из создавшегося кризиса палеотехнического города Мамфорд видел в распространении новой, неотехнической модели устройства городского пространства. Геддес не менее критичен в своей оценке палеотехнической культуры и, так же, как и Мамфорд, он относит Мегалополис к палеотехническому этапу развития общества. Он полагает, что проблемы Мегалополиса, как в области городской планировки и логистических процессов, так и в области психосоциальной жизни, будут решены в неотехническом городе.

Сопоставляя трактовки образа Мегалополиса в творчестве Геддеса и Мамфорда, необходимо отметить, что если первый стремится определить природу Мегалополиса исходя из принципов экономической и социально-политической наук, то второй в большей степени склонен к философской и социокультурной концептуализации данного образа. И Мамфорд, и Геддес снискали славу не просто пионеров, а, скорее, визионеров урбанистики. Примечательно, что за Геддесом закрепилась репутация «отца современного градостроительства». [11] Так, его считают от вдохновителем движения Нового урбанизма, зародившегося в 70-х годах 20 в. и предполагавшего малоэтажную застройку и традиционную планировку с широкими улицами, сходящимися на главной площади, где располагаются все главные сооружения: рынок, ратуша, театр и т. д. [9] Считается, что Геддес оказал значительное влияние на развитие стиля баухауз, а его проект «Белого города» до сих пор является центробразующей частью Тель-Авива.. Одной из основных проблем современных городов является их неравномерный рост, чрезмерное разрастание столичных центров и угасание периферийных городов. Эта проблема приводит к повышению уровня вынужденной рабочей сезонной и маятниковой миграции населения, а это, в свою очередь, в проблеме разрыва семейных и родственных связей и атомизации общества. Одним из возможных методов решения данного комплекса взаимосвязанных проблем является реализация концепций неотехнического города П. Геддеса и Л. Мамфорда на практике. Идеи, сформулированные П. Геддесом и Л. Мамфордом в рамках концепции неотехнического города, их критика Мегалополиса остаются весьма актуальными в контексте современных

градостроительных стратегий.

Библиография

1. Аль-Джабери А.А. Градостроительные идеи и концепции, повлиявшие на развитие движения Нового урбанизма // Урбанистика. 2020. № 2. С. 41-61. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.2.32838 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32838
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
3. Вершинина И.А. Пространственная организация постиндустриального общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 4. С. 95-110. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-95-110. EDN: XTBIIIV.
4. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Луис. Избранные работы по социологии. 2005. С. 89-113. EDN: NDRSEJ.
5. Гараганов А.В. Как интеллектуальные технологии меняют общество и пространство большого города // Социально-политические науки. 2024. № 1. С. 96-101. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-1-96-101.
6. Геддес П. Города в эволюции (избранные главы) / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2021. № 3. С. 149-177. EDN: GWXPCC.
7. Глазычев В.Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 220 с. EDN: QNNCTB.
8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4.
9. Копылова Л.В. Современная архитектура мира. Вып. 20 (1/2023). С. 239-259. DOI: 10.25995/NIITIAG.2023.20.1.011. EDN: PSALYK.
10. Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 20-40. EDN: PYBKMR.
11. Хасиева М.А., Цховребова Б.Ф. Социальная утопия в викторианской литературе (на материале романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век») // Философская мысль. 2024. № 11. С. 65-75. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.71498 EDN: MEESRV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71498
12. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер. Д.В. Сильвестрова. М.: Прогресс - Традиция, 1997. 416 с.
13. Geddes P. Cities in Evolution. L.: Routlend; Thoemmes Press Reprint, 1997. 409 p.
14. Gottmann J. Megalopolis: the urbanized northeastern seaboard of the United States. N.Y.: Twentieth Century Fund, 1961. 810 p.
15. Guattari F. The Three Ecologies. New Jersey, 2000. 174 p.
16. Marcuse P., Van Kempen R. Globalizing cities: a new spatial order? Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2000. 318 p.
17. Mumford L. The Culture of Cities. L.: Routlend; Thoemmes Press Reprint, 1997. 530 p.
18. Mumford L. The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961. 657 p.
19. Megaregions: Planning for Global Competitiveness / ed. by C.L. Ross. Washington: Island press, 2009. 307 p.
20. Simmel G. The sociology of space // Simmel on Culture: Selected Writings / Ed. by D. Frisby, M. Featherstone. L.; Thousand Oaks, 1997.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена интересной теме, с которой широкие круги отечественных читателей знакомы явно недостаточно. В целом она производит весьма благоприятное впечатление. Замечания, которые будут высказаны ниже, не следует рассматривать в качестве препятствия для её публикации в научном журнале. Важнейшим недостатком статьи является её описательный характер. Конечно, в тексте присутствуют элементы теоретического анализа заявленной темы, но они явно недостаточны. Часть сведений, которые носят лишь «информационный» анализ, можно было бы снять, а освободившееся место использовать с целью рассмотрения связи проекта «Мегалополиса» с тенденциями социально-экономического развития, которые имели место в прошлом веке (в период зарождения этой идеи) и проявляются в мире сегодня. Впрочем, объём статьи небольшой (0,5 а.л.), поэтому, возможно, автору придётся пожертвовать лишь некоторой, наименее значимой в концептуальном отношении, частью представленного текста. Далее, странно, что автор не затрагивает вопроса, какое значение концепция «Мегалополиса» имеет для нашей страны. Насколько она актуальна? Вписывается ли она в будущее, каким его видят сегодня большинство наших соотечественников? Да и в целом в статье отсутствует «географический контекст» анализа проблемы. В каких регионах осмысление рассматриваемой проблематики уже вошло в повестку дня? Недоумение вызывает и тот факт, что в статье не упоминается такой известный в нашей стране мыслитель, как О. Шпенглер, который также касался этой темы. Если автор примет решение расширить содержание с учётом высказанных замечаний, то, по-видимому, необходимо будет снабдить текст подзаголовками, чтобы читатель лучше видел его структуру. Остались в тексте статьи и ошибки, которые необходимо исправить до публикации. Например: «Образ мегалополиса с одной стороны, связан...» (почему «с одной стороны» выделено только с одной стороны?); «...формируют, как, логичное продолжение процессов урбанизации и технизации в жизни общества, образ...» (запятые ни перед, ни после «как» не нужны, а вот всё выражение в целом («как логичное продолжение процессов урбанизации и технизации в жизни общества») можно выделить с помощью скобок или тире (тире автор почему-то вообще не использует именно там, где они были бы уместны); «это бесспорно кризисная стадия» (почему не выделено запятыми «бесспорно»?) и т.д. Встречаются и простые опечатки («Развитие городов и Мамфорд, и Геддес...» и т.п.). Думается, однако, что высказанные замечания можно устранить в рабочем порядке, в статье имеется реальное содержание, большая часть аргументации представлена вполне корректно, статья может быть интересна самому широкому кругу читателей, рекомендую принять её к печати.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Саяпин В.О. Проект «информационной онтологии» в теории индивидуации Жильбера Симондона // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.72980 EDN: XTCPCF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72980

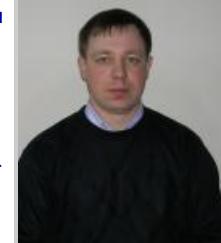
Проект «информационной онтологии» в теории индивидуации Жильбера Симондона

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

[✉ vlad2015@yandex.ru](mailto:vlad2015@yandex.ru)[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.3.72980

EDN:

XTCPCF

Дата направления статьи в редакцию:

10-01-2025

Аннотация: Социальный исследователь Жильбер Симондон (1924–1989) был одним из тех, кого признавали как философа информации. Философский проект Симондона на протяжении всей его жизни состоял в том, чтобы объяснить то, что сегодня мы называем «информационной онтологией», предметом, который заслуживает того, чтобы быть подробно рассмотренным. В статье утверждается, что симондонианская «информационная онтология» создавалась не только в контексте кибернетической традиции, но и в рамках позиционирования нового материализма, который был призван изменить современные дискуссии вокруг проблем, связанных с информацией, коммуникацией и технологиями. Кроме того, в статье исследуются концепты «организации» и «информации», комбинация которых рассматривает науку об индивиде как о процессе не только живой, но и психосоциальной индивидуации, конституируемой трансиндивидуальными отношениями. Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа,

наблюдения и синтеза. В результате было установлено, что в теории Симондона, информация – это формула индивидуации. И более того, для Симондона – это напряжение, а не термин; она опирается на минимально разнородную проблему и затрагивает будущее для разрешения возникающих состояний. Информация всегда подразумевает не только смену фазы или неоднородность, которая может показаться решающей, но это еще и смысловое наполнение, благодаря которой система индивидуализируется. Поэтому информация является основой индивидуации, требованием индивидуации, она, никогда не является чем-то данным. Вот почему обращение к концепту «информации» как к «информационному потенциалу» организации системы, а не как к форме, подчеркивает, что возникающее значение требует чего-то ненасыщенного, а именно неполного становления.

Ключевые слова:

Симондон, индивидуация, трансдукция, кибернетика, информация, организация, коммуникация, гилеморфизм, метастабильность, трансиндивидуальное

Французский социальный исследователь Ж. Симондон был тем философом, который решил создать научное направление, получившее в настоящее время название «информационная онтология». Несмотря на то, что Симондон и сегодня считается одним из самобытных философов современности, его никак нельзя отнести к широко известным в России социальным мыслителям. Основная заслуга Симондона, на наш взгляд, состоит в том, что он в свое время решился преодолеть катастрофический разрыв между традиционной «европейской гуманитарной культурой» и новой «научной культурой», рожденной научно-техническим прогрессом XX века. Сосредоточившись на месте и роли технических объектов в конструировании нового понятия «бытия», Симондон строит серьезную философию, в которой он определяет параметры развития новой технической и научной культуры. Проблемы и противоречия той культуры, которой ранее обозначил английский физик и писатель Ч.П. Сноу (1905–1980) в своей знаменитой лекции «Две культуры и научная революция» (1959): «...между традиционной гуманитарной культурой европейского Запада и новой, так называемой «научной культурой», производной от научно-технического прогресса XX века, растет с каждым годом катастрофический разрыв»[\[1,с.5\]](#).

И именно по этой причине, важной задачей для философии Симондона становится не только отстаивание тезиса о том, что информация всегда присутствует в настоящем, и она актуальна, поскольку это направление, в соответствии с которым система индивидуализирует себя, но и новое теоретико-методологическое осмысление понятия «технической деятельности»[\[2\]](#). Вот почему симондонианская теория «индивидуации» не только развивает генезис и онтогенез индивида, но и формирует оригинальную философию информации, коммуникации и технологий, которая радикально отличается от других подобных теорий современности. В этой философии «информационной онтологии» его интересовало, в первую очередь, глубочайшее разочарование в том, что в этот период в научном сообществе просматривалось отсутствие междисциплинарных исследований, связанных с конвергенцией технологий, науки и философии. И в рамках этого, вероятно, наблюдалось и самое важное противоречие, которое касалось сближения науки и технологий, и было связано с неудачными попытками в экспликации концепта «информации».

Итак, в середине XX века ученые кибернетики знали, что существуют области естественных и социальных наук, которые еще были не исследованы с помощью теории информации, подобно тому как эта информация была сформулирована в математике, физике и инженерном деле. Так, в работе американского ученого кибернетика Р. Хартли (1900–1982) «Передача информации» (1928)[\[3,4\]](#), впервые было озвучено понятие «информации», которое стало измеряемой величиной, отражающей способность получателя отличать одну последовательность символов от любой другой. Поэтому позже естественной единицей информации была определена десятичная цифра, переименованная в Хартли в честь этого ученого, а именно показана как единица, учитывая масштаб или меру информации. Согласно другому американскому математику, инженеру и криптоаналитику К.Э. Шеннону (1916–2001) информация означала не только неожиданность (чем меньше ожидался сигнал, тем больше он несет в себе информации), но и это понятие рассматривалось как структурированный объект, который нужно транспортировать из пункта «А» в пункт «В». Другими словами, Шеннон определяет количество информации как меру той неопределенности данной ситуации, которая исчезает после сообщения. То есть чем меньше априорная вероятность факта, о котором сообщение, тем больше информации в нем. Вдобавок к этому, данная математическая теория коммуникации решала проблему, как восстановить эту структуру в почти неизменном виде в точке «В», несмотря на кодирование, ошибки и ограничения в передаче. Кибернетики, однако, очень быстро поняли, что необходимо учитывать «точку зрения» передающей и принимающей систем и что без системы информации не бывает. Симондон также знал это (имел доступ к некоторым неопубликованным материалам), и его подход к информации был, отчасти, продолжением решения этих проблем. В целом, принимая для себя инженерное понятие «информации», Симондон, однако критиковал многие кибернетические подходы к исследованию информации.

Вместе с тем именно математическая теория коммуникации Шеннона (1948)[\[5\]](#) стала для Симондона отправной точкой в постижении им концепта «информации». Более того, Симондон усматривал в этом концепте «информации» онтологическое свойство. Отсюда следует, что симондонианская «информационная онтология» – это один из вариантов расширения математической теории коммуникации, который объясняет в его открытой информационной системе не только неопределенность интерактивной модели существования информации, но и ее интероперабельность (функциональную совместимость). Поэтому эти два фактора, интероперабельность и некая мера неопределенности информации, позволяют ему применить теорию «информации», взятую из математической теории коммуникации к областям, выходящим за рамки математики, физики и инженерии.

В этой связи возникает важный вопрос, а какую роль играет информационная энтропия (или мера неопределенности и случайности), установленная в математической теории коммуникации для «информационной онтологии» Симондона? Так, по мнению того же Шеннона, главная проблема протекания любой коммуникации заключается в точном или приближенном воспроизведении в одной точке сообщения, выбранного в другой точке[\[5\]](#). В этом случае зачастую сообщения имеют смыслы, которые относятся к некой информационной системе или благодаря этой системе соотносятся с определенными физическими или концептуальными объектами. Подобные семантические аспекты коммуникативного процесса не имеют отношения к инженерным задачам. Важным аспектом здесь обнаруживает себя то, что фактическое сообщение – это лишь одно, выбранное из набора возможных сообщений. Система должна быть спроектирована и создана так, чтобы функционировать при любом возможном выборе, поскольку факты

никогда неизвестны заранее.

В то же время математики У. Уивер (1894–1978) и Н. Винер (1894–1964), а также психолог и лингвист Ч.Э. Осгуд (1916–1991), также считали, что коммуникация – это, прежде всего, поток информации. При этом Осгуд и Винер в равной степени утверждали, что математическая теория коммуникации неспособна учитывать семантический аспект информации. По мнению этих исследователей, такое положение дел заключалось в том, что математическая теория коммуникации хотя и лежала в основе семантики информации, но не могла дать ей объяснение. Вместе с тем тот же Осгуд признавал, что наряду с математической теорией коммуникации есть области, выходящие за рамки этой теории, такие как отправка и получение сообщений. Особенно в контексте того когда необходимо осуществлять выбор в описании момента, и в этом случае теоретико-информационное содержание сообщения уступает место чему-то не полностью предсказуемому. Эта тема будет звучать на протяжении всей профессиональной деятельности Осгуда, и она имеет много общего с подходом «информационной онтологии» Симондона. Осгуд рассматривал последовательности общения как информационные, но также и как нечто, что постоянно подводит как коммуникатора, так и реципиента к тому, что можно условно назвать «точками выбора» – точками, где каждый последующий шаг в выборе определенного навыка не очень предсказуем с точки зрения достижения целей коммуникации. Зависимость предложения «я наверно не стану поливать цветы» от предложения «похоже, сегодня пойдет ливень» в содержании сообщения отображают детерминанты внутри семантического аспекта информационной системы, которые скрывают, а потом «загружают» переходные вероятности в этих точках выбора^[6].

Таковы обстоятельства семантического аспекта теории информации Осгуда, нашедшего те места в этой теории (чувствительность к непредсказуемым обстоятельствам и открытость информационной мультимодальности), которые не опосредованы связью. Другими словами, был сделан еще один шаг вперед, представив эти функции, которые до этого ассоциировались только с семантической информацией, а именно с информацией как сущности. В этой связи, как считает итальянский философ Л. Флориди (род. 1964), люди становятся связанными друг с другом и окружают себя умными, отзывчивыми объектами. То есть все они становятся интегрированными в «инфосферу», где информация может существовать тремя способами: информация как реальность, информация для реальности и информация о реальности^[7, р.65]. И больше того, там, где кибернетики считали неопределенность и интероперабельность информации «о» и «для» реальности, Симондон рассматривает эту информацию как реальность.

Необходимо подчеркнуть, что другой исследователь теории информации Н. Винер, который долгое время единодушно признавался многими учеными как основоположник кибернетической традиции, больше, чем какой-либо другой мыслитель того времени, знал такое положение дел. Винер, как и Шенон, рассматривал коммуникацию как информацию. Однако там где Шенон пытался объяснить только инженерный подход к теории информации, Винер, как и Осгуд, и Симондон, стремились найти другой способ в осмыслении информации. Способ, с помощью которого информация, благодаря математической теории коммуникации могла заложить основу для гораздо более гибкой, разнообразной и перспективной (в плане развития) теории коммуникации. Кроме того, Винер, признавая заслуги Б. Рассела (1872–1970), критиковал за то, что его действия применить киберсемантику, как дисциплину, направленную на контроль потери смысла в языке, уже привели к определенным проблемам^[8]. По мнению Винера, необходимо всегда воспринимать ту информацию, на основе которой могут эффективно действовать

не только люди, но и машины. Поэтому определяющей здесь является следующая модель передачи информационных сообщений: отправитель (код) – сообщение (канал) – получатель (контекст). И более того, Винер обращает внимание не на общее количество отправленной информации, а на то ее количество, которое может проникнуть в коммуникацию^[9]. В результате концепт «информации» у Винера служит как сигналом для действия, так и предполагает экстраполяцию технологических схем, возникших в компьютерной науке и телекоммуникациях на витальных и психосоциальных индивидов. Отсюда следует, что Винер дистанцируется не только от математической теории коммуникации Шеннона, но и от качественной теории информации Д. Маккея^[10]. Поэтому в настоящее время как и середине XX века общенациональное понятие «информации» не является единым. Таковы особенности теории информации Винера, допускающие существование реальности, в которой семантическая информация отличается от математической теории коммуникации. Однако эта теория информации все еще опирается на традиционные ее представления, где передаваемые данные имеют меньшее значение, чем тип данных, которые могут проникать в различные системы связи. Здесь проникновение подразумевает преодоление некоторого фундаментального барьера и этим оно отличается от передачи сообщений.

Безусловно, современный дискурс (от когнитивистики до эпистемологии), связанный с теорией «информации», глубоко завязан на различие, которое учитывает этот барьер. Однако важно найти понимание между тем, что Винер называет «прямолинейной» или «грубой» информацией и видом информации, на основе которой люди, могут эффективно действовать. Например, современные философи, такие как тот же Л. Флориди или Ф. Дрецке (1932–2013), пытались и пытаются создать «информационную онтологию», которая могла бы определить не только природу информации, но и понять взаимодействие между этими двумя уровнями информации. Из чего следует, что информация является жизненно важным ресурсом, который формирует наши знания и понимание реальности. Это не просто нейтральное представление реальности, но и часть мира со своими собственными свойствами, эффектами и моральными последствиями^[11,12]. Важно отметить, что в таком контексте «информационная онтология» Симондона и сегодня остается значимым моментом в этой истории освоения концепта «информации». Поэтому разрабатывая уникальный подход к информации, и черпая свои истоки в математической теории коммуникации, Симондон оставляет для себя некую незавершенность (или бесконечное становление) в своей информационной и организационной схеме индивидуации, что позволяет ему создать уникальную «информационную онтологию». Вот почему с точки зрения Симондона, информация – это то, благодаря чему несовместимость неразрешимой системы становится организующим измерением в разрешении^[13,с.46]. Кроме того, информация здесь несет в себе смысл самостоятельного организующего действия. Этому действию он приписывает также роль запала индивидуации, требование индивидуации^[13,с.46].

Итак, в своей теории «индивидуации» Симондон, «...переводит наше внимание со ставших структур и процессов на становящиеся, что позволяет перейти к анализу процессов происхождения, становления и развития»^[14,с.111]. Индивидуацию Симондона – это всегда незавершенный процесс, всегда оставляющий доиндивидуальный остаток, который сам по себе делает возможными будущие фазы индивидуации. Более того, психическая фаза индивидуации всегда создает как индивидуального (психического), так и коллективного (социального) субъекта. Исходя из этого, он уже говорит не о структурах, а об операциях, а вместо идентичности обращается к дифференциальным отношениям. В этом случае Симондон предвосхищает появление «Общей теории систем»

(1969) [15] австрийского философа Людвига фон Берталанфи (1901–1972). Наиболее важным достижением, у которого стало разделение систем на закрытые системы (механистический подход) и открытые (динамический подход). Стало быть, разница между живыми и неживыми существами заключается в способе организации компонентов, а не в самих компонентах. Например, «Образно выражаясь, если живое существо спрессовать в кубик, в котором все атомы рассортированы в виде монокристаллов химических элементов, расположенных в строгом порядке, упорядоченность от этого возрастет, а организация живого исчезнет. Таким образом, не степень упорядоченности является критерием и мерилом жизни, а особая организация. И утратить эту организацию можно как уменьшив, так и увеличив упорядоченность системы» [16, с. 338].

В конечном счете, Симондон полагает, нет единства и тождества информации, а есть то, что создает напряжение системы. В результате концепт «информации», как считает Симондон, это формула индивидуации, которая как на единичном уровне (математическая теория коммуникации), так и на витальном, психическом и трансиндивидуальном (психосоциальном или техносоциальном) уровнях никогда не хранится в форме, а является отношением между двумя несопоставимыми реальностями. Поэтому значение, которое здесь возникает в процессе операции индивидуации или в процессе взаимодействия двух несопоставимых, но реальных измерений, является информационной системой [17, п. 22]. Кроме того, информация у Симондона, никогда не предшествует существующей фазе индивидуации. Следовательно, эту информацию можно рассматривать не только как центр «концептуальной реформы», но и как величайший теоретический вызов [18, п. 31]. Вместе с тем симондонианский концепт «информации» выступает здесь в качестве основы для обновленного подхода к пониманию концепта «организации», особенно в контексте понятий «энтропии», «процесса» и «сложности». Отсюда основная цель настоящей статьи – раскрыть установленные Симондоном связи, между «информационной онтологией» в ее критическом диалоге с кибернетикой и теорией «систем».

Вместе с тем, несмотря на некоторые из важных различий между подходом Симондона и математической теорией коммуникации. Один подход рассматривает информацию как сущее, которое разворачивается в формах материальности, таких как физические, витальные, психические, коллективные, психосоциальные и технологические индивиды. Другой подход стремится подвести концепт «информации» под физику, в основном проводя аналогию с термодинамикой через теорию «энтропии». Однако все же оба эти подхода рассматриваются с учетом теории «вероятности» и понятия «энтропии», взятой из термодинамики. Известно, что понятие «энтропия» Шенону, для обозначения ценности информации, составляющей содержание сообщения, предложил фон Нейман (1903–1957). Джон фон Нейман незадолго до своей смерти подготовил незаконченную рукопись для серии лекций «Памяти Силлимана» в Йельском университете. В этой рукописи сравниваются многие элементы математической теории коммуникации (вычислительная модель) с человеческим разумом (биологическая модель). Рукопись была опубликована посмертно под названием «Компьютер и мозг» в 1958 году, и важность книги, наряду с влиянием фон Неймана, нельзя недооценивать. Однако в целом неудачная, книга содержит много привлекательных намеков на то, какой могла бы стать ее полная версия. Длинная незаконченная рукопись об автоматах была отредактирована и закончена Артуром В. Берксом (1915–2008) и издана в 1966 году под названием «Теория самовоспроизводящихся автоматов». Симондон знал об этой термодинамической особенности математической теории коммуникации, и он впоследствии пишет: «Теория информации является отправной точкой для целого ряда

исследований, которые основали концепцию отрицательной энтропии (или негэнтропии), показывающей, что информация соответствует обратному процессу деградации и что в рамках всей структуры, информация определяется не в терминах источника или получателя, а из отношений между источником и получателем»[\[17, р.50\]](#).

Именно в данном контексте, «Информация есть информация, а не материя или энергия. Никакой материализм, который не признает этого, не может выжить в наши дни»[\[19, р.132\]](#). Это хорошо известное высказывание Винера, в которой он указывает на одну из основных проблем, связанных с определением информации: на ее связь с материей и энергией. Поскольку Винер всегда был согласен с гипотезой нематериальности информации. Однако он также считал, что современной философии нужно обновленное философское мировоззрение материализма. Это мировоззрение, по мнению Симондона, должна содержать именно информационный материализм, где эта материальность связана с передачей информации, кодами и машинами. Более того, подобная информационная и организационная схема индивидуации и позволяет Симондону создать уникальную «информационную онтологию». Поэтому чтобы до конца понять «информационную онтологию» Симондона, построенную на этих энтропийных началах, и которая, в итоге, стала отличной от математической теории коммуникации необходимо рассмотреть ряд симондонианских альтернативных концептов. Наиболее важными из этих концептов являются: метастабильность, индивидуация, трансдукция, конкретизация и организация.

Во-первых, концепт «метастабильности» означает разницу первого порядка между симондонианским понятием информации и версией математической теории коммуникации. Позиция Симондона уникальна тем, что он рассматривает информацию как действующую в состоянии метастабильности внутри доиндивидуальной системы, в которой связь или поворотная точка опирается на понятия интероперабельности и неопределенности информации. В этом случае вместо того, чтобы останавливаться на информации с точки зрения ее отправки и получения, Симондон стремится осмыслить ее в событии, где два типа информации взаимодействуют между собой. Он утверждает, что информация никогда не наличествует в единой однородной реальности, а существует в двух различных реальностях или в двух состояниях несоответствия, которые и формируют новое информационное сущее. В результате как считает Симондон, информация как на единичном уровне (математическая теория коммуникации), так и на витальном, психическом и трансиндивидуальном уровнях никогда не хранится в форме, а является отношением между двумя несопоставимыми реальностями. Поэтому значение, которое здесь возникает в процессе операции индивидуации или в процессе взаимодействия двух несопоставимых, но реальных измерений, является информационной системой[\[17, р.22\]](#). Информация в симондонианской онтологии переходит из одного состояния метастабильности к другому состоянию метастабильности и для Симондона это никогда не является чем-то само собой разумеющимся. Не существует единства и идентичности информации, потому что информация – это не цель, а целью здесь является система, из которой и состоит информация. Степень предвидения, которую Симондон демонстрирует в этой формулировке, граничит с предвидением того, что позднее признавал и канадский философ Г.М. Маклюэн (1911–1980). Стало быть, информация у Симондона, обменивается не только между сущими, но и обменивается внутри систем этих сущих, которые являются фазами индивидуации[\[17, р.234\]](#).

Во-вторых, понятие «формы» должно быть заменено на понятие «информации» быстро становится одним из самых известных выражений Симондона[\[17, р.28\]](#). Другими словами,

понятие информации, как считает Симондон, в модальности «форма – материя», должна стать на место формы. То есть заместить ее, так как это станет адекватным пониманием того, что система предполагает постоянно находиться в метастабильном равновесии и постоянно индивидуироваться. Информация в отличие от формы, никогда не является уникальным термином, но является значением, возникающим в результате расщепления. Античное понятие «формы», такое, какое дает гилеморфическая схема «форма – материя», слишком независимо от любого понятия системы и метастабильности. Вот почему Симондон постулирует, что эта гилеморфическая схема Аристотеля недостаточна, когда дело доходит до познания истинного эволюционного генезиса индивида и социума в целом. По мнению Симондона, траектория индивидуации в западной метафизике до сих пор определяется аристотелевской парадигмой гилеморфизма. И поэтому как он считает, уже изначально гилеморфизм имеет общие ошибки в мышлении и традиции, закрепленные в виде стойких философских иллюзий. Другими словами, чего не хватает понятию «формы», так это именно возможности постичь фактическую метастабильность систем, их тенденцию к трансдуктивному усилению, вместо того, чтобы (по-видимому) обеспечивать длительную продолжительность без каких-либо эффектов. По этой причине Симондон обращает свое внимание на возникший концепт «информации», поскольку этот концепт позволяет понять «формирование» как процесс, касающийся динамической системы. Именно поэтому система рассматривается Симондоном как неизменно активная, и ее равновесие всегда динамично, но не стабильно [\[20, р. 24\]](#).

В-третьих, концепт «индивидуации», который можно рассматривать как ядро его грандиозного проекта по обеспечению единого понимания генезиса всех индивидов (физических, биологических, психических, технических и психосоциальных). В этой связи индивидуация определяет и то, что существующее состояние метастабильности подразумевает существование системы в состоянии метастабильного равновесия, которая и индивидуирует сущие. Иначе говоря, Симондон утверждает, что информация никогда не должна сводиться к сигналам или только к статичным носителям, как в математической теории коммуникации, а должна выражать совместимость двух несопоставимых сфер. И более того, если в коммуникативной модели математической теории коммуникации информация (информационное содержание) передается, лишь в виде контента, то симондонианскую «информационную онтологию» следует понимать как информационный код, или, по-другому, как инструмент для преобразования информационных артефактов во что-то онтологически новое. Например, нынешние коммуникативные практики объектно-ориентированной онтологии и мультимодальности все больше таковы как их представляют новейшие компьютерные технологии, технологии сети Интернет и технологии искусственного интеллекта. Поэтому многим современным социальным философам, социологам, цифровым инженерам, биологам и т.д. становится понятно, что осмысление нынешнего социума неразрывно связано с множеством различных способов взаимодействия с информационной системой. Проще говоря, речь идет не только о множественных ступенях (или фазах) индивидуации, но и, как мы отмечали, важном доиндивидуальном (метастабильном) ресурсе, делающим возможным саму индивидуацию.

Что, в таком случае временно удерживает доиндивидуальное бытие информационной системы в этом очень хрупком состоянии, так это отсутствие интерактивной коммуникации между разрозненными порядками величины. Как только такая коммуникация инициируется запускающим событием, начинают разрешаться метастабильные напряжения, приводящие к генерации локальных структур, которые, в свою очередь, служат принципом и моделью структурирования в соседних областях системы. Эта постепенная расширяющая и структурирующая деятельность, так называемая

трансдуктивная операция, имеет аксиоматический характер (опирается на некий набор принципов) и в «информационной онтологии» у Симондона является новой «генетической онтологией» или онтогенезом.

В-четвертых, концепт «трансдукции» – это прогрессирующая индивидуация, которая означает не только формулу, но и знание информации. Как утверждает Симондон: «Под трансдукцией мы понимаем операцию – физическую, биологическую, ментальную, социальную, – посредством которой активность шаг за шагом распространяется внутри области, и в основе такого распространения лежит структурирование области, осуществляемое (оригине) от мест к месту: каждый конституированный регион структуры служит принципом конституирования для следующего региона так, что модификация, следовательно, постепенно распространяется одновременно с этой операцией структурирования»[\[21,с.44\]](#). Вот почему трансдукция относится к операции, посредством которой два или более неизмеримых порядка реальности резонируют и становятся соизмеримыми благодаря изобретению измерения. То есть такое измерение их артикулирует, и способствует переходу к порядку, более богатому структурами. Кроме того, Симондон подчеркивает, что кибернетика страдает от того, что не может представить передачу сообщения как трансдуктивную операцию (физическую, биологическую, ментальную, и социальную). Критикуя винеровскую информационную теорию технологий передачи, которая сводит информацию только к сигналу или только к статичному носителю, Симондон считает, что современное определение информации требует трансдуктивного носителя и аллагматическую (операционную) связь со средой. «Информация, – пишет Симондон, – это обмен, модальность внутреннего резонанса, посредством которого осуществляется такая индивидуация. Вся информация, одновременно, – информирующее и информированное; она должна быть схвачена в таком активном переходе индивидуирующегося сущего»[\[21,с.258\]](#).

Поэтому симондонианская «информационная онтология» является одновременно информационной и материальной, что приводит к созданию в процессе индивидуации информационного структурного реализма. Очевидно, подобные философские изыскания Симондона, явно нашли понимание у Делеза[\[22,р.86\]](#). Кроме того, для Симондона информация обеспечивает формирование имманентной самоорганизации. Другими словами, информация выражает имманентность каждого из подмножеств множеству. Но подобная имманентность у Симондона не предполагает однородности информации, она всегда неоднородна. По его мнению: «Информация не однородна по отношению к своей текущей структуре, и поэтому у индивида остается граница между текущей структурой и приобретенной информацией»[\[17,р.273\]](#).

В-пятых, концепт «конкретизации» истолковывает связь метафизики информации с онтологией технического объекта. То есть это «процесс», посредством которого развиваются технические объекты. Из этого следует, что интероперабельность информации приводит нас к артефактам, к технологическим объектам и, наконец, к теоретизации технологического генезиса. В этой связи возникает вопрос, каковы отличительные качества конкретизации? Их всего два. В первом случае, в ходе конкретизации (технологического генезиса) техника всегда стремится к самодостаточности. Именно поэтому конкретизация – это не аддитивный процесс, а процесс, в рамках которого техника имеет тенденцию уменьшаться по мере изменения назначения элементов внутри себя. Во втором случае, технические объекты переориентируют себя за счет интероперабельности. Следовательно, если конкретизация – это двигатель, приводящий в движение индивидуацию, то информация – это топливо,

которое поддерживает работу конкретизации. В результате, можно отметить, что конкретизация – это процесс, генезиса технических объектов, которые никогда не являются абсолютно конкретными. В дальнейшем, действуя и становясь все более похожим на живого индивида, технические объекты постепенно теряет свой искусственный характер. Симондон подчеркивает, что отношения между людьми и интеллектуальными машинами складываются сегодня как отношения этой техники в качестве посредника между ними и различными измерениями, открывающими новые возможности. В этом случае техническая мысль присутствует во всей технической деятельности, и такая мысль относится к разряду изобретений. Более того, эту техническую мысль можно передавать и она допускает участие. Технический объект в той мере, в какой он был изобретен, продуман и сконструирован человеком, становится опорой символом этих отношений, которые Симондон называет трансиндивидуальными отношениями [23, р. 252].

В-шестых, информация также рассматривается Симондоном и как процесс распространения; здесь информация означает связь между различными порядками величины [18, р. 33]. В этом случае, по его мнению, существует три вида усиления: трансдуктивное, модулирующее и организующее. Трансдукция, модуляция (трансформация энергии в структуру) и организация – это названия, пришедшие симондонианскую теорию индивидуации из телекоммуникационной инженерии, где они используются в качестве понятий, связанных с обработкой кодов и сигналов информации. Так, например, трансдуктивное усиление предполагает, что информация возникает в рецептивных структурах при переходе из одного метастабильного состояния в другое метастабильное состояние. В отличие от коммуникатора, при трансдукции реципиент должен претерпеть полную трансформацию. С физической точки зрения, трансдуктивное усиление имеет порог активации, который определяет (мгновенно), имеет ли место трансдукция или нет. Поэтому Симондон называет трансдукцию мгновенной вспышкой в будущее. Например, в физической области процессы кристаллизации и формования кирпичей являются примерами трансдуктивного усиления информации. В другой области индивидуации – области витального индивида всегда присутствует внутренний резонанс (подобно квантовому скачку в физике) и перевод связанных с самой собой в информацию можно также обозначить как пример трансдукции. «Живой индивид одновременен самому себе во всех своих элементах, чего нет у физического индивида, в котором есть радикально прошедшее прошлое, даже когда он все еще растет. Живое в своем внутреннем – это узел информативной коммуникации; оно – система в системе, включающая в саму себя опосредование между порядками величины» [21, с. 36]. Наконец, на психосоциальном уровне, различные манипуляции и симуляции – это также случаи трансдукции, поскольку для их распространения необходима метастабильность получателей, то есть их беспокойство или любознательность.

Другое усиление – модулирующее усиление достигается у Симондона путем укрощения трансдуктивного распространения, то есть путем овладения им и стабильной подпитки его, чтобы заставить его производить и работать в обычных условиях. В этой связи, переход из одного метастабильного равновесия в другое метастабильное равновесие происходит в фиксированной точке, что не подразумевает изменения всей структуры, как в трансдуктивном случае. «Фактически, действие структурного зародыша на структурируемом поле, находящемся в метастабильном состоянии и содержащее потенциальную энергию, и есть модуляция» [21, с. 57]. Другими словами, «...можно сказать, что граница между структурным зародышем и метастабильным, способным к

структурериованию полем является модулятором; именно энергия метастабильности поля, а значит и материи, позволяет структуре, а значит и форме, двигаться вперед: потенциалы обитают в материи, а граница лежит между формой и материей – это реле-усилитель»[\[21,с.53\]](#). Кроме того, вместо количественных пороговых значений здесь мы обнаруживаем полярности внутри позиций «вход» и «выход». Эти полярности являются продуктом внешнего вмешательства, то есть в данном случае реальность не трансформируется в рамках собственной метастабильности. То есть в данном случае такая метастабильность обусловлена внешним источником энергии. Симондон отмечает, что примером модуляции может служить легкоатлетическая эстафета, когда первый бегун должен пробежать всю дистанцию и израсходовать весь свой собственный запас энергии до того, как второй бегун начнет свой спринт. Поэтому производительность первого участника ограничивает то, что может сделать второй. С технологической точки зрения, например, транзистор – это также устройство модуляции. В области витального индивида парадигматическими случаями модулирующего усиления являются процессы саморегуляции. В то время как инстинктивная деятельность была примерами трансдуктивного усиления, абстрагирование и обобщение, производимые и контролируемые формальными рассуждениями, являются модулирующими действиями, поскольку они интегрируют множество новых элементов в старые структуры. В результате информация – это не только трансдуктивная операция, но и операция модуляции, которая существует только в области реальности в нестабильном состоянии, содержащей потенциальную энергию[\[21,с.57\]](#).

Наконец, все это подводит нас к рассмотрению особого концепта Симондона в отношении понятия «организация» и связи этого понятия с понятием «информация». Из этого следует, что рассмотрение концепта «информации» как усиления и как возникающего свойства отличает Симондона от позиции кибернетики, согласно которой концепт «информации» рассматривается как эквивалент концепта «организации». Симондон берет концепт «организации» из определенного сектора технологий, и в частности из электроники, но он использует его как интерпретирующую парадигму, направленную, в первую очередь, на продвижение критического соответствия между различными дисциплинами, чтобы в конечном итоге достичь столь необходимой концептуальной аксиоматизации знаний. В результате концепт «организации» у Симондона, например, устраняет различие между жизнью и материей в пользу онтогенетического процесса, который связывает физическую и витальную фазы индивидуации[\[18,р.159\]](#). Поскольку материя не бесформенна, можно утверждать, что физический мир высокоорганизован. Поэтому и здесь Симондон ясно осознает, что в конечном итоге станет одной из главных проблем молекулярной биологии. Элементарные уровни биологического порядка скрывают организацию того же порядка, что и скрывает концепт «организации» у совершенно индивидуализированных физических систем, например тех, которые порождают кристаллы, или большие метастабильные молекулы в органической химии. Из чего следует, что на основе концепта «организации» не так-то просто выстроить в иерархию жизнь и материю. Если и есть разница между физической и витальной фазами индивидуации, то она основывается не на концепте «организации» (или некоторого рода организацией между неорганической реальностью и полноценной функциональной жизнью). Такая разница своей опорой избирает полярности, существующие в самой материи, которые допускают две разные фазы трансформации. В первом случае физический режим, при котором информация не отличается от потенциальных энергетических опор, реализующих себя в рамках концепта «организации». Во втором случае режим живых существ, при котором индивидуация будет основана на различии между модулирующими структурами и опорами потенциальной

энергии. Стало быть, физическая фаза индивидуации должна быть связана с трансдуктивным усилением, тогда как витальная подобная фаза связана с модулирующим усилением.

Поэтому в осмыслении концепта «организации» в рамках витальной и психосоциальной фаз индивидуации, Симондон использует также подобную логику. Динамизм, который Симондон постулирует в витальных индивидах, он называет интенсивностью информации или полярностью восприятия, которая и порождает психосоциального (коллективного) субъекта. В этом случае воспринимать – это значит не только бороться с энтропией системы, но и означает организовывать, сохранять или изобретать организацию. Кроме того, Симондон настаивает на отказе от онтологического разделения сфер, между живой сферой, социальной и искусственной. Он предполагает, что жизнь и сознание – это не разные порядки, и что элементарные аспекты жизни уже наделены сознанием. Что касается социального, то оно не является исключительно человеческим: молекулы, элементарные клетки могут быть связаны друг с другом каким-то социальным отношением, подразумевающим контроль, модуляцию, снижение активности. Более того, можно сказать, что три способа усиления характерны для трех видов диалектических отношений (трансдуктивных, модулирующих и организующих). Вот почему концепт «организации», как пишет отечественный исследователь Я.И. Свирский (1958–2024), «... это не вещь, не объект, не готовая идея, она – целенаправленное примирение различных средств, дабы получать устойчивые эффекты. Симондон полагает (и, как он считает, в противоречие здравому смыслу и тому, что излагалось в его время в учебниках), что не существует неизменных организаций, а есть только процессы организации. Организация – это связь людей и не-людей, идей и верований. Эту мысль впоследствии развил Ж. Делез в своей «логике смысла», а также Бруно Латур, создавая «акторно-сетевую теорию». Именно из «предварительно индивидуированных» средств составлены сборки и сети действий. Организация индивидуируется и становится метастабильной. И когда такая активность организаций становится метастабильной, они способны поддерживать метастабильность в течение долгого времени и даже способны выживать после значительных экологических изменений или замены отдельных лиц или программ»[\[14, с. 123\]](#).

Таким образом, концепт «организации», на наш взгляд, должен основываться на предположении, что современные технологии включают не только технические элементы (инструменты) и технические индивиды (машины), но и ретикулярные технические ансамбли. Эта новая сетевая синергия зависит от признания ценности организации по сравнению с системами обработки информации. И в такой синергии онтологические различия между животными, людьми и машинами растворяются в степени, которой не достигла кибернетика, даже с ее акцентом на операции, а не на структуры. Более того, осмысление концепта «информации», одновременно с философской, научной и технологической симондианскими теориями, на наш взгляд, закладывает основы для лучшего понимания связей между концептами «информации» и «организации». Однако это не означает, что Симондон произнес последнее слово по этим вопросам, и что наша задача ограничивается описанием его философской системы как открытой истины. Сопоставление теории индивидуации Симондона, например, с постулатами А. Тьюринга (1912–1954) и различными способами понимания современных вычислений, показывает, что его программа реформирования некоторых фундаментальных понятий в науке, технологии и философии содержит некоторые весьма спорные предубеждения о разнице между человеческим и искусственным сферами. Но некоторые элементы, предложенные самим Симондоном, помогают преодолеть эти трудности. Стало быть, возможна лучшая отправная точка для разработки единого концепта «информации и организации». Для

полного понимания концепта «информации и организации» необходимо пройти трудный путь понимания сложной и восхитительной теории «индивидуации», которую завещал нам Симондон.

В дополнение к сказанному, необходимо обратить внимание, что концепты «организации» и «информации» в процессе индивидуации у Симондона играют роль внутрисистемных усилителей, способствующих уменьшению напряженности, но, при этом они не отменяют эту напряженность полностью. Поэтому организация и информация – это модальности изменений, которые происходят на всех уровнях становления сущих. В отличие от математической теории коммуникации и инженерной теории информации, продвигающих идею о том, что информация предполагает определенную степень организованности, Симондон полагает, что концепт «организации» возникает как особый вид усиления информации, и рассматривается им не как транспортировка вещества или сигнала, а как некое преобразование, генерируемое структурой, «стремящейся» получить подобную информацию. Без напряженности (или конфликта) не бывает ни организации, ни информации. Если такая напряженность (или конфликты) достигают стабильного состояния, то концепты как «организации», так и «информации» перестают существовать. Поэтому концепты «организации» и «информации» требуют всегда метастабильного равновесия. И более того, эти концепты всегда связаны между собой не только на технологическом уровне, но и на философском и научном уровнях.

В заключение можно сделать важный вывод, что «информационная онтология» Симондона не только вносит существенный вклад в понимание процесса «конкретизации», но может внести и важный теоретический вклад в понятие «коммуникации». В самобытную теорию, которая на основе мультимодальности трех понятий (информация, коммуникация и технологии) отвечает на важнейший философский вопрос, что такое коммуникация. При этом Симондон выделяет следующие философские теоретико-методологические инструментарии решения этой проблемы.

1) Предлагает новую методологическую основу, опираясь на которую можно проводить исследования, связанные с коммуникацией как эмпирическим (случайным) процессом. Его теория индивидуация (или ситуация непрерывного становления) всегда направлена на то, чтобы сформулировать примеры модуляции самих коммуникативных процессов, а не устремлена на познание простой «передачи» значений или передачу сообщений от одного индивидуализированного сущего к другому.

2) Предлагает новый концептуальный инструментарий и специализированную терминологию, с помощью которой мы сможем выстроить наши будущие дискуссии о совершенно новых коммуникативных явлениях: языке техники. Так, например, когда мы говорим о «технологической эволюции», то любой технический объект (движки, программы и игры) можно назвать точками конкретизации. В другом случае, когда некогда отдельные уровни коммуникативных или информационных характеристик уступают место чему-то новому, могут называться актами несоответствия. Здесь операция индивидуации обнаруживает измерение, в котором две несопоставимые реальности могут стать системой. Другими словами, подобная диспаритетность имеет место тогда, когда две близкие совокупности, не полностью налагающиеся друг на друга – как левый и правый образы сетчатки, – воспринимаются совместно как система. Более того, такая система и способна допустить формирование уникальной совокупности более высокого уровня, объединяющего все их элементы благодаря новому измерению [\[18, р.200\]](#).

3) Позволяет нам обойти давние философские дебаты о субстанциалистском атомизме и гилеморфизме, философских доктринах, которые также в прошлом вносили свой вклад в

понимание коммуникативных процессов. Поэтому «информационная онтология» Симондона позволяет окончательно отбросить субъектно-объектный тупик и вместо этого рассматривать психосоциального индивида, который присутствует в технологическом объекте, и наоборот, как ансамбль. Например, исследования сетевых «машинных интерфейсов» участвующих во взаимодействиях между социальными субъектами и робототехническими системами, наделенными искусственным интеллектом системами выигрывают от глубоко феноменологического подхода Симондона к технологиям и воплощенному взаимодействию, где речь идет не столько об отделении человеческого от технического, сколько об успешной интероперабельности ансамбля.

4) Переводит дискуссию с парадигм закрытых экологий на широко открытые информационные парадигмы. В этой связи необходимо подчеркнуть, что «информационная онтология» Симондона соответствует некоторым из самых строгих философий информационного структурного реализма, которые существуют в настоящее время.

5) Разрабатывая уникальный концепт «информации» и черпая свои истоки в математической теории коммуникации, Симондон оставляет для себя некую незавершенность (или бесконечное становление) в своей информационной схеме индивидуации, что позволяет ему создать уникальную «информационную онтологию». В этой связи Симондон находит в концепте «информации» противоречие между материей и энергией и определяет индивида как результат трех условий: энергетического, материального и информационного состояния. Иными словами, информационное состояние – это то, что позволяет снять напряжение между материальными и энергетическими условиями. Примеры Симондона о процессе обретения формы кирпичом или кристаллом, взятые из технологии и физики, направлены им на способность, видеть в концепте «информации» различные точки зрения. Информационные процессы, согласно Симондону, – это те, в которых материя приобретает форму. В частности, есть два элемента, которые в работе Симондона превращают проблему информации в философскую проблему, а не в научную или технологическую. И об этом говорят следующие факты.

С одной стороны, информация, как и индивидуация, выражает процесс становления, а не передает состояние бытия. Нельзя определить информацию, абстрагируя ее от контекста и операционного характера. Информация – это не вещь, а действие вещи, которая поступает в систему, производя преобразование. Информация не принадлежит коммуникатору, как в математической теории коммуникации, скорее она возникает внутри реципиента. При этом реципиент понимается им не как тот, кто что-то получает, а как любая реальность, которая не сама по себе полностью определяет свою будущую траекторию^[18]. Поэтому в симондонианском концепте «информации», ни одна из областей (инженерная, математическая или кибернетическая) не имеет превосходства над другими. Этот неиерархический подход отличается от кибернетики, где инженерный контекст занимает привилегированное положение.

С другой стороны, несмотря на свое происхождение в области науки и техники, информация для Симондона, концепт, с явным философским размахом. Открытие «черного ящика индивидуации» помогает ему расширить значение концепта «информации» до значения концепта «организации» и сформулировать оба эти концепта на обновленном философском языке. Так, по мнению современного социального исследователя А. Бардина, если программа кибернетики состоит в распространении технологической парадигмы на биологические и социальные системы, то попытка

Симондона является скорее противоположной. Он стремится распространить биологическую и психосоциальную (коллективную) парадигму коммуникации на физические и технологические области системы. В этом случае Симондон полагает, что эта парадигма позволит ему связать между собой квантовую природу всех систем и недетерминированную характеристику всех процессов, в противоположность существенно детерминированной природе кибернетического концепта «информации»[\[20, p.31\]](#).

Следовательно, подход «информационной онтологии» Симондона позволяет структурировать и упорядочить многообразие теоретических традиций и школ мышления, приведя сегодняшнее когерентное поле коммуникативной теории к единому основанию. И более того, это дает нам основание предположить, что если бы Симондон прожил достаточно долго, то стал бы свидетелем наплыва новых подходов к осмыслиению понятия «коммуникации» наряду с сопутствующими технологическими достижениями – большими данными, вычислительной онтологией, облачными хранилищами. Стало быть, он нашел бы утешение в том факте, что многое из того, что он говорил об интероперабельности и неопределенности онтологической значимости информации, сбылось бы. Он, вероятно, не «нашел бы утешение», но стремился бы больше не очеловечивать технологии, как в своем первоначальном проекте, а скорее очеловечить оцифрованную культуру, дополнив свои философские размышления этим новым вопросом: каковы следы технологии в человеке?

Симондон был бы не только философом информации, как предполагают некоторые американские и западноевропейские экзегеты, а был, прежде всего, «философом современной личности». Философом, который не только оказал существенное влияние на творчество, таких исследователей как Ж. Делез, Б. Стиглер (1952–2020), Б. Латур (1947–2022), но и содействовал разработки теории самоорганизации И. Пригожина (1917–2003), синергетики Г. Хакена (1927–2024), а также системной теории Н. Лумана (1927–1998). Таким образом, творчество Симондона, значительно опередила свое время не только в описании социально-философских парадигм, но и в применении в социальных исследованиях различных междисциплинарных областей, таких как квантовая механика, кибернетика, эволюционная биология, эстетика и многие другие.

Библиография

1. Сноу Ч.П. Две культуры. М.: Издательство «Прогресс», 1973. 146 с.
2. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 335 р.
3. Hartley R. Transmission of Information. // Bell System Technical Journal. 1928. № 7(3). Р. 535-563.
4. Хартли Р. Передача информации – теория информации и ее приложения. М.: Прогресс, 1959. 312 с.
5. Shannon C.E. The Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. № 27 (3). Р. 379-423.
6. Osgood C.E. The Nature and Measurement of Meaning // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49. №. 3. Р. 197-237.
7. Floridi L. Information: A Very Short introduction. London: Oxford University Press, 2011. 406 р.
8. Conway F., Siegelman J. Dark Hero of the Information Age: In Search of Norbert Wiener the Father of Cybernetics. New York: Basic Books, 2009. 464 р.
9. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Прогресс, 1968. 420 с.
10. MacKay D. Information, Mechanism, and Meaning. Cambridge: MIT Press, 1969. 196 р.

11. Allo P. Putting Information First: Luciano Floridi and the Philosophy of Information. Wiley-Blackwell, 2011. 208 p.
12. Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. The MIT Press, 1983. 288 p.
13. Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис. М.: ИОИ, 2022. 484 с.
14. Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111-125.
15. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.
16. Геодакян В.А. Концепция информации и живые системы. // Журнал общей биологии. 1975. Т. 36. №3. С. 336-347.
17. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
18. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
19. Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. New York: The MIT Press, Cambridge 1961. 212 p.
20. Bardin A. Epistemology and Political Philosophy in Gilbert Simondon. Dordrecht: Springer, 2015. 251 p.
21. Симондон Ж. Психическая и коллективная индивидуация. М.: ИОИ, 2023. 704 с.
22. Deleuze G. Desert Islands and Other Texts 1953–1974. L.: Distributed by the MIT Press, 2004. 323 p.
23. Simondon G. On the Mode of Existence of Technical Objects. Minneapolis: Univocal Publishing, 2017. 271 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается взаимосвязь двух линий мысли Ж. Симондона, которые можно считать наиболее важными как для становления его собственного мировоззрения, так и для последующей философской мысли. Если следовать той логике, которая заложена в названии статьи, то «информационная онтология» должна рассматриваться как составляющая его (более общей, по-видимому) «теории индивидуации». На основании текста статьи, однако, трудно заключить, что автору удалось вполне ясно продемонстрировать именно такое соотношение этих двух концепций, скорее, они предстают у него как равноправные, «рядоположенные». Возможно, автору следовало бы ещё раз продумать логику изложения, чтобы сделать акцент на указанном положении. Не лишними могли бы оказаться и подзаголовки, способствующие структурированию повествования. Далее, целый ряд положений статьи следует признать формально правильными, однако, с учётом представленной специфики избранного предмета (соотношение двух линий мысли Симондона), они представляются излишне общими, избыточными в этой статье. Например, верно, что основная заслуга французского исследователя состоит в попытке соотнесения традиционной европейской гуманистической культуры и социальной мысли с философией техники, но развитие этой мысли соответствовало бы замыслу обзорной статьи о деятельности Ж. Симондона, в чём, возможно, сегодня с учётом состоявшихся публикаций на русском языке уже нет потребности. Тем более избыточными в этой связи оказываются сведения биографического или общекультурного характера, которые, к тому же, и вводятся автором в текст несколько странно: «по словам дочери Натали Симондон: "Жильбер Симондон родился 2 октября 1924 года ... Он умер в Палезо 7 февраля 1989 года"». «По

словам дочери»? Имеются какие-то основания не доверять ей? И какое отношение этот фрагмент имеет к основной части текста? Почему этот абзац открывается «Так», ведь никакой смысловой связи с предшествующим изложением он не имеет? Думается, автор должен сделать выбор: или он всё же представляет читателю обзорную статью о деятельности Ж. Симондона, или пытается прояснить логику решения той проблемы, о которой говорилось выше. С точки зрения рецензента, читателю интереснее было бы получить именно концептуальное исследование. Наконец, оформление статьи в целом нельзя назвать неудовлетворительным, хотя целый ряд замечаний при чтении текста и возникает. Например, необходимо скорректировать некоторые синтаксические конструкции («...который решил создать научное направление, которое...»), терминологию («реальности бытия», – «реальность» здесь просто лишнее слово), и т.п. Иногда автор «теряет сказуемые»: «Проблемы и противоречия той культуры, которой ранее обозначил английский физик и писатель Ч.П. Сноу (1905–1980) в своей знаменитой лекции «Две культуры и научная революция» (1959)». Здесь нет высказывания, поскольку, повторим, нет сказуемого. Очень много лишних запятых: «касалось сближения науки и технологий, и было связано», «при рассмотрении творчества Симондона, необходимо...», «именно в данном контексте, «Информация есть...», «влияние на творчество, таких исследователей...», «творчество Симондона, значительно опередила свое время» и т.д. Примерно то же самое следует сказать и о таком знаке препинания, как двоеточие, оно тоже используется автором безадресно: «в своей теории «индивидуации» Симондон: «...переводит наше внимание...», «кроме того: «...Симондон обстоятельно изучал...». Встречаются и простые опечатки: «...вносит существенное понимание процесса конкретизации...» (вносит существенный вклад в понимание?). Естественно, подобные погрешности должны быть исправлены. Несмотря на высказанные замечания статья имеет перспективы публикации в научном журнале, однако, она должна быть доработана.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Проект «информационной онтологии» в теории индивидуации Жильбера Симондона»

Предметом исследования представленной статьи является теория «индивидуации» французского философа Жильбера Симондона, в которой формируется оригинальный философия информации, коммуникации и технологий, которая радикально отличается от других подобных теорий современности. Автор считает, что Ж. Симондона в философии «информационной онтологии» интересовало, в первую очередь, глубочайшее разочарование в том, что в этот период в научном сообществе просматривалось отсутствие междисциплинарных исследований, связанных с конвергенцией технологий, науки и философии. И в рамках этого, вероятно, наблюдалось и самое важное противоречие, которое касалось сближения науки и технологий, и было связано с неудачными попытками в экспликации концепта «информации».

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза.

Актуальность статьи обусловлена там, «информационная онтология» Жильбера Симондона – это один из вариантов расширения математической теории коммуникации,

который объясняет в его открытой информационной системе не только неопределенность интерактивной модели существования информации, но и ее интероперабельность (функциональную совместимость). Поэтому эти два фактора, интероперабельность и некая мера неопределенности информации, позволяют ему применить теорию «информации», взятую из математической теории коммуникации к областям, выходящим за рамки математики, физики и инженерии. Творчество Симондона, значительно опередила свое время не только в описании социально-философских парадигм, но и в применении в социальных исследованиях различных междисциплинарных областей, таких как квантовая механика, кибернетика, эволюционная биология, эстетика и многие другие.

Научная новизна выражается в том, что согласно автору, «информационная онтология» Симондона не только вносит существенный вклад в понимание процесса «конкретизации», но может внести и важный теоретический вклад в понятие «коммуникации». Подход Симондона на основе мультимодальности трех понятий (информация, коммуникация и технологии) отвечает на важнейший философский вопрос о сущности коммуникации.

На основе анализа автор выявляет философско-методологические установки Жильбера Симондона, которые были разработаны им для решения вопроса о природе коммуникации. Подход «информационной онтологии» Симондона позволяет структурировать и упорядочить многообразие теоретических традиций и школ мышления, приведя сегодняшнее когерентное поле коммуникативной теории к единому основанию. Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Библиография работы, насчитывающая 23 источника, включает основные исследования, посвященной ее тематике. В то же время необходимо отметить, что автор обошел вниманием современные отечественные исследования теории индивидуации и философии техники Симондона в работах Саяпина В.О., Свирского Я.И., Цырлиной Я.Э. и др.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Пан Ш. Репрезентация национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.71456 EDN: XTLYXX URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71456

Репрезентация национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах

Пан Шувэнь

кандидат искусствоведения

аспирант; факультет искусств; Московского государственного университета имени МВ.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ hang.tsui@yandex.com

[Статья из рубрики "Диалог культур"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.3.71456

EDN:

XTLYXX

Дата направления статьи в редакцию:

11-08-2024

Аннотация: В эпоху цифровизации тревел-блоги стали не только источником субъективных впечатлений путешественников, но и мощным медиатором культурных образов, влияющим на межкультурное взаимодействие и общественные дискурсы. В отличие от традиционных медиа, они объединяют персональные нарративы, визуальную эстетику и интерактивность, формируя национальные образы. Исследование посвящено тому, как национальная идентичность Китая представлена в российских тревел-блогах и влияет на восприятие страны российской аудиторией. Объектом исследования являются российские тревел-блоги, в которых описываются культурные, социальные и исторические аспекты Китая. Особое вниманиеделено тому, как тревел-блогеры транслируют китайскую идентичность через визуальные и текстовые коды, а также какие дискурсивные стратегии используются для её представления. В исследовании используется междисциплинарный метод, включая контент-анализ, дискурс-анализ, а также семиотический и визуальный анализ. Выбор блогов основан на их популярности и вовлечённости аудитории. Научная новизна исследования заключается в том, что оно впервые рассматривает тревел-блоги как ключевой медиаресурс, формирующий

представления о национальной идентичности Китая среди российской аудитории, в отличие от традиционных исследований, сосредоточенных на официальных медиа. В работе применяется мультимодальный анализ, включающий контент-анализ (выявление ключевых тем), дискурс-анализ (изучение риторических стратегий) и анализ пользовательских комментариев (оценка восприятия аудитории). Такой подход заполняет пробел в исследованиях межкультурной коммуникации, интегрируя цифровой медиаконтент в изучение национальных образов. Результаты исследования подтверждают анализируемые блоги представляют Китай через три презентации: культурное наследие, технологическое развитие и экзотизированный образ. Например, блоги Пушкина и Павлова, акцентирующие внимание на традициях и гастрономии, способствуют более глубокому пониманию культуры Китая. В то же время контент Варламова, посвященный цифровому контролю, вызывает полярные реакции: от восхищения технологическим прогрессом до критики системы надзора. Анализ комментариев подтверждает, что тревел-контент не только транслирует информацию, но и формирует общественное восприятие Китая, влияя на межкультурный диалог и массовые представления в российском медиапространстве.

Ключевые слова:

Национальная идентичность, Культурный обмен, Тревел-блоги, Китайская культура, Влияние глобализации, Культурные стереотипы, Межкультурный диалог, Социальные ценности, Медийная презентация, Культурная коммуникация

Введение

В условиях цифровизации и расширения блогосферы тревел-блоги стали не только средством передачи личных впечатлений о путешествиях, но и важным медиатором культурной коммуникации, формирующими представления о различных странах.^[1] Китай, обладая уникальным историко-культурным наследием и выступая одним из ключевых акторов в глобальной экономике, неизбежно становится объектом внимания международных медиаресурсов, включая блогосферу. Однако характер его презентации в российских тревел-блогах требует более глубокого анализа с точки зрения культурологии, так как тревел-контент играет значительную роль в формировании образов других стран, транслируемых массовому зрителю. В отличие от традиционных СМИ, тревел-блоги передают неформальные и субъективные интерпретации национальной идентичности Китая, что делает их важным объектом исследования в области культуры и межкультурной коммуникации.

Настоящее исследование направлено на изучение особенностей презентации национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах, опубликованных на таких популярных цифровых платформах, как YouTube, Instagram и т.д.. Основное внимание уделяется анализу культурных кодов, символики, нарративных стратегий и аудиовизуальных элементов, используемых тревел-блогерами для конструирования образа Китая. Важно выявить, какие аспекты китайской культуры подчеркиваются в тревел-контенте, каким образом блогеры интерпретируют национальную идентичность Китая и какие дискурсивные стратегии они используют для ее представления.

Методологической основой исследования выступает междисциплинарный подход, сочетающий культурологические и медиаведческие методы анализа. Применяется контент-анализ блогов, направленный на выявление ключевых тем, представительных

образов и символики, а также дискурс-анализ, позволяющий изучить нарративные особенности тревел-контента. Визуальный и семиотический анализ фотографий и видеоматериалов дает возможность исследовать, какие элементы китайской культуры транслируются блогерами и как они воспринимаются аудиторией.

Эмпирическая база исследования включает анализ тревел-контента, опубликованного на YouTube, Instagram и т.д., что позволяет охватить различные форматы медиапредставления Китая – от видеорепортажей и документальных фильмов до визуально ориентированных постов и пользовательских обсуждений. Для формирования выборки отобраны блоги, имеющие значительное количество подписчиков и посвященные путешествиям в Китай, среди которых Антон Птушкин^[2], Илья Варламов^[3], Денис Васильев (DenvasTV)^[4], Georgiev Travel^[5] и Сергей Доля^[6]. Эти блогеры транслируют разноплановые образы Китая, что делает их контент репрезентативным для анализа стратегий конструирования национальной идентичности страны.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе тревел-блогов как самостоятельного медийного пространства, формирующего образ Китая в российской культуре. В отличие от традиционных исследований, посвященных изучению репрезентации Китая в официальных медиа, данная работа рассматривает блогосферу как уникальное динамичное пространство, где представления о стране формируются в интерактивном взаимодействии между блогерами и их аудиторией. Исследование позволяет выявить, какие культурные аспекты Китая наиболее активно транслируются в тревел-контенте, а также какие нарративные механизмы используются для их репрезентации.

Теоретические аспекты репрезентации национальной идентичности в медиапространстве

Национальная идентичность представляет собой сложный феномен, включающий в себя совокупность культурных, исторических, лингвистических и социальных элементов, определяющих самовосприятие нации и её представление в глазах других культур.^[7] В культурологии национальная идентичность понимается как динамическая система, формируемая под влиянием внутренних и внешних факторов, включая коллективную память, культурные традиции, язык, символику и медиапространство.^[8] Одним из ключевых аспектов национальной идентичности является её репрезентация в медиа, так как именно через визуальные и текстовые образы национальная культура транслируется на внешнюю аудиторию.

Формирование национального образа в медиапространстве происходит посредством языковых и нелингвистических средств.^[9] Культурные маркеры, такие как архитектурные памятники, национальные костюмы, традиционные обряды и гастрономия, становятся символами национальной идентичности и используются как в официальных, так и в неформальных медиа. В тревел-блогах, где субъективное восприятие страны сочетается с визуальным контентом, национальная идентичность конструируется не только через описание достопримечательностей, но и через личные впечатления авторов, их интерпретацию культурных кодов, а также их взаимодействие с местными жителями.

Научные исследования показывают, что национальная идентичность не является статичной, а изменяется под воздействием межкультурных контактов и глобализационных процессов. Как отмечает Ляпун^[10], в российских тревел-текстах образ Востока зачастую представлен в упрощённой и стереотипной форме, однако в

тревел-блогах наблюдается тенденция к более разнообразным интерпретациям. Это подчеркивает важность изучения тревел-контента как источника репрезентации национальной идентичности в динамичных культурных взаимодействиях.

Тревел-блоги представляют собой одну из наиболее популярных и динамичных форм цифрового контента, в которых репрезентация национальной идентичности осуществляется через личный нарратив автора, визуальный контент и интерактивное взаимодействие с аудиторией. В отличие от традиционных медиа, тревел-блоги характеризуются субъективностью, неформальным стилем изложения и гибкостью в выборе тем.

Современные тревел-блоги, размещённые на таких платформах, как YouTube, Instagram, представляют собой мультимодальные медиапродукты, включающие текстовые описания, фотографии, видео, а также интерактивные элементы в виде комментариев и реакций аудитории. Такая структура позволяет блогерам не просто рассказывать о своих путешествиях, но и активно формировать восприятие культурных объектов через индивидуальную интерпретацию. Исследования Шкурапат и Герасименко [11] показали, что тревел-блогеры, описывая свои поездки, часто либо подтверждают распространенные стереотипы о странах, либо, напротив, разрушают их, предлагая новую интерпретацию.

Особенностью тревел-блогов является их способность создавать так называемые «аутентичные образы» страны, основанные на личных переживаниях блогеров. В отличие от официальных туристических путеводителей, тревел-блоги предлагают более «человечный» и субъективный взгляд на культуру, тем самым оказывая значительное влияние на восприятие национальной идентичности их подписчиками. Исследование Егоровой и Лукиной [12] о репрезентации России в корейских тревел-блогах показало, что национальные образы конструируются не только через визуальные элементы, но и через языковые средства, такие как использование местных слов и фраз, что способствует лучшему восприятию культуры аудитории.

Применительно к китайской национальной идентичности тревел-блоги могут выступать как в роли медиатора подлинного образа страны, так и в роли транслятора стереотипных представлений. Как отмечают Нестерова и Сабаева [13], образ Китая в российских социальных сетях формируется преимущественно через призму поп-культуры, однако тревел-блоги способны предложить более глубокий взгляд, освещая традиционные и современные аспекты китайской культуры через призму личного опыта.

Одним из ключевых факторов, определяющих влияние тревел-блогов на культурные представления, является их интерактивность. В отличие от традиционных СМИ, блогосфера предлагает аудитории возможность прямого участия в формировании нарратива – через комментарии, обсуждения и личные реакции. Это означает, что репрезентация национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах является не только результатом авторской интерпретации, но и коллективного восприятия, складывающегося в процессе взаимодействия блогеров с их подписчиками.

Таким образом, тревел-блоги оказывают значительное влияние на репрезентацию национальной идентичности Китая в российском медиапространстве, предлагая более персонализированные и многослойные интерпретации китайской культуры. Однако данный аспект остается недостаточно изученным в современных научных работах. В отличие от исследований, посвященных образу Китая в официальных медиа или в социальных сетях, тревел-блоги как феномен культурной коммуникации требуют

дальнейшего изучения. Именно этот пробел и восполняет настоящее исследование, проводя систематический анализ китайской национальной идентичности в российских тревел-блогах и выявляя ключевые механизмы её презентации.

Эмпирический анализ презентации Китая в российских тревел-блогах

Исследование презентации национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах основано на анализе контента популярных блогеров на платформах YouTube, Instagram и т.д. Эти платформы выступают основными пространствами формирования массовых представлений о Китае, соединяя видеоконтент, визуальные образы и текстовые описания, что делает их ключевыми инструментами конструирования и трансляции культурных смыслов. Российские тревел-блогеры через свой контент формируют представление о Китае, сочетающее национальную идентичность страны через её традиционные и современные аспекты, а также через элементы экзотизации, которые могут как укреплять стереотипы, так и разрушать их.

Для исследования были отобраны блогеры, популярные среди российской аудитории и обладающие значительным влиянием на её восприятие Китая. Среди них — Антон Птушкин, чьи тревел-документальные фильмы представляют глубоко проработанный визуально-нарративный анализ культурных особенностей страны, Илья Варламов, специализирующийся на урбанистических репортажах, раскрывающий Китай с точки зрения его городского развития, и Денис Васильев (DenvasTV), чей контент посвящён повседневной жизни в Китае. Туристический блог Georgiev Travel, ориентированный на остров Хайнань, фокусируется на практическом аспекте путешествий, а публикации в сообществе Pikabu^[14] демонстрируют пользовательские стереотипные представления о Китае. Таким образом, анализируемые блоги представляют разные векторы презентации национальной идентичности Китая: историко-культурное наследие, технологическую модернизацию и экзотизацию.

Российские тревел-блогеры широко используют национальные культурные символы Китая для создания визуального и текстового нарратива о стране. Одним из доминирующих образов в блогах является традиционная культура Китая, представленная через историю, гастрономию и искусство. Так, Антон Птушкин в одном из своих выпусков на YouTube показал Китайский Новый Год, запечатлев традиционные обряды, танцы драконов и львов, праздничную атмосферу китайских улиц, что подчёркивает важность национальных традиций в формировании китайской идентичности. Этот сюжет, наполненный визуальными и звуковыми элементами, создаёт у российской аудитории представление о Китае как о стране с глубокими культурными корнями и сильной ритуальной традицией. Георгий Павлов в своём блоге Georgiev Travel делает акцент на китайской гастрономии, освещая традиционные блюда острова Хайнань, что формирует кулинарную идентичность Китая как одной из ключевых составляющих национального культурного кода. Через подобные репортажи создаётся презентация Китая как страны с богатым наследием, где традиции не только сохраняются, но и активно интегрируются в современную жизнь.

Наряду с традиционной идентичностью тревел-блоги активно формируют образ Китая как государства передовых технологий и инновационного развития. Видеоматериалы Ильи Варламова демонстрируют урбанистическую трансформацию китайских городов, высокие темпы их развития и внедрение цифровых технологий. В своём видео «Китай: страна слежки?» он анализирует системы социального рейтинга, массового видеонаблюдения и автоматизированного управления городами, подчеркивая, что современный Китай воспринимается как цифровая сверхдержава, находящаяся на передовой

технологического прогресса. Визуально этот образ усиливается панорамными съёмками ночных мегаполисов, неоновых рекламных экранов, современных транспортных сетей. Денис Васильев, напротив, показывает более бытовую сторону цифровизации, рассказывая о широком использовании мобильных платежей, роботизированных кафе и онлайн-сервисов, что подтверждает восприятие Китая как страны, где инновации неразрывно связаны с повседневностью. Таким образом, тревел-блоги закрепляют в российском медиапространстве образ Китая не только как исторической цивилизации, но и как глобального центра технологического будущего.

Однако наряду с объективной репрезентацией Китая через культуру и технологии в тревел-блогах широко распространены элементы экзотизации и стереотипизации. Развлекательные тревел-выпуски часто используют образы необычности, загадочности и сенсационности, создавая у зрителей ощущение культурного дистанцирования. Антон Птушкин, пробуя жареного тарантула в одном из своих выпусков, усиливает стереотипный образ Китая как страны экзотических традиций и необычной кухни, что является распространённым медиаприёром привлечения внимания аудитории. Дискуссии пользователей платформы Pikabu подтверждают, что значительная часть российской аудитории воспринимает Китай через призму стереотипов, связанных с гастрономическими и социальными различиями. Этот аспект репрезентации Китая в российских тревел-блогах демонстрирует, что, несмотря на растущий интерес к культуре и технологиям, образ Китая в массовом сознании по-прежнему остаётся во многом экзотизированным.

Лексический анализ тревел-блогов подтвердил основные тенденции репрезентации национальной идентичности Китая, выявив наиболее часто употребляемые слова, которые структурируют представления о стране в российском медиапространстве. На основе анализа текстов тревел-блогов был составлен рейтинг ключевых слов, частотность которых представлена на диаграмме ниже.

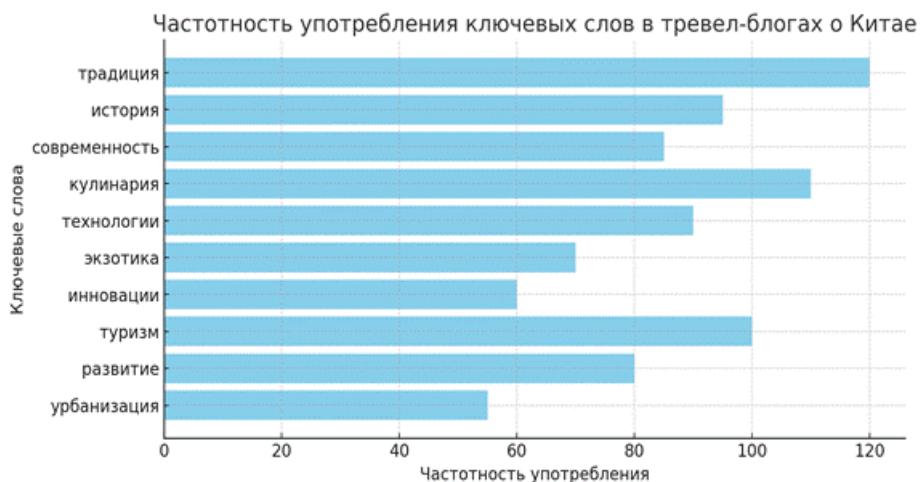

Рис 1. Частотность употребления ключевых слов в тревел-блогах о Китае

Источник: Создано автором

Как видно из диаграммы, наиболее частотными являются термины, связанные с традиционной культурой Китая: «традиция» (120 упоминаний), «история» (95), «гастрономия» (110), «урбанизация» (55). Это свидетельствует о том, что тревел-блогеры активно используют культурное наследие Китая в качестве одного из центральных элементов национальной идентичности страны. Исторические достопримечательности, традиционные праздники, архитектурные памятники и

кулинарные традиции часто становятся главными темами тревел-контента, что формирует в массовом сознании образ Китая как цивилизации с глубокой историей и уникальным культурным кодом.

При этом значительное присутствие слов «технологии» (90), «инновации» (60), «развитие» (80) указывает на то, что современный Китай воспринимается не только как страна с богатым прошлым, но и как динамично развивающееся государство, активно внедряющее цифровые технологии и урбанистические новшества. Репортажи, такие как документальные видео Ильи Варламова о китайских мегаполисах и их технологических особенностях, закрепляют этот образ, делая акцент на модернизации, инновациях и высоком уровне развития инфраструктуры. Таким образом, тревел-контент способствует созданию балансированной репрезентации Китая, где традиция и инновация сосуществуют в едином дискурсе национальной идентичности.

Однако нельзя игнорировать значительное присутствие в тревел-контенте таких слов, как «экзотика» (70) и «туризм» (100), которые чаще встречаются в развлекательных блогах и подчёркивают образ Китая как страны, привлекающей внимание необычными культурными явлениями. Использование этих терминов указывает на элементы экзотизации, которые, с одной стороны, усиливают туристический интерес к Китаю, но, с другой стороны, могут способствовать распространению стереотипных представлений. Например, в видео Антона Птушкина, где он пробует жареного тарантула, зритель сталкивается с образами Китая как «страны экзотических традиций», что подогревает интерес аудитории, но также закрепляет восприятие страны через призму культурной «инаковости».

Таким образом, тревел-блогеры формируют разносторонний образ Китая, в котором сосуществуют элементы традиционного наследия, современного технологического прорыва и экзотических особенностей. Этот медиадискурс отражает как аутентичные черты китайской национальной идентичности, так и существующие западные представления о стране, основанные на экзотизации. Репрезентация Китая в тревел-контенте становится динамичной, варьируясь от глубоко погружающихся в культурный контекст аналитических обзоров до развлекательных нарративов, акцентирующих внимание на необычных аспектах китайской повседневности.

Визуальный анализ тревел-контента показал, что блогеры активно используют знаковые образы Китая, формируя его визуальную идентичность в российском медиапространстве. Среди наиболее распространённых визуальных маркеров выделяются исторические объекты, такие как Великая Китайская стена, Запретный город, храмы и пагоды, которые символизируют древнее наследие Китая и его традиционную культуру. Эти образы широко представлены в тревел-видео Антона Птушкина и Георгия Павлова, которые демонстрируют туристические достопримечательности Китая через эффектные панорамные съёмки и детализированные кадры архитектурных памятников. Такие визуальные элементы способствуют укреплению представления о Китае как стране с глубокой исторической памятью, что особенно важно в контексте репрезентации национальной идентичности.

Одновременно тревел-блогеры активно транслируют образ Китая как технологически развитой державы, используя в своих материалах кадры небоскрёбов, цифровых экранов, скоростных поездов и систем видеонаблюдения. Видеоматериалы Ильи Варламова, посвящённые урбанистическому развитию китайских городов, подчёркивают динамику модернизации Китая, делая акцент на архитектурных контрастах, инфраструктурных достижениях и цифровизации общественной жизни. Его съёмки часто

выполнены в минималистичном стиле, с использованием холодных оттенков и геометрически выверенных кадров, что подчёркивает строгую и функциональную эстетику современных китайских мегаполисов.

Не менее важную роль в визуальном дискурсе тревел-блогов играет гастрономическая идентичность Китая. Кадры уличных рынков, традиционных блюд и процессов приготовления еды занимают значительное место в тревел-контенте, создавая у зрителя эффект полного погружения в культуру. Георгий Павлов в своём блоге Georgiev Travel делает акцент на тёплых оттенках и живых деталях традиционной кухни, что формирует ассоциативный образ Китая как страны с самобытной гастрономией. Однако тревел-блогеры также часто используют гастрономические сцены для создания экзотического эффекта, демонстрируя дегустацию необычных блюд, таких как жареный тарантул в выпуске Антона Птушкина. Этот приём делает контент более зрелищным и привлекательным для аудитории, но при этом усиливает элементы экзотизации и культурного дистанцирования, закрепляя представление о Китае как о стране, сильно отличающейся от западных культурных норм.

Видеоматериалы на YouTube и Instagram включают съёмку с дронов, панорамные виды городов, крупные планы еды, что усиливает эффект присутствия и вовлекает зрителя в визуальное исследование Китая. Таким образом, тревел-блоги становятся не только источником информации, но и важным инструментом визуального конструирования китайской национальной идентичности. В зависимости от акцентов, расставленных блогерами, образ Китая в тревел-контенте может варьироваться от традиционного и исторического до футуристического и технологичного, от глубоко погружённого в локальную культуру до экзотизированного и сенсационного. В совокупности этот многослойный подход к визуальной репрезентации формирует сложное и неоднозначное восприятие Китая в российском медиапространстве, отражая не только особенности страны, но и культурные фильтры, через которые российская аудитория воспринимает китайскую идентичность.

Кроме контент-анализа тревел-видео и публикаций, в исследование включён анализ пользовательских комментариев, размещённых под видеороликами и постами, что позволило оценить реакцию российской аудитории на представленные образы Китая. Изучение комментариев продемонстрировало, что восприятие Китая зрителями тревел-блогов варьируется в зависимости от представленного нарратива и тематики контента. Видеоролики, посвящённые традиционной культуре Китая, например, публикации о Китайском Новом году или семейных традициях, в целом вызывают положительный отклик. Комментарии под этими видео часто содержат восхищение китайскими обычаями, подчёркивают богатство культурного наследия и проводят параллели с российскими традициями, способствуя формированию образа Китая как страны с глубокой историей и сильными семейными ценностями. Например, в обсуждениях под постами Сергея Доли о китайских семейных традициях пользователи отмечают уважение к старшим и коллективизм как ключевые черты китайской культуры, которые находят отклик у российской аудитории.

В свою очередь, контент, связанный с технологическим развитием Китая, вызывает неоднозначную реакцию. В комментариях к видео Варламова о системах видеонаблюдения и цифровом управлении обществом прослеживаются как позитивные оценки эффективности китайской модели, так и выраженные опасения по поводу возможных ограничений личной свободы. Некоторые пользователи восхищаются масштабами урбанистического развития Китая, сравнивая его с западными странами и Россией, тогда как другие рассматривают технологический прогресс через призму

политического контроля. Это демонстрирует, что тревел-контент, связанный с современным Китаем, формирует дискуссию, где образ страны воспринимается неоднозначно, а его интерпретация зависит от субъективных представлений зрителей о роли технологий в обществе.

Особый интерес представляют комментарии к тревел-контенту, содержащему элементы экзотизации и сенсационности. Под видео, где блогеры пробуют экзотические блюда, такие как жареный тарантул, значительная часть аудитории реагирует через призму стереотипов, описывая Китай как «необычную», «чуждую» или «экзотическую» страну. В обсуждениях на Pikabu пользователи часто подчёркивают гастрономические и бытовые различия, что формирует дистанцированное восприятие китайской культуры. Вместе с тем часть аудитории, напротив, выражает интерес к китайской кухне, воспринимая её как один из ключевых элементов национальной идентичности страны.

В итоге анализ российских тревел-блогов показывает, что национальная идентичность Китая в них представлена как сочетание традиции и модерна, уникальности и глобализации, экзотики и повседневности. Тревел-контент формирует у российской аудитории многослойный образ Китая, в котором историческое наследие соседствует с передовыми технологиями, а традиционные культурные практики воспринимаются через призму туристического интереса. Однако наряду с объективными характеристиками тревел-блоги продолжают воспроизводить элементы экзотизации, что свидетельствует о существующих дискурсивных стратегиях конструирования образа Китая в российском медиапространстве.

Анализ комментариев к тревел-контенту подтверждает, что тревел-блоги не только транслируют определённые образы Китая, но и способствуют формированию общественного дискурса, в котором эти образы подвергаются интерпретации, одобрению или критике. Реакции аудитории на тревел-видео различаются в зависимости от представленного нарратива: в случае с традиционной культурой и историческим наследием комментарии чаще выражают восхищение и стремление к межкультурному пониманию, тогда как в видео, акцентирующих внимание на технологическом развитии, доминируют разногласия и противоречивые оценки. В контенте, содержащем элементы экзотизации, реакция аудитории часто строится на усилении стереотипов и культурного дистанцирования, что подчёркивает амбивалентность восприятия Китая.

В целом, тревел-блоги выполняют двойственную роль: с одной стороны, они способствуют укреплению межкультурного понимания, раскрывая многогранность китайской национальной идентичности, с другой – продолжают воспроизводить элементы экзотизации, закрепляя представление о Китае как о «необычном» и «инаковом» пространстве. Это подчёркивает сложность процесса восприятия Китая через тревел-контент и значимость его анализа в контексте современной цифровой культуры, где медийные образы не только отражают реальность, но и активно формируют её интерпретацию в сознании зрителей.

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что тревел-блоги играют значительную роль в формировании репрезентации национальной идентичности Китая среди российской аудитории. Анализ контента на YouTube, Instagram и т.д. показал, что тревел-блогеры создают многослойный образ Китая, включающий традиционные, современные и экзотизированные аспекты. Их материалы не только информируют зрителей, но и активно влияют на общественное восприятие страны, задавая определённые нарративы, которые

могут как расширять культурное понимание, так и поддерживать существующие стереотипы.

Основные выводы исследования показывают, что тревел-блоги транслируют три ключевых образа Китая: страну с богатым историко-культурным наследием, технологическую державу и экзотизированный восточный мир. Эти презентационные стратегии формируют восприятие Китая в массовом сознании, сочетая элементы традиции и модернизации, локальной самобытности и глобального развития. Однако полученные данные также свидетельствуют о том, что восприятие этих образов не является однородным и во многом зависит от реакций аудитории.

Включение в исследование анализа пользовательских комментариев позволило выявить, что тревел-контент не только транслирует определённые представления о Китае, но и формирует общественный дискурс, в рамках которого зрители интерпретируют, подтверждают или подвергают критике предложенные нарративы. Видеоролики, посвящённые традиционной культуре Китая, в целом вызывают положительный отклик, так как зрители выражают восхищение богатым культурным наследием страны. Контент, связанный с технологическим развитием, провоцирует более противоречивые реакции, включая как восхищение высокими темпами модернизации, так и озабоченность вопросами цифрового контроля. В свою очередь, тревел-видео, содержащие элементы экзотизации, чаще всего вызывают поляризацию мнений: часть аудитории воспринимает экзотичность как привлекательный туристический аспект, тогда как другая часть акцентирует внимание на культурных различиях, что может способствовать закреплению стереотипов.

Таким образом, влияние тревел-блогов выходит за рамки туристического контента и охватывает более широкие аспекты культурной коммуникации. Они способствуют популяризации китайской культуры, разрушению устаревших представлений, но при этом продолжают воспроизводить элементы экзотизации, особенно в контексте сенсационного и развлекательного контента. Анализ пользовательских комментариев показал, что тревел-блоги не просто транслируют определённые образы Китая, но и включают зрителей в процесс их обсуждения, формируя сложный и динамичный дискурс о китайской идентичности в российском медиапространстве.

Перспективы дальнейших исследований данной темы включают детальное изучение того, каким образом тревел-блоги влияют на общественные и политические дискурсы, а также анализ механизмов восприятия китайской идентичности через цифровые медиа. Особенno важно рассмотреть взаимодействие тревел-блогов с другими формами массовой информации, такими как новости и документальные фильмы, а также исследовать влияние комментариев зрителей на формирование новых дискурсивных практик. Кроме того, сравнительный анализ презентации Китая в русскоязычном и англоязычном тревел-контенте позволит выявить возможные различия в интерпретации китайской идентичности в разных культурных средах.

Библиография

1. Галуза А. Г., Григорьев Н. Ю. Трансформация travel-журналистики в исторической перспективе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. №1 (51). С. 55-62.
 2. Пушкин А. Проба тарантула в Китае [Видео] // YouTube. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=baDkK2YNfAw#:~:text=АНТОН%20ПУШКИН%20ПРОБУЕТ%20ЖАРЕНОГО%20ТАРАНТУЛА,Inter%20TV> (дата обращения: 01.08.2024).
 3. Варламов И. Китай: страна слежки? [Видео] // YouTube. 2019. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=...>

v=obBXWaRIW0Q# :~:text=,за%20каждым%20твоим%20шагом (дата обращения: 01.08.2024).

4. Georgiev Travel. Официальный блог Павла Георгиева [Электронный ресурс]. 2023.

URL: <https://georgiev.travel/blog> (дата обращения: 01.08.2024).

5. DenvasTV. Instagram блог о Китае [Электронный ресурс]. 2023. URL:

<https://instagram.com/denvastv> (дата обращения: 01.08.2024).

6. Доля С. Пекин-Тайюань. Оборудование кругосветной экспедиции [Видео] // YouTube.

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=...>

v=oqSHYKwGE18&list=PLu3iRKk2zLmr6ARr6RPffTR11NahoXgpi&index=4 (дата обращения: 01.08.2024).

7. Фалькова Е. Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: Методическое пособие. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. 77 с.

8. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре: ценностная рефлексия журналистики начала XXI века. Чита: Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г.Чернышевского, 2009. 207 с.

9. До В. Формирование национального образа России в свете теории проксимизации (на материале китайского переводного текста - Выступления С. Лаврова на общеполитических дебатах 78-й сессии ГА ООН) // Политическая лингвистика. 2024. №2 (104). С. 185-196.

10. Ляпун С. В. Образ Востока в тревел-текстах российских средств массовой коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. №3 (242). С. 32-36.

11. Шкуропат С. Г., Герасименко Е. П. Роль травелогов и тревел-блогов в формировании образа страны (на примере Испании) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. 2015. С. 158-163.

12. Егорова К. Г., Лукина М. О. Языковая репрезентация образа России в корейском интернет-дискурсе (на материале тревел-блогов) // Инновационная парадигма развития современных гуманитарных и общественных наук. 2020. С. 120-124.

13. Нестерова Н. Г., Сабаева Ю. С. Репрезентация медиаобраза Китая в российской социальной сети (на материале постов о китайской популярной музыке и комментариев к ним) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. №4. С. 191-196.

14. Pikabu. Обсуждение стереотипов о Китае [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://pikabu.ru/tag/Китай,Стереотипы/hot?page=3> (дата обращения: 01.08.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как автор четко и однозначно обозначил в заголовке («Репрезентация национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах»), является репрезентация национальной идентичности Китая (в объекте) в российских тревел-блогах.

Во введении автор обосновывает актуальность выбранной им темы, разъясняет цель исследования («проанализировать, как национальная идентичность Китая представлена в российских тревел-блогах») и научно-познавательные задачи, сопутствующие её достижению (выявить основные аспекты национальной идентичности Китая в блогах, изучить методы «описания культурных и социальных сторон Китая российскими

авторами», обнаружить стереотипы или искажения в восприятии Китая), а также указывает, что «методология исследования основана на качественном анализе контента российских тревел-блогов о Китае» с учетом концепций национальной идентичности, межкультурной коммуникации и культурного диалога. Таким образом, в общих чертах автор представил вполне релевантную выбранной теме программу исследования для того, чтобы «всесторонне рассмотреть репрезентацию китайской национальной идентичности в российской тревел-блогосфере и её влияние на российско-китайские культурные отношения».

Рецензент обращает внимание, что объект исследования (совокупность российских тревел-блогов) представлен единственным блогом (эмпирический материал) и обобщением мнений российских и китайских коллег. При этом автор не комментирует, какой объем тревел-блогов ему таким способом удалось рассмотреть. В результате страдает достоверность достигнутых автором результатов, ведь сохраняется вероятность, что выборка охваченного эмпирического материала не достигает релевантных поставленным задачам объемов. Касаясь выбранного им блога С. Доли, автор не подчеркивает его схожесть или уникальность в сравнении с остальными (неизвестными, но подразумеваемыми) блогами, но тем не менее делает обобщения, словно проанализировал исчерпывающее количество медиаресурсов или, по крайней мере, достаточное. Именно обоснования этой «достаточности», т. е. релевантности для обобщенных выводов охваченного автором эмпирического материала, и не хватает в представленном на рецензирование тексте. Соответственно, автор намеренно или ненамеренно вводит в заблуждение читателя, заявляя, что «методология исследования основана на качественном анализе контента российских тревел-блогов о Китае». На деле представлен контент-анализ только одного блога. И этого совершенно недостаточно, чтобы «всесторонне рассмотреть репрезентацию китайской национальной идентичности в российской тревел-блогосфере и её влияние на российско-китайские культурные отношения». Такая ситуация больше похожа на инсинуацию научного исследования, нежели на исследовательскую работу. Для исправления ситуации автору необходимо существенно расширить корпус эмпирического материала (количество анализируемых блогов), чтобы на равных с коллегами дискутировать о репрезентации в них национальной идентичности Китая или скорректировать программу исследования, заявив, что в целом обозначенный предмет исследования достаточно хорошо изучен другими учеными, что позволяет сделать итоговое обобщение сложной систематической работы ученых двух стран по анализу тематической тревел-блогосферы.

Таким образом, остается под сомнением факт проведенного исследования автором представленного на рецензирование текста, что не позволяет дать оценку изученности заявленного предмета исследования.

Несмотря на то, что заявленная автором методология исследования вполне релевантна цели и исследовательским задачам, она не была реализована в представленном тексте в полном объеме. Вместо заявленного контент-анализа автор прибегает к обобщению уже осуществленных исследований, теоретическую и практическую ценность которых для представленной работы утаивает от читателя и самого себя, не давая оценки степени научной разработанности выбранной им темы коллегами. Такой «метод» сложно считать научным, в связи с чем представленный текст не в полной мере соответствует этическим нормам научной коммуникации и граничит с инсинуацией научного знания.

Актуальность выбранной темы автор обосновывает тем, что «в эпоху глобализации исследование национальной идентичности приобретает особую значимость», «Китай, благодаря своему экономическому росту и культурной экспансии, привлекает всё больше внимания», а «российские тревел-блоги ... существенно влияют на формирование представлений о Китае и его национальной идентичности». Безусловно, с

представленным тезисом следует согласиться, что и побуждает рецензента просить автора, представить исследование российских тревел-блогов, скорректировав обзор научной литературы по теме так, чтобы он не выглядел попыткой введения читателя в заблуждение.

Научная новизна представленных в исследовании результатов, в связи с обозначенными выше обстоятельствами, остается под сомнением.

Стиль текста в целом выдержан научный, хотя рецензент обращает внимание автора, что ссылки на источники в квадратных скобках в тексте являются частью предшествующего предложения, поэтому точка ставится не перед скобкой, а после неё. Кроме того, отдельные высказывания слабо согласованы и требуют корректировки (например, «В данного исследования обобщены ключевые выводы о репрезентации национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах», «Эти шаги помогут создать более точное и уважительное представление о стране, укрепив культурные связи между Россией»).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного исследования, но содержание аналитической (основной) части требует согласования с заявленной программой исследования.

Библиография частично раскрывает проблемную область исследования (для столь серьезных обобщений маловато научной литературы, для опоры на эмпирический материал одного источника недостаточно), и требует корректировки согласно требованиям редакции и ГОСТа.

Апелляция к оппонентам не обеспечена в достаточной мере авторской аргументацией и заключается лишь в некритическом использовании опубликованных коллегами материалов в качестве источников «достоверных» сведений.

В силу острой актуальности выбранной автором темы, можно ожидать интерес читательской аудитории журнала «Философия и культура» к статье, но только после существенной её доработки с учетом замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования «Репрезентация национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах» послужило «изучение особенностей репрезентации национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах, опубликованных на таких популярных цифровых платформах, как YouTube, Instagram и т.д.. Основное внимание уделяется анализу культурных кодов, символики, нарративных стратегий и аудиовизуальных элементов, используемых тревел-блогерами для конструирования образа Китая», - так написал сам автор.

Методология исследования более чем разнообразна и включает сравнительно-исторический, аналитический, описательный и др. методы.

Актуальность статьи необычайно велика, особенно в свете возросшего интереса современного научного сообщества к истории и культуре Востока.

Научная новизна работы также не вызывает сомнений, равно как и ее практическая польза. Автор подчеркивает: «Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе тревел-блогов как самостоятельного медийного пространства, формирующего образ Китая в российской культуре. В отличие от традиционных исследований, посвященных изучению репрезентации Китая в официальных медиа, данная работа рассматривает блогосферу как уникальное динамичное пространство, где

представления о стране формируются в интерактивном взаимодействии между блогерами и их аудиторией. Исследование позволяет выявить, какие культурные аспекты Китая наиболее активно транслируются в тревел-контенте, а также какие нарративные механизмы используются для их репрезентации».

Перед нами – весьма достойное научное исследование, в котором стиль, структура и содержание полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к статьям такого рода. Оно отличается обилием полезной информации и важными выводами. Статья четко и логично выстроена, имеет 3 части: введение, основную часть и выводы (заключение). Остановимся на некоторых положительных сторонах исследования. Самым привлекательным в нем, вероятно, стоит считать его четкую структуру. Автор делит на подпункты каждую часть основного текста статьи: «Теоретические аспекты репрезентации национальной идентичности в медиапространстве; Эмпирический анализ репрезентации Китая в российских тревел-блогах». Автор верно замечает: «Формирование национального образа в медиапространстве происходит посредством языковых и нелингвистических средств.[9] Культурные маркеры, такие как архитектурные памятники, национальные костюмы, традиционные обряды и гастрономия, становятся символами национальной идентичности и используются как в официальных, так и в неформальных медиа. В тревел-блогах, где субъективное восприятие страны сочетается с визуальным контентом, национальная идентичность конструируется не только через описание достопримечательностей, но и через личные впечатления авторов, их интерпретацию культурных кодов, а также их взаимодействие с местными жителями.

Научные исследования показывают, что национальная идентичность не является статичной, а изменяется под воздействием межкультурных контактов и глобализационных процессов». По верному замечанию исследователя, «Тревел-блоги представляют собой одну из наиболее популярных и динамичных форм цифрового контента, в которых репрезентация национальной идентичности осуществляется через личный нарратив автора, визуальный контент и интерактивное взаимодействие с аудиторией. В отличие от традиционных медиа, тревел-блоги характеризуются субъективностью, неформальным стилем изложения и гибкостью в выборе тем».

В процессе работы автор делает множество правильных выводов, подтверждая собственные мысли, что придает особую достоверность его исследованию.

Автор справедливо замечает: «Одним из ключевых факторов, определяющих влияние тревел-блогов на культурные представления, является их интерактивность. В отличие от традиционных СМИ, блогосфера предлагает аудитории возможность прямого участия в формировании нарратива – через комментарии, обсуждения и личные реакции. Это означает, что репрезентация национальной идентичности Китая в российских тревел-блогах является не только результатом авторской интерпретации, но и коллективного восприятия, складывающегося в процессе взаимодействия блогеров с их подписчиками. Таким образом, тревел-блоги оказывают значительное влияние на репрезентацию национальной идентичности Китая в российском медиапространстве, предлагая более персонализированные и многослойные интерпретации китайской культуры».

Очень хорошо, что для подтверждения своих мыслей автор включил в работу рисунок: (Рис 1. Частотность употребления ключевых слов в тревел-блогах о Китае). Как он сам отмечает,

«Как видно из диаграммы, наиболее частотными являются термины, связанные с традиционной культурой Китая: «традиция» (120 упоминаний), «история» (95), «гастрономия» (110), «урбанизация» (55). Это свидетельствует о том, что тревел-блогеры активно используют культурное наследие Китая в качестве одного из центральных элементов национальной идентичности страны».

Автор использует проежуточные выводы в ходе своего исследования, что свидетельствует о глубоком знании материала: «Однако наряду с объективной презентацией Китая через культуру и технологии в тревел-блогах широко распространены элементы экзотизации и стереотипизации. Развлекательные тревел-выпуски часто используют образы необычности, загадочности и сенсационности, создавая у зрителей ощущение культурного дистанцирования».

Библиография исследования обширна, включает основные, в т.ч. иностранные, источники по теме, оформлена корректно.

Апелляция к оппонентам весьма достаточна и не просто сделана на достойном профессиональном уровне, а свидетельствует о том, что автор вступает с оппонентами в творческое взаимодействие.

Выводы, как мы уже отмечали, сделаны серьезные и обширные, вот лишь часть их них: «Результаты исследования подтверждают, что тревел-блоги играют значительную роль в формировании презентации национальной идентичности Китая среди российской аудитории. Анализ контента на YouTube, Instagram и т.д. показал, что тревел-блогеры создают многослойный образ Китая, включающий традиционные, современные и экзотизированные аспекты. Их материалы не только информируют зрителей, но и активно влияют на общественное восприятие страны, задавая определённые нарративы, которые могут как расширять культурное понимание, так и поддерживать существующие стереотипы.

Основные выводы исследования показывают, что тревел-блоги транслируют три ключевых образа Китая: страну с богатым историко-культурным наследием, технологическую державу и экзотизированный восточный мир. Эти представительские стратегии формируют восприятие Китая в массовом сознании, сочетая элементы традиции и модернизации, локальной самобытности и глобального развития. Однако полученные данные также свидетельствуют о том, что восприятие этих образов не является однородным и во многом зависит от реакций аудитории».

На наш взгляд, статья будет представлять большой интерес и практическую пользу для разнообразной читательской аудитории - практиков-блогеров и путешественников, студентов и педагогов, историков, философов, искусствоведов и т. д., а также всех тех, кого интересуют вопросы развития китайского искусства и международного культурного сотрудничества.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Попова Л.В. Идея «вечности жизни» в творчестве В.И. Вернадского // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.73638 EDN: XQUJPC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73638

Идея «вечности жизни» в творчестве В.И. Вернадского

Попова Лиана Владимировна

ORCID: 0000-0002-9766-7535

кандидат культурологии

старший преподаватель; кафедра философии; Государственный университет управления

109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр-кт, д. 99, каб. У-463

[✉ pliana@mail.ru](mailto:pliana@mail.ru)

[Статья из рубрики "Встреча с корифеем"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.3.73638

EDN:

XQUJPC

Дата направления статьи в редакцию:

10-03-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является идея «вечности жизни» в мировоззрении В.И. Вернадского, которая связана с учением о «живом веществе». Цель исследования – показать, что идеи В.И. Вернадского имеют глубокие историко-философские и историко-научные корни, которые могут быть поняты в качестве интегрального следствия общего процесса культурной эволюции человечества, в рамках которой инициатива в придании исторически определенной и целостной характеристики миросозерцания может исходить из той или иной формы духовной культуры (религии, морали, искусства, философии, науки и др.). В задачи исследования входят: рассмотрение наиболее значимых идей и концепций (в первую очередь, с точки зрения самого В.И. Вернадского) в истории философии и науки, сыгравших важную роль в становлении учения о «вечности жизни». В данном исследовании применен комплексный культурологический подход, объединяющий сравнительный, феноменологический и психоаналитический методы исследования. Научная новизна данного исследования определяется авторским подходом к анализу избранного объекта, вовлечением в научный оборот новых источников. Автор уделяет большое внимание

анализу связи «логики естествознания» с учением о «живом веществе», характеристике концепций «живого вещества», «вечности жизни» и «ноосферы» как наиболее характерных выражений натуралистического мировоззрения В.И. Вернадского. Основным выводом данного исследования явилось то, что идея «вечности жизни» явила основной идеей в мировоззрении В.И. Вернадского. Понятия «жизнь» и «живое вещество» для него тождественны. В.И. Вернадский близок философам Древней Греции, занятых поиском первоначала космоса, сформулировал учение о ноосфере как высшей стадии эволюции биосферы, связанной с человеческим разумом. В.И. Вернадский поставил важный вопрос о «логике естествознания» в связи с учением о «вечности жизни».

Ключевые слова:

Владимир Вернадский, вечность жизни, живое вещество, логика естествознания, биосфера, ноосфера, Эдуар Ле Руа, Тейяр де Шарден, Аристотель, Демокрит

В настоящее время личность Владимира Ивановича Вернадского привлекает внимание многих исследователей. Интерес к В.И. Вернадскому начинает возрастать с 1970-х гг. Большую роль в этом сыграл выход в свет его трудов, ранее находившихся под негласным запретом [33]. Еще в сентябре 1945 г., вскоре после смерти В.И. Вернадского, была создана Комиссия по разработке научного наследия ученого, деятельность которой заключалась в переиздании ранее публиковавшихся работ. Комиссия практически прекратила свою работу после смерти ее председателя А.П. Виноградова, но, тем не менее, были выпущены в 1975 г. труды В.И. Вернадского «Пространство и время в неживой и живой природе», в 1977 г. — «Научная мысль как планетное явление». Две книги вышли в свет под общим названием «Размышления натуралиста». Выходу их в свет в свое время препятствовал сам А.П. Виноградов.

В 1983 г., в год 120-летия со дня рождения ученого, в Московском доме ученых состоялось торжественное заседание, посвященное жизни и деятельности мыслителя и значению его идей для современности. Одновременно заседания, посвященные этой дате, прошли в Ленинграде, Киеве, Новосибирске, Таллине, Ереване и, несколько позднее, в Иванове. В 1982 г. вышла научная биография Вернадского, написанная И.И. Мочаловым [31], который явился также автором множества статей и работ, посвященных различным проблемам творчества Вернадского.

14 апреля 1985 г. при Президиуме АН СССР была создана Комиссия по разработке научного наследия В.И. Вернадского, которая приступила к широкой подготовке мероприятий, связанных со 125-летием ученого, которое должно было отмечаться в 1988 г. В этом же году вышли в свет труды В.И. Вернадского «Химическое строение биосферы и ее окружения» (2-е изд.), «Труды по истории науки в России», «Философские мысли натуралиста», 3-й раздел которых занимает «Заметки разных лет по философским и социальным вопросам».

Особое место в сохранении творческого наследия В.И. Вернадского занимает деятельность Владислава Павловича Волкова, который явился публикатором и автором научных комментариев к дневникам В.И. Вернадского (1921 – 1941), выходивших с 1998 г. под его редакцией.

Перед исследователями открывался целый спектр возможностей в области творчества

В.И. Вернадского. Вопросам методологии науки у В.И. Вернадского посвящены работы С.Р. Микулинского [30], Н.Н. Пронина [35], А.А. Дружининой [23], И.И. Мочалова [31], Г. Зарубина [26].

Философские взгляды В.И. Вернадского стали предметом рассмотрения Ф.И. Гиренка [22], В.И. Шинкарука [39], И.М. Забелина [25], И.И. Мочалова [31], В.И. Шубина [40], И.А. Козикова [27]. Вопросам цивилизации и культуры в произведениях Вернадского посвящены работы Т.Ф. Борисовой [3], Ю.А. Жданова [24]. В работах С.Г. Семеновой [37] и В.А. Родова [36] много внимания уделялось связи идей Вернадского с русским космизмом.

В 2013 г., в честь 150-летия В.И. Вернадского, вышла монография Э.М. Галимова [21]. К 160-летию В.И. Вернадского была приурочена «Евразийская научная конференция по фундаментальным и прикладным проблемам управления устойчивым развитием в системе "Природа — общество — человек"» [34], которая состоялась в Москве, в Государственном университете управления в 2023 г.

Предметом настоящего исследования является идея «вечности жизни» в мировоззрении В.И. Вернадского, которая связана с учением о «живом веществе». Цель исследования — показать, что идеи В.И. Вернадского имеют глубокие историко-философские и историко-научные корни, которые могут быть поняты в качестве интегрального следствия общего процесса культурной эволюции человечества, в рамках которой инициатива в придании исторически определенной и целостной характеристики миросозерцания может исходить из той или иной формы духовной культуры (религии, морали, искусства, философии, науки и др.). В задачи исследования входят: рассмотрение наиболее значимых идей и концепций (в первую очередь, с точки зрения самого В.И. Вернадского) в истории философии и науки, сыгравших важную роль в становлении учения о «вечности жизни»; анализ связи «логики естествознания» с учением о «живом веществе»; характеристика концепций «живого вещества», «вечности жизни», «ноосферы» как наиболее характерных выражений натуралистического миросозерцания В.И. Вернадского. Научная новизна данного исследования определяется авторским подходом к анализу избранного объекта, вовлечением в научный оборот новых источников. В исследовании применен комплексный культурологический подход, объединяющий сравнительный, феноменологический и психоаналитический методы исследования.

Идея «вечности жизни» в философском мировоззрении В.И. Вернадского

Проблема «вечности жизни» — одна из центральных идей творчества В.И. Вернадского. Среди научных работ, посвященных этому вопросу, можно выделить работы Г.П. Аксенова и Ф.Т. Яншиной. В книге Ф.Т. Яншиной «Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере» [41] прослеживается мысль о том, что В.И. Вернадский к концу своей жизни отказался от идеи «вечности жизни». Идеи Г.П. Аксенова совершенно противоположны этим взглядам. Вернадский, в его представлении, — мистический человек. Мысль о «вечности жизни» утверждается во многих работах Г.П. Аксенова [11], но она предстает перед нами как проблема. По его мнению, такие идеи должны обсуждаться в философии, только она способна взглянуть прямо в глаза Вернадскому. При этом напрасно думать, будто она способна решить хотя бы одну научную проблему, зато она может создать умственную атмосферу вокруг научной проблемы. Такой интеллектуальной среды вокруг учения Вернадского еще не

создано, несмотря на обилие литературы о нем [\[2\]](#).

Сам В.И. Вернадский задавался вопросом: существовал ли когда-нибудь безжизненный Космос? Космос не может существовать без материи и энергии, но достаточно ли этого в отсутствии жизни? Загадку жизни человек, согласно В.И. Вернадскому, пытался разрешить всеми путями: путем религиозного подъема, путем художественного творчества, с помощью философского мышления, и, наконец, научным путем, но, ни один из этих путей не ведет к разгадке тайны [\[15, с. 80\]](#),[\[33, с. 1\]](#). Проблема зарождения жизни принадлежит к тому же ряду, что и задача о квадратуре круга, о вечном движении, о философском камне [\[12, с. 298\]](#). Она вряд ли разрешима, но наука не оставляет надежду на возможность ее решения, она находится в стадии искания путей этой вечной загадки.

Вопрос о вечности жизни стал для Вернадского глубоко принципиальным, подлинно мировоззренческим вопросом, что связано и с его религиозными переживаниями, и с опытом клинической смерти. Вопрос о вечности жизни, для Вернадского, неотделим от вопроса о загадке смерти. Со смертью он впервые соприкоснулся в 1874 г., когда умер его сводный брат. В дневнике В.И. Вернадского 1884 г. обнаруживаются записи близкие к воззрениям стоиков и эпикурейцев: «Конечным явлением в жизни каждого лица, и меня в том числе, будет смерть. После нее я перестану существовать и не будет ничего; не знаю, страшно ли подобное ощущение, оно больше странно, и смерть кажется страшной только тогда, когда приоравливаешься и прекращение жизни к ныне существующей живой личности... Мне страшны мучения, которым я могу подвергнуться при разрушении, но только потому, что я их могу чувствовать и могу понимать; разрушение-смерть — страшной быть не может быть для меня, так как тогда ни чувствовать, ни понимать я не буду в состоянии. Не признавая ни души, ни загробной жизни, я не вижу, чтобы тут происходило какое-нибудь лишение. Согласен, что может быть есть подобные услады, доставляемые верой, и человек, искренне верующий и имеющий надежду на загробную жизнь, имеет некоторые удовольствия, каких я иметь не могу» [\[15, с. 477-478\]](#).

Мысль человека о бессмертии рождается из сознания бренности жизни, она пришла к В.И. Вернадскому в Германии, когда он побывал в музеях. Вернадский отмечал, что их главная идея — это как раз и есть идея бессмертия, это есть желание человека найти удовлетворение и объяснение жизни и смерти, это песня об идеале, о чем-то лучшем и высшем, о чем-то, что окружает человека, но, несомненно, самое телесное, самое мучительное, самое трагическое в нашей жизни — это невозможность нашего ума и чувства примириться с личным уничтожением, с отсутствием личного бессмертия. Создания искусства, религиозные обычаи, все памятники, с которыми встречается человек, — все это делалось различными людьми в разные времена с одной и той же целью. И эта цель — бессмертие. Всем этим движет не только страх смерти, сколько красивая мечта увековечения жизни. Человек во всем, в каждом явлении, в каждом решении находит хорошую сторону, это есть одна из сторон здорового организма [\[5, с. 49\]](#). Человеку свойственно исканье «высшего», но в чем может быть обретено это «высшее»? Его недостаточно заключает в себе и христианский, и, вообще, религиозный идеал в его высшем проявлении. Силы последнего в глубоких переживаниях, и это переживание должно быть связано, так или иначе, с человеческим (более узкой стороной религии) или «космическим соборным чувством» [\[5, с. 57\]](#). Признание бессмертия души возможно при атеизме. Оно нужнее для человека, чем признание существования Бога [\[13, с. 208\]](#). Христианство, по мнению Вернадского, — принцип очень сильный и губительный, так как оно рушит сознание, ставя ему рамки и убеждая

верующих в его законченности.

Основным определяющим моментом для человека является осознание своей личности. Это следствие, вытекающее из основного декартовского положения «cogito ergo sum». Наука не противоречит религии, так же мало она опровергает божественность Христа, существование христианского Бога, Аполлона или Венеры. Странно то, что она не может служить основой для их существования в области подведомственной ее изучению мира.

Глубокий перелом во взглядах В.И. Вернадского наступил в 1919 г. после перенесенной болезни. Долгое время он находился в состоянии между жизнью и смертью. Сохранились записи, сделанные его женой, Н.Е. Вернадской, под «диктовку». Проследить изменения во взглядах мы можем по дневниковым записям ученого 1920-х гг., где окончательно утверждается идея бессмертия. В 1923 г. Вернадский писал, что для него весь прежний культ служения науке и творческому искуанию, ясное мистическое чувство мира усиливает чувство живого. Осталось прежнее уважение к человеческой личности, он признавал бессмертие личного духа, но без единого бога [7].

В 1890-е гг. Вернадский говорил о реальности мира как о бесконечной реальности, как о *terra incognita*. Соприкоснувшись с другой реальностью, он делает основным понятие «вечного». Что же такое «вечное»? В созерцании этого «вечного» он не приемлет опыта других. Массонскую мистику он называл теософией, мистику Андрея Белого он называл искусственной и детской. Духовные искания Вернадского имели более глубокую основу. Его интересовали отношения интуиции и разума, мысли и высказывания. Именно в этот период он занимается индийской философией. В качестве живого, нового и интересного в этой области он выделяет книгу Массона Урселя «*Revue philosophique*», хотя видит в ней много слабых сторон [8]. Сильное впечатление на него произвел «Жан Баруа» Мартина дю Гара. В нем он видел размышления о вечном вопросе о смысле жизни и смерти. Важно чувство, что жизнь — это миг, именно этот миг позволяет соприкоснуться с бесконечностью. Чувствуется непрерывная связь с вечностью, из-за которой не придаешь никакого значения ни счастью, ни смерти. Загадка смерти неразрешима, ибо человеческие образы не дают о ней никакого представления. В.И. Вернадский писал, что страха смерти у него нет, и никогда не было. Чувство мгновенности жизни есть для него чувство вечности и чувство ничтожности понимания окружающего и себя самого [8]. Смерть приходит всегда и окружающее полно ею. Это неизбежно, как сама жизнь и также бесконечно. Вернадский считал себя, несмотря ни на что, глубоко религиозным человеком [8]. Он глубоко чувствовал и понимал значение и силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии заключена не в утешении относительно тягот жизни, она есть проявление человеческой личности. Ее не в силах заменить ни искусство, ни наука, ни философия, а между тем, нет ни слов, ни образов, которые отвечали бы религиозному чувству. Бог — понятие и образ слишком полный несовершенства человеческого. По его мнению, характерно и правильно представление о Боге как Ничто [9]. Сознание захватывает только небольшую частицу сущего, а что получается иным путем, не сознательным, не логическим, в конце концов и составляет личность, считал Вернадский. Это явление совсем другого порядка: его нельзя одеть в логические пеленки логического выражения, к нему не подходит выраженная в словах или образах оценка своего положения среди окружающего [5, с. 63]. Технологическое рационализирование представляется Вернадскому бледным искажением понятия о Боге, но еще больше представляются такими атеистические «научные» представления. С материалистическим объяснением мира мы возвращаемся к фетишизму. Всякая религия и всякое теологическое построение могут сосуществовать с научным мировоззрением.

«Научно определенное» всегда знает пределы знания, а это забывается в ходячих представлениях о мироздании, судьбе человеческой личности в нем. Человеческая личность и порождение есть часть живого вещества. По Вернадскому, справедливо чувство индийских исканий, связывающее все живое и чувствующее в единое целое. Эта беспредельность и бесконечность, которую мы чувствуем вокруг в природе, находится в нас самих, в каждом нашем дне и часе. [\[11\]](#). В глубине души чувство мига жизни и ее непрерывной связи с вечным и большим не позволяют придавать большого значения ни счастью, ни смерти. Что таит в себе миг? Анна Короленко, племянница Вернадского, любила повторять, что Вернадские — демонические натуры. Вернадский писал по этому поводу: «Мне кажется, есть верное в этом впечатлении. Это было у моих сестер, у меня, у Нюты (А. Короленко) — в разных формах. И, несомненно, из семейных преданий, ярко проявлялось у моего прадеда, священника Ивана Вернацкого» [\[10\]](#). Этот вопрос занимал В.И. Вернадского и раньше. В дневниковых записях 1890^х гг. встречаются размышления, навеянные книгой Дриша «Психофизические типы». Ему казалось странным, что люди, занимающиеся с сумасшедшими, с эпилептиками, идиотами, должны, казалось бы, меньше верить в дух, как в нечто отдельное, а обнаруживается как раз обратное. Если принимать все, что говорят психиатры, то всюду являются больные той или иной болезнью. Если есть болезнь, расстройство, то оно есть, может быть, необходимое условие умственного процесса, что будет логическим следствием из исследований, и тогда, что значит «лечить»? Ведь в умственном процессе, в процессе брожения идеи и заключается вся красота [\[5, с. 208\]](#). В исторически облекаемых образах — это «сверхъестественный» мир, то есть признание существования в космосе, научно познаваемом, других существ, обладающих, подобно человеку, проявлением духовного начала. И для человека его только гипотетически можно ввести в рамки научно познаваемого космоса. Только вне научной гипотезы, в связи с несвязанным с научным знанием мировоззрением, можно представить себе, что вся эта область есть порождение нашего воображения, проявление в той или иной форме нервной системы. Вне человека и вне его нервной системы нет ничего реального, этому отвечающего. В.И. Вернадскому казалось одинаково фантастичным и это ложное научное построение, и исторически созданные спиритуалистические образы: «Для меня неясно, не является ли подавленная мной в молодости эта способность — реальная для меня — общаться с чем-то вне обычного находящемся, “потусторонним” миром настоящей способностью, свойством моей натуры, таким же как разум и органы чувств, и не лишил ли я себя огромной области проникновения в окружающее? Мир, мною потерянный, так же реален, может быть, как рационализированный мир музыкальных настроений (который я — совсем не музыкант — иногда ощущаю необычайно ярко) и космос, построенный не индивидуальным, а общечеловеческим научным исканием.... Но всегда все это, выраженное в образах, полученных нашими обычными ощущениями, будет являться искаженным отражением пережитого» [\[10\]](#).

Мысль о живом веществе и была для Вернадского той навязчивой идеей, он чувствовал это как голос свыше, стал ясно сознавать, что ему суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое он создавал, что это есть его призвание, его обязанность, которую он должен проводить в жизнь, как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности. Он чувствовал в себе «демона Сократа» [\[20, с. 112\]](#).

Проверяя шаг за шагом достигнутое, Вернадский считал, что подошел к большому обобщению: он считал, что впервые вводит численные механические приемы в новую, до сих пор не охваченную никем область природы. О живом веществе он писал, что это

самое крупное достижение в его жизни [\[10\]](#).

Понятие живого вещества тесно связано с биосферой. Понятие «биосфера» было введено Эдвардом Зюссом в 1875 г., им была названа область жизни на Земле, но биосфера Вернадского не есть «лик Земли» Э. Зюсса во внеземном космическом пространстве, она глубоко отличается от биосферы, как она изучена в биогеохимии. По Вернадскому, биосфера есть область земной коры, занятая жизнью, только в ней в тонком наружном слое нашей планеты, сосредоточена жизнь: в ней находятся все организмы, всегда резкой гранью отделенные от окружающей их косной материи. Никогда живой организм в ней не зарождается, он, умирая, живя и разрушаясь, отдает ей свои атомы и непрерывно берет их из нее, но охваченное жизнью живое вещество имеет свое начало в живом виде [\[4, с. 22\]](#). Биосфера является той единственной земной оболочкой, в которую проникает космическая энергия, поддерживающая динамическое равновесие и организованность: биосфера = живое вещество. Между косными природными телами и живыми веществами идет непрерывный материальный и энергетический обмен, материально выражавшийся в движении атомов, вызванном живым веществом. Этот биогенный ток в значительной мере ее создает. Биосфера на всем протяжении геологического времени связана с живым, заселяющим ее веществом (1с. геологического времени много меньше декамириады, т.е. тысяча лет в историческом времени будет больше 300 миллионов лет геологического времени). Отличие живого вещества от косного видится на фоне геологического времени. Для живого вещества характерны: 1) рост мощности выявления вещества в биосфере; 2) эволюция видов в ходе геологического времени. Биосфера составляет верхнюю оболочку, или геосферу, одной из больших концентрических областей нашей планеты — земной коры. Следует думать, что в замкнутых областях Земли мы имеем механические системы тем более совершенного равновесия, чем меньше к ним приток сторонней энергии [\[4, с. 58\]](#). Таких областей, по крайней мере, три: 1) ядро планеты; 2) промежуточный слой, называемый иногда «сима» (по Зюссу); 3) земная кора. Энергия земной коры по отношению к изучаемым нами явлениям может быть только потенциальной. На уровне изостатической поверхности лежит та область планеты, которая была названа земной корой в связи с давними в геологии гипотезами, указывающими, что на геологически изучаемой земной поверхности мы сталкиваемся со следами и остатками коры застывшей когда-то жидкой планеты. Однако, мало-помалу выяснилось, что нигде в доступных нам слоях мы не встречаем следов такой первичной коры застывания, нигде не оказывается гипотетическое огненно-жидкое прошлое нашей планеты.

В 1933 г. В.И. Вернадский писал Б.Л. Личкову, что пора отбросить из наших представлений космогонические гипотезы о Земле, он думал, что Кант-Лапласовская гипотеза, расплавленная земля и т.п. являются фантазиями и мешают сейчас научной работе. Наша планета есть холодное тело [\[16, с. 91\]](#). Биосфера — одна из ряда концентрических сфер нашей планеты. В «Биосфере» В.И. Вернадский выводит два биогеохимических принципа. Первый биогеохимический принцип гласит: «Необходимая на нашей планете эволюция живых форм в течение геологического времени увеличивает в течение этого времени миграции химических элементов в биосфере» [\[4, с. 126\]](#). Второй биогеохимический принцип: «Эволюция видов, приводящая к созданию форм жизни, устойчивых в биосфере, должны идти в направлении, увеличивающем проявление биогенной миграции атомов в биосфере». Биологическая миграция атомов может быть четырех видов: 1) генетически связанная с живым веществом; 2) связанная с интенсивностью биогенного тока атомов; 3) миграция, «проводимая техникой их жизни»; 4) вызваннаяброшенными организмами в биосферу новых соединений.

В «Химическом строении биосферы и ее окружения» [19] В.И. Вернадский выделяет 7 разнородных частей вещества биосферы: 1) живое вещество; 2) биогенное вещество, источник потенциальной энергии (каменный уголь, битумы, известняки, нефть); 3) косное вещество — источник свободной энергии; 4) биокосное вещество (океаническая вода, почва); 5) вещество, находящееся в радиоактивном распаде, меняющее всю энергию; 6) рассеянные изотопы; 7) вещество космического происхождения (атомы, молекулы, входящие в ионосферу из электромагнитного поля Солнца, космическая пыль). От уровня геоцида биосфера пролегает вверх до границ стратосферы. Она едва может дойти до ионосферы — земного электромагнитного вакуума, только что охватываемого научным сознанием. Ниже уровня геоцида живое вещество проникает в стратосферу и в верхние слои метафорической и гранитной оболочки. В разрезе планеты оно поднимается на 20–25 км выше уровня геоцида и опускается на 4–5 км, в среднем, ниже этого уровня. Границы эти в ходе времени меняются местами и, местами, далеко за них заходят. По-видимому, в морских глубинах живое вещество должно проникать глубже 11 км.

Мы как раз переживаем проникновение человека в стратосферу. Это проникновение всегда неотделимо от других организмов — насекомых, растений, микробов, и этим путем живое вещество зашло уже далеко за 40 км от уровня геоцида и быстро поднимается.

Важно прояснить значение терминов «жизнь» и «живое вещество». У Вернадского они тождественны. В религиозном, философском и даже обыденном языке понятие жизнь и живое вещество не совпадают, иногда резко. По мнению В.И. Вернадского, с этим не стоит считаться, и в геологии следует говорить только о живом веществе [4, с. 237]. В изложении учения о живом веществе перед Вернадским вновь стояла проблема соотношения мысли и ее высказывания. Натуралист способен мыслить широко. Если он говорит о космической жизни, он может понимать ее только в том смысле, который здесь указан, то есть он делает допущение о существовании живого вещества вне пределов Земли, на других планетах.

Самое мощное космическое явление, которое доходит до нас, — это проникновение лучей. Если выражать его в числовом значении, то космические излучения занимают одну октаву световых лучей, три октавы тепловых и пол-октавы ультрафиолетовых. Итого — 4,5 октавы. Лучистая световая энергия является основой жизни на Земле, он нее зависит процесс фотосинтеза.

Пределы биосферы обусловлены, прежде всего, полем существования жизни. Поле устойчивости жизни есть результат приспособления в ходе времени. Живое вещество 1-го порядка — автотрофное, не зависящее ни от чего в процессе питания. Живое вещество 2-го порядка — гетеротрофное, миксотрофное. Гетеротрофное зависит от существования других организмов; оно может их изменять, но не может создавать. Миксотрофное приготовляет отчасти вещества из косной материи, а часть получает их, эксплуатируя другие (пример, паразиты).

Устойчивость жизни зависит от нескольких факторов окружающей среды: температуры, давления, фазы среды, химизма среды, лучистой энергии. Верхний предел жизни обуславливается лучистой энергией, присутствие которой включает жизнь. Нижний предел связан с достижением высокой температуры, ставящей предел жизни, не с меньшей необходимостью. Озоновый слой отделяет только верхнюю границу возможной жизни. В планетном масштабе жизнь на суше оканчивается на уровне океана, в гидросфере она охватывает слой на 3,8 км ниже [4, с. 93]. Нижняя граница здесь —

донная пленка, которая состоит из трех слоев: 1) верхняя часть — пелоген; 2) средняя часть — metazoa; 3) нижняя часть — бентос (глубже 7 км). В области суши аэробная жизнь прекращается на сuhe 1–5 км, анаэробная простирается на несколько десятков метров. На уровне обитания роющих животных преобладает окислительная среда. Прибрежные места — среда восстановительная.

В.И. Вернадский считал, что только в отвлеченной фантазии ученых наша планета являлась в виде сфероида, покрытого океаном в форме «Панталассы» Э. Зюсса или в форме сухой, уравновешенной пенеплены, как ее рисовали И. Кант и П. Лоуэлль [4, с. 114]. Отличие живого вещества от косного можно проследить на фоне геологического времени. Различие между геологическим временем состоит в том, что в геологическом времени нет возврата назад, никогда какая-нибудь точка (например, атом или химический элемент) не возвращается в эзоны веков тождественно к прежним поколениям [14, с. 161]. При этом Вернадский ссылается на пример из «Теодицеи» Лейбница [19], что нет двух одинаковых листьев на дереве. Животный организм проявляется в биосфере, как чуждое ей маленькое целое, как собственный отдельный мирок, монада, закономерно связанная с внешней средой [14, с. 168]. Биокосное тело есть более сложная система тел и живых организмов — монад и косных естественных тел, — находящихся во взаимодействии, но друг с другом не смешивающихся. Подавляющее большинство природных вод, почвы, ил и т.д. являются бесчисленные примеры биокосных тел. Существует целый ряд организмов, не являющихся живыми, но и не являющимися косными (организмы, имеющие газовые полости и т.п.).

Для живых тел характерно явление диссимметрии, «левизна-правизна», по Пастеру, но это название неудачно. У П. Кюри встречается термин «состояние пространства». Принцип Кюри: пространство жизни обладает геометрией, которая не является обычной евклидовской. По Вернадскому, это пространство Римана. Возможно, считал Вернадский, прав Пастер, указывающий, что для основных тел, необходимых для жизни — белков и продуктов их распада — всегда характерно господство левых изомеров.

В XVII в. Франческо Реди выдвинул принцип биогенза как единственной формы зарождения живого: «Все живое от живого». Принцип Реди представляется Вернадскому логическим следствием из принципа Пастера-Кюри: в биосфере происходит расселение видов благодаря размножению. Расселение вызывает миграцию атомов и сопровождается огромным выделением свободной биогеохимической энергии. Так мы наблюдаем процесс энтропии. Кроме концепции биогенеза известны несколько гипотез: abiogenез — зарождение вне живого; археогенез — изначальное зарождение; гетерогенез — разнородное зарождение.

Еще Аристотель допускал возможность зарождения живого вещества из мертвого путем самопроизвольного зарождения только для отдельных групп организмов. Плотин величайшую тайну природу видел в биогенезе. Вслед за Реди Л. Окен отстаивал положение «omne vivum ex vivo» [32]. До XVII в. известно деление тел на живые и неживые. В XVII в. известны царство минералов, царство растений, царство животных, заимствованные из герметической философии у алхимиков. Вильям Гарвей (1578–1657), основоположник эмбриологии, считал, что все живое происходит из яйца. В действительности, считал Вернадский, биогенез в земной жизни идет все же «от вечности», как на то указывал Рихтер — «все живое от вечности происходит из клетки».

Идея о начале мира связана с началом мира, то есть, идеи о начале и конце мира мы видим не только в еврейско-христианской мысли, не только в культуре народов Западной

и Восточной Европы. Необходимость начала жизни, во-первых, является логической предпосылкой эволюционного процесса. Во-вторых, необходимость археогенеза представляется неизбежным следствием отрицания для живых организмов особых, им только свойственных сил. Представление о вечности более отвечает научным фантазиям, чем представление об abiogenезе, которое им противоречит и основано на вере. Мы можем рассматривать биосферу лишь как геологическую оболочку, но геологические эры не охватывают всей истории Земли. Геологическим периодам предшествовали космические периоды существования Земли. Мы не можем ничего знать о них. Дедукция и гипотеза являются для них основными формами искания истины. Конкретное наблюдение отступает на второй план. Становится ясным, что жизнь есть явление космическое, а не специально земное [\[14, с. 104\]](#).

Из учения о биосфере Вернадский делает ряд обобщений:

- 1) Никогда в течение всех геологических периодов не было никаких следов abiogenеза, то есть непосредственного создания живого организма из мертвый, косной материи.
- 2) Никогда в течение всего геологического времени не наблюдались азойные, то есть лишенные жизни геологические эпохи.
- 3) Современное живое вещество генетически связано с живым веществом всех прошлых эпох.
- 4) Все время в земной коре наблюдается средний химический состав живого вещества.
- 5) Из неизменности процессов выветривания вытекает и неизменность количества атомов, захваченных жизнью, то есть не было больших изменений в количестве живого вещества. (Процесс выветривания в большей части случаев подчинен литогенезису, которого не видят и не умеют различать [\[17, с. 81\]](#)).
- 6) Энергия, выделяемая организмами, есть в главной части, лучистая энергия Солнца.
- 7) Между симметрией косных естественных тел и явлений, т.е. косного вещества нашей биосфера и симметрией живого вещества существует различие, без всяких переходов и без исключений.
- 8) Для живого вещества понятие пространства не может охватить явления, в нем происходящие, в той степени, в какой оно охватывает их, например, в кристаллах.
- 9) В основе явлений симметрии в живом веществе все время выступает в такой форме и значении, в каких это не имеет места в косных тела и явлениях.
- 10) В конце XVIII в. В Эдинбурге один из основоположников современной геологии шотландец Геттон (1726–1797) выразил это эмпирическое обобщение в афоризме: «В геологии мы не видим ни начала, ни конца». Это обобщение Вернадский называет «принципом Геттона». Идеи Геттона вошли в науку после его смерти, в начале XIX в., после того, как его друг и ученик Плейфер изложил это ясно и ярко.
- 11) Геттону принадлежит и другое обобщение, положенное в основу современной геологии Ч. Лайеллем (1797–1875) и немецким географом Гофом, другом Гете, — принципом актуализма, который предполагает, что мы, изучая обыденные геологические процессы, можем совершенно точно судить о прошлых геологических явлениях, в течение геологического времени.
- 12) Человек и научно мыслящий наблюдатель на нашей планете появился в конце

плиоцене, несколько миллионов лет назад, и пережил более или менее сознательно огромные геологические изменения на нашей планете, как например, оледенение континентов (когда зародилась его культура) и образование огромных горных цепей. Это можно выразить так: человек пережил в своем историческом бытии изменение планеты, даже выходящее за пределы биосферы. В сознании его поколений переживается не историческое, а геологическое время [\[18, с. 286\]](#).

В качестве важного принципа выделяется и принцип Д. Дана («энцефалоз» или цефализация). Этот принцип означает, что эволюционный процесс имеет определенное направление, этот процесс никогда не идет вспять. По мнению В.И. Вернадского, эволюционный процесс получает при этом геологическое значение благодаря тому, что создал новую геологическую силу — научную мысль социального человечества [\[18, с. 286\]](#). Научная мысль, научная работа предполагает создание новой логики — логики естествознания, которая, как планетное проявление, неразрывно связана с биосферой [\[14, с. 20\]](#).

В.И. Вернадский писал Б.Л. Личкову в 1940-е гг., что еще в 1932 г. он сознавал отличие логики естествознания от современной логики, развившейся из Аристотеля. Он думал, что понял, что логика вещей (естествознания) и логика понятий (Аристотель и др.) различны тогда, когда в 1936 г. в Лондоне прочел некоторые работы Пирса, который указал, что именно это отличает логику Демокрита от логики Аристотеля, но, как оказалось, эту разницу он знал еще в 1932 г. [\[17, с. 95\]](#). Вернадский считал, что в данный исторический момент научная работа вскрыла столько новых явлений, которые получили «названия», то есть стали понятными, что до тех пор, пока философия их не переработала, с ней наука не может считаться. «Материя», «энергия», «состояние пространства» недостаточны для научных построений. Вернадский считал возможным восстановление понятия «эфир». Эйнштейновы представления уже его не удовлетворяли, с ними, отмечал он, не стоит считаться. В науку, по-видимому, начинают все более входить вопросы души. Так и должно быть, потому что понятия материи, энергии потеряли прежние формы. Энтелехия, кванты, проблемы относительности и тому подобное заполняет сейчас содержание мысли. Невольно человек подходит к формам, исторически сложившимся в человечестве путем философского, художественного, религиозного творчества [\[16\]](#).

В настоящее время вопрос о «вечности жизни» предстает перед нами как научная проблема. По мнению Ф.Т. Яншиной, взгляды В.И. Вернадского в середине 1930-х гг. подверглись значительным изменениям. До этого времени он высоко оценивал принцип Реди «все живое — от живого», отрицал abiogenез и принимал гипотезу Сванте Аррениуса о заносе спор на Землю с Венеры под давлением солнечного ветра. В последние годы, считает Ф.Т. Яншина, он не упоминал принципа Реди, отказался от мысли о вечности живого вещества и признавал возможность его появления на Земле путем abiogenеза, что он допускал, что в скрытых формах abiogenез может происходить и в современную эпоху [\[41, с. 215\]](#). Тем не менее, Ф.Т. Яншина приводит выдержки из трудов В.И. Вернадского, которые никак не подтверждают ее предположение. Так, например, выдержку из «Очерков геохимии» В.И. Вернадского 1934 г., С. 209–210: «В действительности принцип Реди не отрицает abiogenеза, он только указывает пределы, в которых abiogenез отсутствует. Возможны такие условия в земной истории, когда не было биосферы и существовали в земной коре физико-химические явления или состояния, которые сейчас отсутствуют и которые были необходимы для abiogenеза» [\[41,](#)

[с. 94\]](#). Для В.И. Вернадского понятие «жизнь» равно «живое вещество», и эти рассуждения никак не противоречат ранее им сказанному или написанному.

Г.П. Аксенов отстаивал приверженность В.И. Вернадского идеи «вечности жизни» вплоть до самой его смерти. Он писал: «Смотря на смерть глазами натуралиста, Владимир Иванович как и прежде относится к ней спокойно и ровно, без всякого страха, работая так, как будто конца жизни и вовсе не существует» [\[1, с. 368\]](#). Единственное, с чем В.И. Вернадский не мог примириться, говоря о смерти, так это то, что она прерывает то, что ему дороже всего — с непрестанной деятельность мысли [\[1, с. 368\]](#). В.И. Вернадский писал в своем дневнике: «Готовлюсь к уходу из жизни. Никакого страха. Распадение на атомы и молекулы. Если что может оставаться, то переход в другое живое, какие-нибудь не единичные формы — «не переселение душ», но распад на атомы и даже изотопы...» [Цит. по: 1, с. 368]. В.И. Вернадский остается верен себе, высказывая мысли, близкие стоикам, эпикурейцам, Демокриту. «Вечность жизни» В.И. Вернадского по-прежнему остается научной проблемой. Издание и переиздание трудов ученого, его эпистолярного наследия позволит ученым по-новому ее переосмысливать.

Логика естествознания

В 1940 г. Вернадский писал Б.Л. Личкову, что был очень удивлен, когда в одной из работ Пирса увидел указание на Демокрита [\[17, с. 95\]](#). Обращение к Демокриту не случайно, ибо логика естествознания должна вернуться от Аристотеля к Демокриту, считал Вернадский. Об учении и изречениях Демокрита мы имеем ряд противоречащий друг другу сведений. Наиболее достоверными из них представляются свидетельства Аристотеля. Учению Вернадского о живом веществе кажется близким учение Демокрита. По свидетельству Аристотеля, в учении Демокрита душа и теплота есть одно и то же, они имеют первичные формы сферических телец. В воздухе есть большое число таких атомов, которые он называет умом и душой [\[29, с. 138\]](#). Кроме того, Аристотель указывает, что Демокрит утверждает, что тело приводится в движение душою [\[29, с. 138\]](#), что близко учению об энтелехии. Живое, по Демокриту, оказывается первичным, что нисколько не противоречит принципу Реди: все живое из живого.

Казалось бы, противоречий нет, все соответствует учению Вернадского, но сам он остается скептиком до конца. Ни Аристотель, ни Демокрит, считал он, не могут казаться злободневными в данный момент. Тексты Демокрита до нас не дошли. Все, что мы знаем о Демокрите, мы знаем через Аристотеля, но и текст Аристотеля претерпел изменения. Поэтому Вернадский предлагал ссыльаться на новых мыслителей [\[17, с. 125\]](#). По его мнению, Аристотель «пропустил» логику описательного знания, и в этом, очевидно, преимущество над ним Демокрита, но об этом можно только догадываться. Исследователь в своей работе, прежде всего, доверяет фактам, которые должны быть налицо, но большое значение уделяется и интуиции. Интуиция — это углубленное, словесно выраженное переживание, она дает связанное с научно проверяемым представлением о реальности несравненно больше, чем делает это религиозная вера или разумное (хотя бы с мистическим подтекстом) представление о мире.

Область жизни, по В.И. Вернадскому, связана с геологической оболочкой — биосферой. Таким образом, жизнь — явление геологическое, но, вслед за этим, Вернадский определяет жизнь как космическое явление. В этом случае встает вопрос о вечности жизни, который явился основным вопросом Вернадского. В геологическом масштабе жизнь вечна. В космическом масштабе мы не можем ее рассмотреть надлежащим образом, поэтому исследователи строят гипотезы и теории. Вернадский пытается решить

этую проблему на уровне ноосферы. Ноосфера есть последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории — состояние наших дней. «Ноосфера» происходит от греческого слова «*νοῦς*», что значит «ум», использованное еще Анаксагором. Термин «ноосфера» ввел в научный оборот Ле Руа в 1927 г. в своей работе «Потребность в идеализме и факт эволюции» [42]. Но не Ле Руа определил мысль Вернадского, а идеи Вернадского повлияли на него. В 1923–1924 гг. Вернадский читал лекции в Сорбонне. Идея ноосферы занимала и Т. Де Шардена, но в его определении ноосфера есть конец развития, его завершенность [38]. Вернадский не видит конца в развитии человека, мысли, сознания. Человек не есть «венец творения». Этот процесс никогда не идет вспять, но он имеет направленность в сторону усовершенствования. Вся надежда возлагается на будущее человечества, на которое В.И. Вернадский смотрел оптимистично.

Выводы

Таким образом, мы видим, что идея «вечности жизни» явилась основной идеей в мировоззрении В.И. Вернадского. Понятия «жизнь» и «живое вещество» для него тождественны, он остается верен принципу Реди «все живое происходит от живого». В.И. Вернадский близок философам Древней Греции, занятых поиском первоначала космоса. Он сформулировал учение о ноосфере — высшей стадии эволюции биосферы, связанной с человеческим разумом. В.И. Вернадский поставил важный вопрос о «логике естествознания» в связи с учением о «вечности жизни». Философы должны осмыслить достижения современной науки и перейти от логики Аристотеля («логики понятий») к логике Демокрита («логике естествознания»). Проблемы, поставленные В.И. Вернадским, актуальны и по сей день.

Библиография

1. Аксенов Г.П. Вернадский. М.: Соратник, 1994. 544 с.
2. Аксенов Г.П. О научном одиночестве Вернадского // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 74-87.
3. Борисова Т.Ф. Вопросы цивилизации в теориях ноосферы В.И. Вернадского // Цивилизация и исторический процесс. М.: Знание, 1983. С. 145-151.
4. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 258 с.
5. Вернадский В.И. Дневники 1917-1921 гг. Киев: "Наук. Думка", 1994. 271 с.
6. Вернадский В.И. Дневник 1922 года // АРАН. Ф. 512. Оп. 2. Д. 4. Л. 312.
7. Вернадский В.И. Дневник 1923 г. // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 12. Л. 4.
8. Вернадский В.И. Дневник 1923 г. // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 12. Л. 6.
9. Вернадский В.И. Дневник 1924 г. // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 12. Л. 7.
10. Вернадский В.И. Дневник 1924 г. // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 46. Л. 68.
11. Вернадский В.И. Дневник 1925 г. // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 13. Л. 1.
12. Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994. 669 с.
13. Вернадский В.И. Записи 1890-1894 гг. // Новый мир. 1988. № 3. С. 207-233.
14. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: "Наука", 1991. 272 с.
15. Вернадский В.И. Начало и Вечность жизни. М.: "Сов. Россия", 1989. 702 с.
16. Вернадский В.И. Переписка В.И. Вернадского и Б.Л. Личкова. М.: "Наука", 1979. 271 с.
17. Вернадский В.И. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. 1940-1944. М.: Наука, 1980. 224 с.
18. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 519 с.
19. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы и ее окружения. М.: Наука, 1965.

374 с.

20. Владимир Иванович Вернадский. Материалы к биографии. (Прометей. Т. 15). М.: Молодая гвардия, 1988. 352 с.
21. Галимов Э.М. Об академике В.И. Вернадском: к 150-летию со дня рождения. М.: Наука, 2013. 229 с.
22. Гиренок Ф.И. Теоретический смысл "единой науки" в концепции ноосферы В.И. Вернадского // Вестник МГУ. Серия 7, Философия. 1980. № 1. С. 51-56.
23. Дружинина А.А. Понятие "научного аппарата" в трудах Вернадского // Вопросы диалектического материализма. М.: Б.и., 1963. С. 73-76.
24. Жданов Ю.А. Концепция культуры в трудах Вернадского // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 19-24.
25. Забелин И.М. Развитие географической мысли и В.И. Вернадский (К 120-летию со дня рождения) // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 1. С. 120-126.
26. Зарубин Г. Методология научного познания в трудах В.И. Вернадского (концепция времени) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1994. № 4. С. 25-34.
27. Козиков И.А. Философские воззрения Вернадского. М.: Изд. Моск. унив-та, 1963. 78 с.
28. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
29. Материалисты Древней Греции. М.: Госполитиздат, 1955. 239 с.
30. Микулинский С.Р. Вернадский — историк науки // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. С. 19-42.
31. Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский. М.: Наука, 1982. 488 с.
32. Окен Л. О свете и теплоте как известных состояниях всемирного тяготения. Спб: Типогр. Иос. Иоаннесова, 1816. 60 с.
33. Попова Л.В. В.И. Вернадский и русская философия // Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. 2023. № 1(35). С. 1-4. URL: <http://www.yrazvitie.ru/wp-content/uploads/2023/07/01-Popova.pdf>
34. Природа - общество - человек: Материалы Евразийской научной конференции по фундаментальным и прикладным проблемам управления устойчивым развитием в системе (к 160-летию со дня рождения В.И. Вернадского), Москва, 24 мая 2023 года. М.: Государственный университет управления, 2023. 137 с.
35. Пронин Н.Н. В.И. Вернадский о понятии "научное мировоззрение" // Философско-методологические вопросы естественнонаучного и социального познания. М.: Изд. МГУ, 1980. С. 24-31.
36. Росов В.А. В.И. Вернадский и идеи космизма в русском естествознании // Объективное и субъективное в общественном развитии. Владивосток, Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. С. 40-45.
37. Семенова С.Г. Семья идей // Знамя. 1988. № 3. С. 185-201.
38. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.
39. Шинкарук В.И. К вопросу о философских взглядах В.И. Вернадского // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 128-133.
40. Шубин В.И. Кант и Вернадский // Кант и философия в России. М.: Наука, 1994. С. 212-226.
41. Яншина Ф.Т. Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М.: Наука, 1996. 220 с.
42. Le Roy E. L'exigence idéaliste et le fait de l'évolution. Paris : Boivin, 1927. 270 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность

Актуальность исследования определяется современным интересом к междисциплинарным подходам к изучению жизни и роли человеческого сознания в эволюции биосфера. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере приобретает особую значимость в контексте современных экологических проблем и поиска путей устойчивого развития человечества. Кроме того, философское осмысление идеи "вечности жизни" способствует развитию современной философии науки и методологии естествознания.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в авторском подходе к анализу избранного объекта и вовлечению в научный оборот новых источников. Автор представляет оригинальную интерпретацию взглядов В.И. Вернадского на проблему вечности жизни, прослеживая эволюцию его идей от ранних дневниковых записей до зрелых научных трудов. Особенно ценным представляется анализ соотношения научных, философских и религиозно-мистических аспектов мировоззрения ученого, а также установление связей между его концепцией "логики естествознания" и учением о живом веществе.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет четкую структуру, включающую введение, основную часть с несколькими подразделами и заключение. Введение содержит обзор исследований, посвященных В.И. Вернадскому, и формулирует цели и задачи работы. Основная часть последовательно раскрывает эволюцию взглядов Вернадского на проблему вечности жизни, анализирует его концепцию живого вещества, биосферы и ноосферы, а также рассматривает предложенную им "логику естествознания".

Стиль изложения научный, характеризуется логичностью и аргументированностью. Автор часто обращается к цитированию первоисточников, что повышает достоверность анализа. Особенno подробно рассмотрены дневниковые записи В.И. Вернадского, отражающие его личные размышления о жизни, смерти и бессмертии.

К недостаткам можно отнести некоторую перегруженность цитатами, что иногда затрудняет восприятие авторской позиции. Также в статье недостаточно четко разграничены научные, философские и личностно-мировоззренческие аспекты учения В.И. Вернадского, что создает впечатление некоторой эклектичности.

Библиография

Библиография статьи обширна (42 источника) и включает как труды самого В.И. Вернадского, так и исследования, посвященные различным аспектам его научного наследия. Автор использует архивные материалы (дневники Вернадского), что повышает ценность исследования. Библиография охватывает работы отечественных и зарубежных авторов разных лет, что свидетельствует о глубине проработки темы.

Вместе с тем, можно отметить отсутствие новейших исследований по данной тематике (после 2013 года представлены лишь два источника, датированные 2023 годом). Включение более современных работ по философии науки и естествознания могло бы обогатить контекст исследования.

Апелляция к оппонентам

В статье представлены различные точки зрения на эволюцию взглядов В.И. Вернадского относительно идеи "вечности жизни". Автор подробно рассматривает полемику между Г.П. Аксеновым и Ф.Т. Яншиной. Если Яншина утверждает, что Вернадский к концу жизни отказался от идеи "вечности жизни" и признал возможность абиогенеза, то Аксенов настаивает на том, что ученый сохранил верность этой идеи до конца своих дней.

Автор статьи критически оценивает аргументацию Яншиной, отмечая, что приводимые ею цитаты из работ Вернадского не подтверждают ее положения. Позиция автора ближе к точке зрения Аксенова, однако он признает, что проблема "вечности жизни" в наследии Вернадского остается открытой для дальнейших исследований.

Выводы, интерес читательской аудитории

Автор приходит к выводу, что идея "вечности жизни" являлась основной в мировоззрении В.И. Вернадского, который оставался верен принципу Реди "все живое происходит от живого". Показана связь философских представлений Вернадского с идеями античных мыслителей и поставлен акцент на его призыве к созданию новой "логики естествознания", которая должна перейти от "логики понятий" Аристотеля к "логике естествознания" Демокрита.

Статья представляет интерес для широкой читательской аудитории: историков науки, философов, естествоиспытателей, культурологов. Она способствует более глубокому пониманию интегрального характера научного творчества В.И. Вернадского, в котором сочетались естественнонаучные, философские и мировоззренческие элементы. Поставленные в статье проблемы актуализируют наследие выдающегося ученого в контексте современных поисков целостного понимания жизни и ее космической роли.

Вывод. На основе проведенного анализа статьи "Идея «вечности жизни» в философском мировоззрении В.И. Вернадского" рекомендую опубликовать данную работу.

Статья представляет собой целостное и глубокое исследование важного аспекта философского наследия В.И. Вернадского. Автор опирается на широкий круг источников, включая дневники и эпистолярное наследие ученого, проводит критический анализ различных точек зрения на эволюцию его взглядов о "вечности жизни" и предлагает обоснованную авторскую интерпретацию.

Несмотря на отмеченные недостатки (некоторая перегруженность цитатами, недостаточное использование новейших исследований), статья обладает несомненной научной ценностью и будет интересна широкому кругу специалистов в области истории науки, философии и естествознания.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Рахимова М.В. Философское размышление о «театральной» природе человека: в поисках направлений исследования «повседневной театральности» // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.73432 EDN: XPUJYR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73432

Философское размышление о «театральной» природе человека: в поисках направлений исследования «повседневной театральности»**Рахимова Майя Вильевна**

кандидат философских наук

доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин
Южно-Уральского государственного института искусств им. П.И. Чайковского

454091, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Плеханова, 41

✉ Mayesta@mail.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.3.73432

EDN:

XPUJYR

Дата направления статьи в редакцию:

20-02-2025

Аннотация: Данная работа посвящена анализу "театральной" природы человека, проявляющей себя в повседневной культуре общения. Работа сосредоточена на осмыслиении трех потенциальных направлений – антропологическом, биолого-психологическом, философском; задействованы понятия «повседневной театральности» и «театральной» природы человека как наиболее близкие концептуально. «Повседневная театральность» характеризуется как комплексный открытый самоорганизующийся феномен адаптации, приспособления человека к внешним и внутренним вызовам; как феномен, проявляющий «театральную» природу человека и реализующий ее экзистенциальный потенциал в социуме; как феномен с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью, реализующий себя в повседневной культуре общения. Антропологическое направление исследования позволяет отследить первые (ранние) примеры применения повседневного «театрального» взаимодействия людей, характер взаимодействия,

специфику, атрибутику, влияние феномена на культуру (религиозную и обыденную). Биолого-психологическое направление помогает заметить особую связь биологического, психического отражения и отражения «повседневной театральности» как регуляторов адаптивного поведения. Философское направление помогает формулировать вопросы и выстраивать проблемное поле «повседневной театральности» как философской проблемы. Исследование предполагает междисциплинарный подход к проблеме. Среди востребованных методов следует отметить аналитический, компаративистский, историко-культурный; методы обобщения и аналогии. Актуальность работы обуславливается философским осмыслением специфики «театральной» природы человека, проявляющей себя в контексте «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена. Многообразие подходов к исследованию театральности дает внушительное количество трактовок, тем не менее работ, посвященных «театральной» природе человека, проявляющейся в контексте «повседневной театральности», недостаточно. В данном исследовании, в связи с актуализацией повседневной театральности как философской проблемы, озвучиваются темы иллюзии, видимости, кажимости, грезы как ведущих элементов «театральной» природы человека. Подчеркивается значимость для «повседневной театральности» феномена «Другого», их особая связь, способствующая типу общения, при котором становится возможным коммуникативное «скольжение» по образам друг друга без погружения в «Другого»; а «театральная» природа в таком общении помогает человеку выстраивать образы «Другого», выглядеть «Другим», тем самым обеспечивая коммуникацию и самореализацию в обществе.

Ключевые слова:

повседневная театральность, театральная природа человека, театральный человек, адаптация, иллюзия, игра, философская антропология, эскейпизм, отражение, другой

Введение

Театральное (драматическое) поведение, свойственное время от времени человеку в повседневной культуре общения, наводит на мысль о наличии особого «инструмента», с помощью которого подобное поведение становится возможным. Человек использует театральные средства выразительности в обычной жизни, и при этом ему совершенно не обязательно быть профессиональным актером.

Складывается ощущение, что «повседневная театральность» вписана в контент общения каждого дня и практически не замечается человеком – ее носителем. В конечном итоге, опираясь на «повседневную театральность», человек формирует устойчивые представления о себе и о социуме, и эти представления не обязательно соответствуют действительности, но всякий раз удачно складывают «видимость» таковой.

Если учесть, что «повседневность» характеризуется «регулярной повторяемостью, происходит каждодневно, сфокусирована на удовлетворении жизненно необходимых телесных и духовных потребностей человека, ценностных смыслов в каждодневном бытии человека или сообщества людей» [13, с.5,12,13,473], то можно заметить, что «театральная» природа человека также проявляет себя в каждом дне общения, регулярна, сфокусирована на удовлетворении потребностей, а потому способна быть проявлением «повседневности» – «повседневной театральностью».

На данный момент «повседневная театральность» характеризуется как комплексный

открытый самоорганизующийся феномен адаптации человека к внешним и внутренним вызовам, проявляющий «театральную» природу человека и реализующий ее экзистенциальный потенциал в социуме; как феномен с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью, реализующий себя в повседневной культуре общения.

«Повседневная театральность» тесно связана с игрой как экзистенциальным феноменом, возникает из игры, чаще игры востребует прагматический потенциал в повседневности. При всей видимой связи «повседневной театральности» с феноменом театра, спектаклярности в политике, социуме, важно отметить, что исследование на данный момент сосредоточено не на характеристике артефактов культуры, искусства (театра), а на попытке осмыслиения человека как философской проблемы.

Другое дело, что подобрать точное понятие, - раскрывающее уникальную способность человека выглядеть всякий раз «другим», соответствующим (при помощи социальных ролей и масок), как внешним предлагаемым обстоятельствам социума, так и внутренним предлагаемым обстоятельствам представлений, грез, иллюзий о самом себе, - крайне сложно. Такие понятия, как «персона», «игра», «представление», «артистизм» и другие, - отражают черты, свойственные исследуемому феномену, но не сам феномен. Поэтому на данном этапе работы задействованы понятия «повседневной театральности» и «театральной» природы человека как наиболее глубокие, содержательные и близкие по смыслу.

Можно выделить такие свойства «театральной» природы человека, как подвижное внутреннее коммуникативное пространство (внутренние диалоги, фантазия), высокий адаптационный потенциал, социокультурную мимикрию, суггестивный потенциал, эгоцентризм, прагматизм, манипуляционный потенциал, ролевое представление, драматическое поведение, экзистенциальный эскейпизм, представление себя «другим». Проблемное поле «повседневной театральности» затрагивает такие аспекты философии, как «греза», «иллюзия», «маска», «манипуляция», «каждомость», «другой».

Краткий **теоретический обзор** значений термина «театральность» свидетельствует о его востребованности и популярности в гуманитарных исследованиях. Театральность осмысливается в профессиональной плоскости театроведения, искусствознания, филологии, политики, социологии, культурологии. Ряд современных определений театральности, а также ведущие направления понимания феномена, представлены автором в публикации «Отражение театральности как философско-антропологического феномена в научном дискурсе»; в обозначенной работе проанализированы современные российские диссертационные работы, посвященные проблеме театральности, в том числе работы Тазетдиновой Р.Р., Райкова В.Н., Давыдовой И.С. и др. [\[22, с.172-177\]](#).

Так, «театральность представляет собой явление, далеко выходящее за пределы театра как учреждения культуры, поскольку задаваемый ею механизм социального взаимодействия имеет онтологические основания, укорененные в человеческой природе» [\[21, с.3\]](#).

Театральность осмысливается авторами и как своеобразная универсалия, как имманентное, интегративное свойство культуры, раскрывающее важнейшие стороны её генезиса и функционирования» [\[9, с. 4\]](#).

Будучи «атрибутом культуры», театральность предстает как уникальная форма человеческой игровой бытийности и артистической способности человека присутствовать

в ней [\[25, с. 8,9\]](#).

Отметим, что знания о театральности в целом носят многослойный разрозненный характер, замкнуты на профессиональных областях; дискурс вращается вокруг описательных характеристик феномена. Многообразие профессиональных подходов к театральности дает внушительное количество трактовок, колоссальный объем литературы для анализа; тем не менее материала, посвященного «театральной» природе человека, проявляющейся в контексте «повседневной театральности», недостаточно.

Что касается **методологии работы**, то исследование предполагает междисциплинарный подход к проблеме. Востребованы такие методы, как аналитический, компаративистский, историко-культурный, дескриптивный; методы обобщения, аналогии, категоризации.

Предмет исследования работы – специфика «театральной» природы человека, проявляющей себя в контексте «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена.

Среди ключевых направлений следует отметить философское, антропологическое, биолого-психологическое, а также направления философии культуры, искусства, социологии. Данная работа сосредоточена на осмыслении трех направлений – антропологическом, биолого-психологическом и философском. Выбор обусловлен стремлением автора охарактеризовать истоки «театрального» поведения человека в повседневной культуре общения (в рамках антропологического и биолого-психологического направлений), а также обозначить потенциально важные с философской точки зрения вопросы и проблемы, связанные с исследованием «повседневной театральности» (в рамках философского направления). Работа отражает некоторые текущие результаты разработки проблематики «театральной» природы человека.

Антрапологическое направление исследования

Социальная и культурная антропология, как правило, интересуется спецификой восприятия людьми окружающего мира, влияния на культуру знаний, убеждений, обычаяев; анализом систем социальных отношений, связанных с бытовой жизнью, религией, экономикой. Ученые собирают и анализируют примеры форм бытового общения, сакрального взаимодействия (магической сопричастности) человека с духами, примеры «магических реалий» (ритуалы, обряды), техник врачевания, колдовства и многое другое.

Антрапологическое направление в работе может быть чрезвычайно полезно для анализа генезиса «повседневной театральности». Многочисленные примеры болезней и их излечения, обрядов инициации, посвящения в тайные братства, решения военных споров, социальных вызовов племени примечательно «театральны», демонстрируют артистические реакции людей и целые драматические «представления» в ритуалах (бытовых и сакральных).

Как представляется, на первых этапах исторического развития человек осваивал многочисленные навыки, и что крайне важно, - коммуникативные, социокультурные. Его окружало бесчисленное количество вызовов самого разного характера; правил, устойчивых моральных предписаний еще нет, язык и смыслополагание только складываются как инструменты мышления и взаимодействия.

Страхи заполняют душу. Порчи, сглазы мерещатся на каждом углу, - человек мнителен,

крайне восприимчив к внушению и самовнушению; его психика ощупывает собой пространство, и это сказывается на поведении, мышлении, общении, где полезным инструментом становится недосказанность, намек, умысел, сокрытие, утаивание, потому что это помогает выживать, а также воздействовать на собеседника.

Человека первобытной эпохи окружают магические реалии; они опасные и всемогущие, обладают изобразительной, пантомимической, подражательной, вербально суггестивной формами; осознаются как инобытие реальности, а не художественная деятельность. Словесные суггестивные высказывания (заговоры, заклинания, любовные «присушки» и др.) выступают как целенаправленная ритуально-магическая деятельность, которая стоит на уверенности в практической действенности слова. Особенность магических реалий, пронизывающих повседневность первобытного человека, заключается в том, что они стремятся воздействовать не на человека (не на его впечатление), а на саму действительность [5, с. 219, 220], которая синcretична. В данных обстоятельствах человек оказывается крайне уязвим в психологическом смысле, но также и эмоционально восприимчив, открыт, «подвижен», и потому способен воздействовать на сложную действительность парадоксальными средствами, в том числе творческими, артистическими.

В поисках проявления «театрального» поведения в повседневности обратимся к одному из примеров «магического» излечения болезни колдуном. Данный пример далеко не единственный, но достаточно показательный с точки зрения его артистической выразительности. Пример описывается в антропологическом исследовании Артемовой О.Ю., посвященном изучению личности и социальным нормам в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным).

Речь идет о возникшем недомогании, грозившем обернуться для героя (Мукалакки) смертью. Начало заболевания, равно как и счастливое выздоровление, носят выразительный драматический оттенок. Рассказик не использует выражений «болит голова» или «стало жарко», он описывает свое состояние в ярких красках и образах, словно видит, как именно болезнь проникает в его тело. Характер излечения также носит ярко-выраженный артистический характер, симптомы недомогания снимаются с помощью театральных средств выразительности. Данное взаимодействие больного и лекаря демонстрирует пример использования инструментов «театральности» (артистизма, внушения, ролевого поведения и т.д.) в повседневной культуре общения.

Итак, «проснувшись как-то утром, Мукалакки, почувствовал недомогание. Задумавшись над этим, он решил, что пришло время расплаты за совершенное много лет назад нарушение табу (однажды он ел запретное мясо змеи кульоаньо). Живший поблизости знахарь подтвердил такую версию и заключил: «Сегодня ты умрешь!» К вечеру Мукалакки стало совсем плохо: дух кульоаньо «обвил» его тело, «пронзил» голову, и время от времени «высовывался изо лба, заглядывая прямо в глаза». Все это сопровождалось сильными судорогами, так что нескольким мужчинам пришлось держать Мукалакки за ноги, за руки и за голову».

Родные «вызвали» врача, - знахаря по имени Морпун. Когда лекарь дал согласие, прибыл и подтвердил заболевание, он начал и само лечение. Когда Мукалакки в очередной раз вскочил, потому что «змея кульоаньо снова вылезла у него изо лба и стала глядеть ему в глаза, Морпун, подойдя вплотную к больному, внезапным движением схватил «змею» за голову. Никто, кроме него и Мукалакки, не мог этого видеть. Морпун держал «змею» очень крепко и осторожно «разматывал» ее, освобождая тело Мукалакки. Когда эта операция была успешно закончена, Морпун «свернул змею

кольцами и положил себе в сумку». Вскоре Мукалакки ощущал большое облегчение, он смог свободно дышать, потом уснул. Знахарь провел ночь на стоянке больного и на следующий день ушел в «свою страну». «Дух кульоаньо» он унес с собой, чтобы далеко в горах выпустить его в один из водоемов со словами: «Лежи на дне, не возвращайся назад» [\[2, с. 154,155\]](#).

Как видно из примера, воображение, помноженное на веру в предлагаемые обстоятельства, в магические реалии, играет важную роль, влияет на настроение и поведение участников события, многое решает в повседневной культуре общения. Не будет преувеличением предположить, что в стремлении преодолеть уязвимость перед сложными вызовами, проблемами, часто на помощь приходят врожденный артистизм, театральные средства коммуникации, где и грим, и костюм, и манера поведения могут помочь повлиять на события, излечить больного, скрыть истинные чувства, страхи, намерения; наладить нужный контакт, сформировать положительный образ, избежать беды. В результате, «театральная природа» человека получает возможность для саморазвития и самореализации, и постепенно становится востребованным социальным инструментом приспособления человека к среде.

Отдельного внимания заслуживает фигура жреца, шамана, колдуна, мага, - избранного, посвященного, «артиста», вождя [\[17, с. 397\]](#). Антропологическая литература проливает свет на специфику его профессионального роста, особенностей поведения и воздействия на аудиторию, на зрителя, на обратную («зрительскую») связь.

Техники врачевания заболеваний магического характера предстают как самые настоящие спектакли [\[2, с. 154,155\]](#), где есть место и драматургии, и спецэффектам, и большому душевному потрясению. Они чрезвычайно театральны по внешним и внутренним, содержательным характеристикам [\[19, с. 70,71\]](#). И речь не о костюме знахаря, колдуна, а о той силе драматического воздействия - внушения, которую использовал колдун (он же врач), а пациент был настолько доверчив и психически отзывчив, что и «видел» невидимых духов, изгоняемых из него, и «слышал» их неслышимые вопли, и верил в происходящее.

Однако, при всей душевной отзывчивости простого человека и его способности поддаваться внушению, следует отметить, что верил искренне в происходящее он все-таки не всегда. Й. Хейзинга, к примеру, пишет: «...вера в священные представления – своего рода полувера, сопровождаемая иронией и равнодушием». И колдун, и околованный – оба в одно и то же время и знают, и обманываются. А дикарь – хороший актер и хороший зритель [\[27, с. 49\]](#). Как представляется, если верил человек по-настоящему не до конца, то вот демонстрировал веру (транслировал ее наличие) активно, старательно, изо всех сил.

Среди ученых - антропологов особый интерес на данный момент составляют работы таких авторов, как Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Дж. Франкл, Дж. Фрейзер, М. Элиаде, Л. Уайт, Б. Малиновский, Ф. Боас, А. ван Геннеп, О.Ю. Артемова и др.

В работах Л. Леви-Брюля интересно отражается момент, когда феномен магической сопричастности и повсеместная боязнь духов [\[16, с. 39,40\]](#), которыми переполнен мир, мягко, но упорно шлифовали модель договорного взаимодействия человека и потусторонних сил при помощи драматических, артистических средств «коммуникации».

Обряды перехода [\[7, с. 72,73\]](#), которые активно анализирует А. ван Геннеп, демонстрируют

мастерки режиссированные спектакли-инициации, спектакли-посвящения в тайное братство, где обе стороны понимают, как играть, где бояться, как правильно «умереть и воскреснуть» в новом статусе, как драматически выпукло напугать соплеменников, демонстрируя им нового себя в новом ощущении власти, даруемой, к примеру, костюмом, гримом, маской.

Мирча Элиаде подробнейшим образом исследует специфику рождения и становления шамана, исходные (когнитивные) данные, которыми он должен обладать и какие приобретает, пока «учится». По мере раскрытия проблемы профессионального рождения шамана становится понятно, что большинство из приобретаемых им навыков носят артистический характер [\[30, с. 55, 56\]](#).

Таким образом, в рамках социальной и культурной антропологии можно отследить первые (ранние) примеры применения «театрального» взаимодействия людей, характер их взаимодействия, специфику, атрибутику «повседневной театральности», влияние феномена на культуру (религиозную и обыденную). Однако, поиск истоков формирования «театрального «поведения» не ограничивается одним только антропологическим направлением, и, как минимум, предполагает биолого-психологический взгляд на проблему, так как «театральное» поведение воспроизводит себя с помощью психики (выстраивает в воображении модели поведения; способно внушать и испытывать внушение и так далее). В этой связи, обратимся к характеристике биолого-психологического направления как потенциально важного для работы.

Биолого-психологическое направление исследования

Размышляя о «театральной» природе человека, сложно обойти стороной биолого-психологический аспект исследования, позволяющий отметить определенное функциональное сходство между биологическим отражением и отражением, свойственным «повседневной театральности», которое отражает в общении (речь, манеры) «другого» так, чтобы через элементы коммуникативного совпадения выстроить общение наилучшим образом.

Биологическое отражение служит адаптационным задачам живого организма. «Театральная» природа человека также способствует наработке навыков приспособляемости, выживаемости, - только в социальной среде. В процессах биологического и «театрального» отражения задействованы сознание, нервная система, органы чувств (специфические когнитивные инструменты, свойственные живым видам). Поэтому в поисках генезиса, специфики функционирования «повседневной театральности» представляется важным обратиться к научным работам по биологии, когнитивным наукам, работам по психиатрии и психологии.

В поисках совпадений биологического, психического и «театрального» отражений, возможного биологического обоснования «театральной» природы человека, анализа внушения как психической контагии, повлиявшей на «повседневную театральность», эмоций как потенциальных драйверов проявления «повседневной театральности», - могут быть задействованы работы таких авторов, как Черниговская Т.В., Бехтерев В.М., Докинз Р., Иванников В.А., Изард К.Э., Сидис Б., Смородинцев Ал. А., Умрюхин П.Е. Циммер К. и многих других.

В частности, Татьяна Владимировна Черниговская пишет о бесконечной сложности мозга, нейронных сетей, сетей сетей, «квалиа» (субъективной реальности) [\[29, с. 24, 43\]](#), а также языка как мира символов; мира, связанного с мышлением. И это важно для

исследования «театральной» природы человека, так как, если язык «оккупировал» мозг, то, значит, он вполне в состоянии диктовать и свои (символические) условия «взаимного» с мозгом существования [29, с. 25].

Анализировать влияние языка не с филологической, а с биологической стороны важно для данной работы потому, что, будучи инструментом мышления и коммуникации, а также выражением субъективных миров, - язык фиксирует и проявляет «театральную» природу человека, формирует внутренние и внешние диалоги, успешно реализует скрытые смыслы, оттенки, намеки в социокультурном общении.

Исследуя мозг и психику во врачебной и научной практике, Владимир Михайлович Бехтерев обращает особое внимание на «психическую контагию» (психическую заразу), то есть на внушение [4, с. 16], которое носит повсеместный характер, достаточно быстро передается при общении и влияет на характер образов, на скорость принятия решений. «Представление» себя в обществе сложно охарактеризовать вне потенциала внушения как инструмента скрытого влияния, манипуляции, потому изучение данного свойства «повседневной театральности» представляется важным.

Что примечательно, элементы «театрального» поведения можно наблюдать и на уровне микромира [28 с. 119,120]; [10, с. 285,286,289], а также мира вирусов, когда ради достижения цели вирус притворяется «другим», формирует «положительный» образ перед живой клеткой, а после внедрения в нее, сбрасывает маску и проявляет истинное «биологическое лицо» [24, с. 31].

Поведение микромира и вирусов, конечно, не театрально, но оно - адаптационно, и это важно для исследования, поскольку приемы и средства адаптации микромира напоминают собой драматические средства, где есть место представлению, мимики, симуляции, воздействию, но на биологическом уровне. Мир природы помогает заметить идентичные приемы самосохранения и выживания на разных уровнях живой материи, что, возможно, говорит о синхронии эволюционных процессов живых организмов в целом.

Наконец, анализируя силу и влияние эмоций, особый интерес для исследования приобретает страх [14, с. 46,47], поскольку именно «убегание» от страха (от опасности, болезни, смерти) оказалось крайне продуктивным в развитии воображения и, в целом, мира культуры. Благодаря «убеганию», развивались навыки приспособления к действительности, а также творческие навыки, когда при помощи заговоров, магических договоров со сверхъестественными силами и, наконец, рождения сложносочиненного загробного мира как отдельного пространства, пригодного для жизни после жизни, - разрешались экзистенциальные вопросы, снималось эмоциональное напряжение, приходило успокоение и исцеление от недугов, а драматические, художественные, «театральные» способности человека, в свою очередь, получали импульсы для развития.

Охарактеризовав истоки «повседневной театральности», примеры проявления «театральности» в повседневности и ее связь с миром психики, в поисках потенциального проблемного поля феномена представляется важным обратиться к философии.

Философское направление исследования

Проблемное поле «повседневной театральности», с помощью которой проявляется «театральная» природа человека, включает в себя вопросы терминологии, генезиса,

содержания и морфологии феномена. Как, учитывая размытые контуры феномена «театральность», терминологически обозначить адаптационную природу человека, которая «выглядит» как театральная и задействует «театральные» средства выразительности для достижения бытовых прагматичных целей? В чем заключается экзистенциальная связь «повседневной театральности» с феноменами «илюзии» (грезы, кажимости), «другого», «игры»? Что можно сказать о структуре «повседневной театральности», функциях, видах, формах феномена? Театральная природа человека есть врожденное свойство психики или формируемое в течение жизни, благодаря социокультурным паттернам и традициям общения, свойство?

Наконец, - почему человек театрален? Можно ли говорить, что наряду с человеком разумным (*homo sapiens*), человеком играющим (*homo ludens*), человеком читающим (*homo legens*), пишущим (*homo scribensque*) и говорящим (*homo loquens*) [29, с. 63], есть место и человеку театральному (*homo theatalis*)?

В массиве философской литературы, затрагивающей проблему человека, приспособливающегося с помощью артистических способностей к вызовам в обществе, отобрать материал сложно, - так или иначе, большинство мыслителей затрагивают проблему человека-актера в повседневной жизни. Исследовательский интерес, в частности, вызывают работы таких авторов, как Аристотель, Г. Гегель, Ж.-П. Сартр, Ф. Ницше, Е. Финк, Р. Кайя, Й. Хейзинга, Н. Евреинов, Э. Берн, И. Гофман, Ю.М. Лотман Ф.И. Гиренок и др.

В поисках содержательной специфики «театральной» природы человека важно обратиться к классическим работам об «игре» как экзистенциальном феномене (Е. Финк, Р. Кайя, Й. Хейзинга, Н. Евреинов, Э. Берн и др.), поскольку игра и театральность предельно связаны. Примечательно, что в работе «Демон Театральности» (Н. Евреинов) автор предполагает в том числе и биологическое основание «театральной» природы человека, употребляя выражение о «театральном инстинкте», заложенном в человеке [11, с. 13], но не обосновывает, правда, данный тезис.

Вслед за Аристотелем, авторы (Е. Финк, Р. Кайя, Й. Хейзинга, Н. Евреинов, Э. Берн) осмысливают подражание, свойственное природе человека, как подражание, которое «присуще людям с детства, и они тем отличаются от прочих животных, что наиболее способны к подражанию, благодаря которому приобретают и первые знания» [1, с. 26]. Авторы Р. Кайя [15, с. 57, 58] и Э. Берн [3, с. 216-218] обращают внимание также на то, что подражательными способностями, способствующими получению первых знаний, обладают и животные, что, возможно, демонстрирует элементы эволюционной взаимосвязи живого в принципе.

Отдельного внимания требует наследие Ю.М. Лотмана, в работах которого «театральность» осмысливается с позиции литературоведения, культурологии, семиотики. Примечательной, в частности, является мысль о том, что в XIX веке театр активно вторгался в жизнь и можно было наблюдать «примеры того, как люди конца XVIII - начала XIX в. строят свое личное поведение, бытовую речь, в конечном счете, свою жизненную судьбу по литературным и театральным образцам...» [18, с. 272]. Следует отметить, что осмыслению «театральности» в творчестве Ю.М. Лотмана и других авторов, разрабатывавших данную проблематику в русле культурологии, семиотики, философии культуры и искусства, будет посвящена отдельная научная статья, возможно, - несколько.

Размышление о «театральной» природе человека ведет к разговору и о «другом» [6, с. 163, 164], об эскейпизме и феномене страха, тревоги, «заброшенности» [23, с. 219, 220], стимулирующих творческие навыки убегания в лучшие миры (Ж. Сартр и др.).

Проблема «иллюзии» (грезы) представляет особый интерес, поскольку в философии человек часто осмысливает как вписанный в галлюцинирующий мир (Ф.И. Гиренок), в мир «каждоместий» субъект [8, с. 23, 36-39]. Когда дело касается «философски настроенного человека», то, согласно Ф. Ницше, последний «имеет даже предчувствие, что и под этой действительностью, в которой мы живем и существуем, лежит скрытая, вторая действительность, во всем отличная, и что, следовательно, и первая есть иллюзия...» [20, с. 40, 42, 52]. Он действует, он предписывает миру каждоместей собственные толкования событий, и «повседневная театральность» становится удобным инструментом в освоении мира грез.

Можно сказать, что «театральное» поведение довольно часто встречается в повседневном общении и не всегда осознается как собственно театральное. При этом задействуются общепринятые в социальной среде паттерны общения, распространенные, популярные и достаточно устойчивые поведенческие модели. Благодаря «повседневной театральности» снимается эмоциональное напряжение, поскольку общение идет на понятном «языке» речевых, художественных образов, моделей поведения; предсказуемых, в известной степени, считываемых, реакций, принятых и негласно одобренных в социуме.

Феномены «игры» и «повседневной театральности» связаны, но как «основной феномен бытия» (любовь, власть, смерть, труд, игра) [26, с. 340] «игра» - старше. Игра предполагает большую степень внутренней свободы, но и в то же время устойчивость в следовании определенным правилам [27, с. 56].

«Повседневную театральность» сложно назвать феноменом с подлинным потенциалом свободы, поскольку функционально она ориентирована на процессы, связанные с адаптацией и «притиранием» людей в социуме. Так, при внешне демонстрируемом следовании общепринятым правилам и нормам, люди в общении зачастую не просто нарушают их, но манипулируют правилами для достижения конкретного результата.

«Повседневная театральность» способствует такому типу общения, при котором становится возможным коммуникативное «скольжение» по образам и представлениям друг друга без погружения в «другого», так как социальное ролевое взаимодействие избегает искренности.

Кроме того, в условиях социальной турбулентности, периодических состояний экзистенциальной неопределенности, как внешнего, так и внутреннего бытия, человек, благодаря «театральной» природе, способен всякий раз «изобретать» себя «другого», выглядеть «другим», согласно текущим предлагаемым обстоятельствам, тем самым обеспечивая успешную коммуникацию и самореализацию в обществе.

Выводы

1. Данная работа предлагает обратить внимание на три научных направления, в рамках которых может быть исследована «театральная» природа человека как философская проблема. Речь идет об антропологическом, биолого-психологическом и философском направлениях. Учитывая междисциплинарный потенциал философии, каждое из указанных направлений может быть полезно в рамках анализа генезиса и проблемного

поля «повседневной театральности». Философское размышление ориентировано на характеристику научного потенциала предложенных направлений.

2 . Антропологическое направление исследования «театральной» природы человека представляется, в известной степени, продуктивным, поскольку помогает отследить и охарактеризовать первые (ранние) примеры проявления «театрального» поведения в повседневной культуре общения (в магических обрядах, сакральных действиях шаманов, способах излечения больного и так далее). Эмпирический материал, собранный в антропологической литературе, выявляет выраженный драматический характер взаимодействия людей, способствующий закреплению «повседневной театральности» в повседневной культуре общения.

3 . Биолого-психологическое направление исследования «театральной» природы человека представляется актуальным, поскольку помогает обозначить связь «театральности» с психикой, элементом которой предположительно является. В частности, в рамках данного направления можно заметить особую связь биологического, психического отражения с отражением, характерным «повседневной театральности». Данные способы отражения отличаются по виду, однако похожи по функциям, поскольку выступают регуляторами адаптивного поведения, будь то на биологическом, либо социокультурном уровнях жизни. В рамках направления можно отметить особую роль эмоции «страха» (смерти), влияющей на развитие артистических, «театральных» навыков человека повседневности, так как, в попытке «убежать от смерти», человек развивал в себе творческое воображение и «театральные» техники «магической сопричастности» с экзистенциальными вызовами.

4 . Философское направление исследования «театральной» природы человека представляется востребованным, поскольку помогает, применяя междисциплинарный подход, сформулировать ключевые вопросы и проблемное поле «повседневной театральности» как философской проблемы.

5 . В рамках философского размышления о «повседневной театральности» можно отметить устойчивую связь «театральности» с «игрой» как основным феноменом бытия. Помимо этого, философия позволяет поднять проблему «illusio», «кажимости», «грезы» как потенциальной составляющей «театральной» природы человека. Очерчивается также и проблема «другого» как сложная проблема, в рамках которой «повседневная театральность» активно реализует себя, способствуя такому типу социального общения, при котором становится возможным коммуникативное «скольжение» по образам и представлениям друг о друге без глубокого погружения в «другого»; и «театральная» природа здесь способна помочь человеку грамотно выстроить образы «другого», выглядеть «другим», обеспечивая предсказуемую коммуникацию и устойчивое взаимодействие в социокультурной среде.

Заключение

Проблема «повседневной театральности» представляется сложной, но перспективной проблемой для исследования. Терминологическая многозначность термина «театральность» диктует особую ответственность поиска смысловых границ «повседневной театральности» как понятия, характеризующего «театральную» природу человека и его поведения в повседневной культуре общения.

Характер научной проблемы проявляется и в том, что, будучи на виду, «повседневная театральность» остается достаточно сложной для исследования в виду размытых контуров ее как феномена. К примеру, можно ли говорить, что «театральная» природа

человека, проявляющая себя в «повседневной театральности», присуща человеку с самого рождения или она развивается под влиянием социальной среды? В чем заключается специфика и ее экзистенциальный потенциал? Что можно сказать о структуре и проблемном поле «повседневной театральности»?

В качестве одного из возможных решений предлагается комплексный подход, включающий ряд направлений исследования, таких, например, как антропологический, биолого-психологический, философский. Данные направления обладают достаточным научным потенциалом для осмыслиения генезиса, адаптационной специфики «театральной природы» человека и проблемного поля «повседневной театральности».

Предполагаемые результаты работы могут оказаться полезными для философских наук, наук о человеке, для развития междисциплинарного подхода к исследованию человека как сложной, самоорганизующейся системы. Результаты работы расширяют представления о человеке как философской проблеме. Исследование предполагается продолжить.

Библиография

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель; [Вступ. ст. и comment. С. Ю. Трохачева; Пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой]. – СПб. : Азбука, 2000. – 346 с.
2. Артемова, О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным) / О.Ю. Артемова: Академия Наук СССР Ордена Дружбы народов Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва: "НАУКА", 1987. – 197 с.
3. Берн, Эрик. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Эрик Берн; [пер. с англ. А. Грузберга]. – Москва: Эксмо, 2022. – 560 с.
4. Бехтерев, В.М. Внушение и его роль в общественной жизни / [Соч.] В.М. Бехтерева, проф. Имп. Воен.-мед. акад., дир. Клиники душев. и нерв. болезней. – 3-е изд., знач. доп. – Санкт-Петербург: К.Л. Риккер, 1908. – [8], 175 с.
5. Борев, Ю.Б. Эстетика: Учебник / Ю.Б. Борев. – М.: Высш. шк., 2002. – 511 с.
6. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Шпета Г.Г., Комментарий Селиванова Ю.Р. – М.: Академический Проект, 2008. – 767 с.
7. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. – М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1999. – 198 с.
8. Гиренок, Ф.И. Введение в сингулярную философию: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 304 с.
9. Давыдова, И. С. Театральность в фольклоре коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Давыдова Ирина Станиславовна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2008. – 23 с.
10. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Ричард Докинз; пер. с англ. Н. Фоминой. – Москва: Издательство ACT : CORPUS, 2016. – 512 с.
11. Евреинов, Н.Н. Демон театральности / Сост., общ. ред. и комм. А. Ю. Зубкова и В. И. Максимова. – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – 535 с.
12. Иванников, В.А. О природе и происхождении психики // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3(19). – С. 15-23.
13. История культуры повседневности: учебное пособие / под ред. В.П. Большакова, С.Н. Иконниковой. – Москва: Проспект, 2023. – 496 с.
14. Изард, К.Э. Психология эмоций / Пер. с англ. – СПб.: Издательство "Питер", 1999. – 464 с.: ил. (Серия "Мастера психологии") [Электронный ресурс] – режим доступа: [https://dl.booksee.org/genesis/214000/9ac5a0a9421b44e505ca76b0375d48c1/_as/\[Kyerrol_](https://dl.booksee.org/genesis/214000/9ac5a0a9421b44e505ca76b0375d48c1/_as/[Kyerrol_)

- YE_Izard]_Psihologiya_yemocu(BookSee.org).pdf (дата обращения 21.02.2025).
15. Кайя, Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайя; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с. – (Нация и культура / Научное наследие: Антропология).
16. Леви – Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. – М.: Академический проект, 2021. – 428 с.
17. Леви – Стросс, К. Печальные тропики / Клод Леви-Стросс; [перевод с французского В. Елисеевой, М. Щукина]. – Москва: Издательство ACT, 2022. – 544 с.
18. Лотман, Ю.М. Театр и театральность в строем культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 269-286.
19. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. А.П. Хомика. – М.: Академический проект, 2015. – 298 с.
20. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Пер. с нем. Г.А. Рачинский. – Санкт-Петербург: Издательство "Азбука", 2000. – 232 с. Тексты печатаются по изданию: Ницше, Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
21. Райков, В. Н. Феномен театральности: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Райков Валерий Николаевич; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2010. – 21 с.
22. Рахимова, М.В. "Отражение театральности как философско-антропологического феномена в научном дискурсе" Социология, 2024. №. 10, pp. 172-177.
doi:10.24412/1812-9226-2024-10-172-177.
23. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Онтология. Тексты философии: Учебное пособие для вузов / Ред. – сост. В. Кузнецов. – М.: Академический проект; Фонд "Мир", 2012. – 363 с.
24. Смородинцев, А.А. Сражение с невидимками или борьба за жизнь / Ал. А. Смородинцев, Е.А. Смородинцева. – Спб.: Изд-во Н.-Л, 2011. – 208 с.
25. Тазетдинова, Р. Р. Театральность как феномен в бытии культуры: автореферат дис. ... доктора философских наук: 24.00.01 / Тазетдинова Руфина Ринатовна; [Место защиты: Казан. гос. ун-т культуры и искусств]. – Казань, 2013. – 45 с.
26. Финк, Е. Основные феномены человеческого бытия / Пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон; редактор пер. Леонид Фуксон. – М.: Канон + РООИ "Реабилитация", 2017. – 432 с.
27. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; Пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: ООО "Издательство ACT", 2004. – 539 с.
28. Циммер, К. Паразит – царь природы: Тайный мир самых опасных существ на Земле / Карл Циммер; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 362 с.
29. Черниговская, Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание / Т.В. Черниговская. – М.: Издательство ACT, 2023. – 496 с. – (Звезда лекций).
30. Элиаде, М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / Мирча Элиаде; Пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2022. – 399 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемой статьи является такой философско-антропологический феномен, как «повседневная театральность». Тему статьи можно считать актуальной и перспективной, хотя её разработка в представленной статье вызывает множество

вопросов и критических замечаний. Если первые абзацы статьи ещё можно воспринимать как введение, то заключения в тексте нет никакого. Изложение весьма аморфно, в нём трудно увидеть какую-то логику, автор разделяет его на несколько «направлений», но это разделение выглядит весьма формально, например, почему они даются в таком порядке? Автор просто «переходит» от одного из них к другому подобно тому, как переходят из комнаты в комнату. Вызывает настоящее недоумение характер работы автора с источниками. Например, он зачем-то предлагает длиннейшие пересказы: «В одном из примеров излечения колдуном болезни, рассказчик (излечившийся) описывает начало болезни так: «проснувшись как-то утром, рассказчик, Мукалакки и т.д.». Разумеется, во всех подобных случаях следует сформулировать смысл фрагмента, о котором идёт речь, и дать ссылку на него. Ещё более странными и даже комичными выглядят перечисления самых разных философов, писателей, исследователей, в том числе, и тех, чьи произведения или публикации к теме статьи непосредственного отношения не имеют, и содержание которых в ней вообще не рассматривается: «Исследовательский интерес вызывают работы таких авторов, как Платон, Аристотель, И. Кант, Г. Гегель, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Э. Роттердамский, Ф. Ларошфуко, Ж.-Ж. Руссо, О. Финк, Р. Кайя, Й. Хейзинга, Н. Евреинов, Ж. Бодрийяр, К.-Г. Юнг, З. Фрейд, Э. Берн, И. Гофман Р. Жирар, Д. И. Дубровский, М. де Сервантес, Ги Дебор, Ф.М. Достоевский, Дж. Толкиен, Ф. Лорка, У. Шекспир, Ю.М. Лотман, П.С. Гуревич, А.Г. Спиркин, И.И. Кальной, Ф.И. Гиренок и другие». Что это за перечень? К чему автор «приговорил» всех этих достойных людей, (давно или недавно) почивших или живущих среди нас? Да и оформление подобных «списков» далеко от совершенства: здесь, например, Финк представлен как «О.» (Ойген), а в перечне литературы – как «Е.» (Евгений). Конечно, транслитерация иноязычных имён в соответствии с изменениями норм русского языка на протяжении последнего столетия несколько раз менялась, но, очевидно, нужно следовать именно той форме передачи имени, которая представлена в цитируемом источнике. Стилистика также вызывает множество нареканий: «библиографический ареал» (? – Речь идёт просто о состоявшихся уже публикациях по заявленной теме); «феномен характеризуется как ... феномен адаптации», более того, «феномен» и дальше в этом предложении ещё несколько раз повторяется. Или о собственной статье автор говорит: «Философское размышление сосредоточено на исследовании человека... и т.д.», это неудачный в смысловом и стилистическом отношении оборот, речь идёт ведь не о «рассуждениях» («размышлениях») Декарта или Лейбница, которые признаются потомками в этом статусе и столетия спустя, а об обычной журнальной статье. Подводя итоги, приходится констатировать, что статья имеет некоторые перспективы публикации, в ней, действительно, представлен имеющий интерес для широких кругов читателей материал, но прежде она должна быть основательно переработана.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является философское размышление о «театральной» природе человека через поиски направлений исследования «повседневной театральности».

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках междисциплинарного подхода были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, исторический метод.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку «повседневная театральность» является уникальным феноменом, который изучается в рамках различных направлений научного знания. Важное значение имеют разнообразные игровые практики человека, благодаря которым не только выстраивается система взаимодействий и система внешних социальных взаимоотношений, но и происходит внутреннее самопознание и осмысление самого себя. В этом контексте философское размышление о «театральной» природе человека через поиски направлений исследования «повседневной театральности» представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение специфики ««театральной» природы человека, проявляющей себя в контексте «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также подробным описанием полученных результатов.

Структура статьи, к сожалению, не выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя следующие элементы: введение, основную часть, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особый интерес имеет выявленная в ходе исследования и отмеченная тенденция, «что знания о театральности в целом носят многослойный разрозненный характер, замкнуты на профессиональных областях; дискурс вращается вокруг описательных характеристик феномена. Многообразие профессиональных подходов к театральности дает внушительное количество трактовок, колossalный объем литературы для анализа; тем не менее материала, посвященного «театральной» природе человека, проявляющейся в контексте «повседневной театральности», недостаточно», чем и обусловлено было проведение данного исследования.

Библиография содержит 30 источников, включающих в себя отечественные, в том числе переведенные, периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к рассмотрению феномена «повседневной театральности». В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «данная работа предлагает обратить внимание на три научных направления, в рамках которых может быть исследована «театральная» природа человека как философская проблема. Речь идет об антропологическом, биолого-психологическом и философском направлениях. Учитывая междисциплинарный потенциал философии, каждое из указанных направлений может быть полезно в рамках анализа генезиса и проблемного поля «повседневной театральности». Философское размышление ориентировано на характеристику научного потенциала предложенных направлений».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, философами, культурологами, антропологами, социологами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами. В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при написании научной статьи необходимо придерживаться ее примерной структуры, четко обозначив

отдельными заголовками структурные элементы исследования, такие, как введение, обзор литературы или теоретический обзор, материалы, методы и методология исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы, заключение. Особое внимание хотелось бы обратить на необходимость более полного описания методологии исследования, а не ограничиваться только кратким перечислением ученых, работы которых составили методологическую основу исследования, а также на формулирование после сделанных выводов обобщающего заключения, которое должно создать впечатление логической завершенности и законченности проведенного исследования. Кроме того, в качестве рекомендации, можно было бы пересмотреть последовательность изложения некоторых фрагментов текста, например, введение целесообразно было начать с постановки проблемы, а не с определения предмета исследования, фраза «Исследование предполагается продолжить» представлена в завершении вводной части перед раскрытием основных положений данной работы, но по факту эту фразу логично было бы упомянуть после описания результатов исследования и их обсуждения, либо в обобщающем заключении. Все сноски необходимо оформлять единообразно, но в тексте статьи встречается сноска, оформленная таким образом: «[28 с. 119,120; 10, с. 285,286,289]». Указанные недостатки не снижают высокую степень научной значимости самого исследования, однако их необходимо оперативно устраниТЬ, доработать и дополнить текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает «повседневная театральность» как философско-антропологический феномен. Учитывая прогрессирующую театрализацию политической, социальной и даже экономической (традиционно считающейся наиболее рациональной сферой) жизни, выбранная автором тема для исследования представляется не только очень интересной и оригинальной, но и имеющей высокую степень научной актуальности и практической значимости. В числе использованных методов автор называет историко-культурный, компаративистский, аналитический и др. Вполне корректное применение этих и других методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны. Прежде всего, как говорилось выше, сама тема «театральной природы» человека представляется достаточно свежей в научном и философском планах. Выделение автором трёх ключевых направлений исследования этой темы – антропологического, биолого-психологического и философского – и последующий критический анализ эвристического потенциала каждого из этих направлений также представляют определённый научный и философский интерес. Наконец, особого внимания заслуживает выявленная автором связь «театральной» природы человека с его повседневностью, с экзистенциальным опытом, а также коммуникативными процессами. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, аргументируется актуальность её решения, формулируются цель и задачи, объект и предмет исследования, проводится краткий обзор основных интерпретаций базовой терминологии, а также презентуются использованные в процессе исследования методы; далее следуют три содержательных

раздела, каждый из которых посвящён анализу одного из трёх выделенных автором подходов к изучению «театральной» природы человека - антропологического, биолого-психологического и философского, соответственно; - «Выводы», где делаются выводы по результатам исследования и «Заключение», где подводятся итоги проведённого исследования и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи философско-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, странное отождествление учёных и их работ в предложении «Среди ученых-антропологов особый интерес на данный момент составляют работы таких авторов...»; и др.) и грамматических (например, опечатки как в предложении «Обряды перехода, которые активно анализирует А. ван Геннеп, демонстрируют мастерки [мастерСки? – рец.] режиссированные спектакли-инициации...»; или ненужная запятая в предложении «Родные "вызвали" врача, – знахаря по имени Морпун»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной и философской терминологии. Библиография насчитывает 30 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть существенно усиlena за счёт включения источников на иностранных языках. Особенno если учесть, какую мощную революцию переживает сейчас мировая наука в сфере так называемых «neurosciences». Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении особенностей интерпретации термина «театральность». К специально оговариваемым достоинствам статьи, помимо отмеченной выше тематической оригинальности, можно отнести достаточно обширный эмпирический материал, привлечённый для анализа, и вполне добросовестную концептуальную обработку этого материала.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для философов, культурологов, антропологов, психологов, а также для студентов перечисленных специальностей.

Представленный материал соответствует тематике журнала «Философия и культура». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Заруцкая С.В. Конвергенция как метод исследования: реконструкция мировоззрения эпохи Серебряного века в России // Философия и культура. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.3.73626 EDN: XOKWAG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73626

Конвергенция как метод исследования: реконструкция мировоззрения эпохи Серебряного века в России**Заруцкая Светлана Валериевна**

ORCID: 0009-0002-9025-1139

зав. кафедрой; институт дошкольного и начального общего образования; Институт развития образования Кузбасса

650000, Россия, Кемеровская область - Кузбасс, г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 16, кв. 84

✉ intellect-center@rambler.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.3.73626

EDN:

XOKWAG

Дата направления статьи в редакцию:

09-03-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является конвергенция как методологический подход в культурологическом анализе периода конца XIX – начала XX века. Автор проводит исследование на примере периода Серебряный век русской культуры. Исследование направлено на оценку эвристической ценности конвергенции для понимания сложных культурных явлений, возникающих при взаимодействии различных сфер: литературы, искусства, философии и истории. Задача – продемонстрировать возможности применения конвергентного метода для выявления взаимосвязей между этими сферами, реконструирования мировоззрения эпохи и формирования цельного представления о культурном ландшафте Серебряного века. Изучается потенциал конвергенции для интеграции различных дисциплинарных перспектив в изучении культуры. Специфика применения конвергенции к различным типам культурных феноменов в конкретных произведениях искусства, в литературных направлениях (символизм, акмеизм), а также в философских течениях. Методологической основой исследования является конвергентный подход,

рассматриваемый в качестве ключевого инструмента для анализа культурных феноменов конца XIX – начала XX века. Применяется междисциплинарный анализ, интегрирующий методы и перспективы литературоведения, искусствоведения, философии и истории. Научная новизна исследования заключается в систематическом применении принципов конвергентного подхода к изучению культуры Серебряного века. В отличие от традиционных дисциплинарно-ориентированных исследований, данная работа предлагает интегрированную методологическую рамку, позволяющую выявить новые аспекты взаимосвязей между различными сферами культурной деятельности эпохи. В частности, научная новизна заключается в следующем: Разработка и апробация методологии конвергентного анализа применительно к исследованию культуры Серебряного века ; Выявление новых взаимосвязей между литературой, искусством, философией и историческим контекстом, которые остаются невидимыми при традиционных подходах ; Реконструкция целостного мировоззрения эпохи на основе интеграции данных, полученных из различных дисциплинарных областей ; Предложение нового понимания культурного ландшафта Серебряного века, основанного на принципах взаимопроникновения и взаимовлияния различных культурных феноменов.

Ключевые слова:

Конвергенция, культурный ландшафт, конвергентный подход, синтез философских направлений, религиозная философия, национальная идея, синтез, Конвергенция мистики, Культурная среда, Феномен Серебряного века

Культура, как сложная и динамичная система, является объектом изучения множества дисциплин, от искусствоведения и литературоведения до социологии и философии. Традиционные подходы к изучению культуры зачастую фрагментируют ее, рассматривая отдельные элементы (литературные произведения, художественные направления, философские концепции) в отрыве от общего контекста. Однако для понимания глубинных процессов и взаимосвязей, формирующих культурный ландшафт, необходим более целостный подход. В этой связи, конвергенция, как методологический инструмент, представляется весьма перспективным направлением в культурологических исследованиях.

Анализируя историю мысли, мы обнаруживаем, что стремление к целостному, интегративному знанию, к преодолению дисциплинарной раздробленности и пониманию взаимосвязи различных областей бытия – это не новое веяние, а скорее, глубинная потребность человеческого разума. Даже если термин "конвергенция" в его современном понимании еще не был сформулирован, многие выдающиеся мыслители прошлого интуитивно подходили к исследованию тех же самых проблем, двигаясь в направлении, которое мы сегодня могли бы назвать конвергентным.

В плеяде российских мыслителей, предвосхитивших идеи конвергенции, особое место занимают:

- Владимир Сергеевич Соловьев: Его концепция "цельного знания" являлась попыткой синтеза науки, философии и религии. Соловьев видел в каждой из этих сфер различные, но взаимодополняющие пути к постижению Истины. Его стремление преодолеть разрыв между рациональным и духовным, между эмпирическим знанием и метафизическими принципами, можно рассматривать как раннюю форму конвергентного мышления.
- Николай Федорович Федоров: С его проектом "общего дела" по преодолению смерти и

воскрешению предков, Федоров предложил радикальную программу преображения мира на основе синтеза науки, техники и религиозной веры. Его идеи о регуляции природы и преодолении человеческой ограниченности стали прообразом многих современных дискуссий о возможностях и опасностях технологического прогресса.

- Павел Александрович Флоренский: Ученый-энциклопедист, сочетавший в себе талант математика, физика, инженера и религиозного философа, Флоренский стремился к синтезу научного и религиозного знания. Он рассматривал науку как инструмент познания материального мира, а религию – как средство постижения духовной реальности, и искал способы их гармоничного соединения.
- Владимир Иванович Вернадский: Его учение о ноосфере – сфере разума, формирующейся под влиянием человеческой деятельности, – стало важным этапом в развитии экологического мышления и понимания взаимосвязи человека и природы. Вернадский подчеркивал необходимость интеграции научного знания для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством.
- Лев Платонович Карсавин: В своей философии всеединства Карсавин стремился к интеграции всех сфер человеческого бытия – религиозной, нравственной, познавательной, эстетической. Его идеи о взаимосвязанности всех явлений мира и о необходимости целостного, синтетического познания предвосхитили многие современные концепции конвергенции.
- Борис Валентинович Яковенко: Как представитель неокантианства, Яковенко подчеркивал необходимость методологической рефлексии в науке и важность учета ценностных ориентаций при проведении научных исследований. Его идеи о взаимосвязи науки, философии и культуры можно рассматривать как вклад в формирование конвергентного подхода к познанию.
- Владимир Соломонович Библер: Его концепция "культуры на пороге XXI века" акцентировала внимание на одновременном существовании и взаимодействии различных культурных форм, что создавало необходимость синтеза и диалога различных перспектив для понимания современного мира. Он рассматривал науку как феномен культуры, а научное знание – как результат диалога между различными научными парадигмами. «Наука также может и должна быть понята и развиваема как феномен культуры, как взаимопереход, одновременность, разноосмысленность различных научных парадигм, как форма общения античных, средневековых форм». [2]
- Вячеслав Семенович Стёpin: Развивая идеи о постнеклассической науке, Стёpin подчеркивал необходимость междисциплинарных исследований и интеграции различных научных дисциплин для решения сложных проблем современности. Его работы внесли значительный вклад в методологическое обоснование конвергентного подхода к научному познанию.

Зарубежные мыслители также внесли свой вклад в формирование интеллектуального поля, предвосхищающего идеи конвергенции:

- Эдвард Осборн Уилсон: Его социобиология, стремящаяся объяснить социальное поведение с точки зрения биологии, стала попыткой синтеза естественных и социальных наук.
- Эрвин Шрёдингер: Его книга "Что такое жизнь?" являлась попыткой применить законы физики для понимания биологических явлений, что стало важным шагом на пути к

междисциплинарному исследованию живой материи.

- Юваль Ной Харари: Его размышления о будущем человечества в эпоху биотехнологий и искусственного интеллекта подчеркивают необходимость этического осмыслиения научно-технического прогресса и его последствий для человека и общества, тем самым призывая к конвергенции научного знания и гуманитарных ценностей.
- Макс Тегмарк: Его гипотеза о математической Вселенной, предполагающая, что все физические законы можно выразить математически, является радикальной формой стремления к унификации и синтезу знания.

Таким образом, анализ творчества этих выдающихся мыслителей позволяет увидеть, что стремление к целостному, интегративному знанию, к преодолению дисциплинарной раздробленности и пониманию взаимосвязи различных областей бытия – это не новое введение, а скорее, глубинная потребность человеческого разума, которая нашла свое выражение в различных формах и в разные исторические эпохи. Сегодня, когда мы говорим о конвергенции науки и технологий, мы, по сути, продолжаем этот многовековой поиск интегративного знания, опираясь на опыт и прозрения наших великих предшественников.

Какова же сущность и принципы конвергентного подхода? Конвергенция, как методологический инструмент исследования предоставляет ценный подход для анализа сложных, многоаспектных явлений в различных дисциплинах. Её применение позволяет исследователям выходить за рамки узкой специализации, интегрировать разные перспективы и создавать более целостное и глубокое понимание изучаемого предмета. В отличие от узкоспециализированных исследований, он позволяет увидеть взаимосвязи между различными аспектами культуры, выявить скрытые закономерности и механизмы ее развития. Ключевые принципы конвергентного подхода включают:

- Междисциплинарность: Объединение усилий исследователей из разных областей знаний (литературоведение, искусствоведение, философия, история, социология, психология, религиоведение и др.) для совместного изучения проблемы
- Интеграцию данных: Объединение и анализ данных, полученных с использованием различных методов и из различных источников (литературные тексты, художественные произведения, философские трактаты, исторические документы, биографии, мемуары, социологические исследования и т.д.).
- Теоретический синтез: Разработка новых концепций и интерпретаций, которые объясняют взаимосвязи между различными аспектами культуры и позволяют сформировать более целостное представление о ней.

Применим данный конвергентный принцип в отношении исследования феномена Серебряного века. Серебряный век русской культуры (конец XIX – начало XX веков) – это эпоха бурного расцвета и духовных исканий, отмеченная появлением новых литературных направлений (символизм, акмеизм, футуризм), расцветом живописи, театра и музыки, а также формированием оригинальной религиозной философии. Применение конвергентного подхода к исследованию Серебряного века позволяет выйти за рамки традиционного литературоцентричного взгляда и увидеть более полную картину эпохи. Рассмотрим, как можно использовать конвергенцию для анализа этого периода. Конвергентный анализ Серебряного века позволяет реконструировать мировоззрение эпохи, сформировать целостное представление о ее духовной и интеллектуальной атмосфере, понять ее ценности, идеалы и противоречия. Он позволяет увидеть, как

различные культурные явления взаимосвязаны и как они отражают сложные социальные, политические и духовные процессы, происходившие в России на рубеже XIX и XX веков.

Применение понятия "конвергенция" к анализу культурно-философской мысли России конца XIX века является обоснованным и эвристически ценным по ряду причин. Рассмотрим каждую из них по отдельности.

Взаимопроникновение и синтез философских направлений. В интеллектуальной истории России XIX века противостояние славянофильства и западничества представляло собой одно из ключевых напряжений. Две диаметрально противоположные позиции определяли вектор развития русской мысли, поляризуя общество и определяя дискурс о месте России в мире, ее идентичности и будущем. Однако, к концу столетия, жесткое разделение на два лагеря начинает размываться, уступая место сложным процессам взаимопроникновения и синтеза, стремлению к поиску некой "русской идеи," объединяющей ценности как Запада, так и собственной национальной традиции. Этот эволюционный путь ознаменовался критическим переосмыслением догм и интеграцией элементов, ранее считавшихся чуждыми. Первоначально, славянофилы, с их акцентом на самобытность русской культуры, на ее духовность и общинность, противопоставляли себя западникам, ориентированным на европейские ценности, науку и прогресс. Алексей Хомяков, один из отцов славянофильства, подчеркивал: "Мы не учились у Запада, мы познали его жизнь только из книг и часто по ложным отзывам; а потому мы можем быть уверены, что не имеем права судить о нем". [9] Славянофилы видели в западной цивилизации угрозу для русской самобытности, источник рационализма, индивидуализма и материализма, чуждых русской душе.

Однако, к концу XIX века, даже в славянофильском лагере начинает назревать понимание необходимости адаптации к современным реалиям, осознание того, что игнорирование западного опыта приведет к отставанию и стагнации. Николай Яковлевич Данилевский, автор труда "Россия и Европа," хотя и развивал теорию культурно-исторических типов, подчеркивая уникальность славянского мира, тем не менее признавал важность заимствования западных технологий и достижений науки. Он писал: "Иноземное не должно быть отвергаемо единственно на том основании, что оно иноземное, если оно полезно; но должно быть отвергаемо в случае его вреда или опасности". [4] Данилевский, таким образом, предлагал не слепое копирование, но разумное использование западного опыта для укрепления русской цивилизации.

Еще более отчетливо тенденция к синтезу проявилась в идеях Константина Николаевича Леонтьева. Леонтьев, с его эстетическим консерватизмом и критикой буржуазного общества, был ярым противником либерализма и демократии. Он видел в России оплот традиционных ценностей, защищающий мир от разрушительного влияния европейского прогресса. Однако, Леонтьев признавал необходимость модернизации армии и экономики, считая, что Россия должна стать сильной державой, способной противостоять Западу. Его знаменитая формула "Цветущая сложность" подразумевала, что развитие возможно лишь при сохранении иерархии, традиций и национальной идентичности. [6]

С другой стороны, западники также претерпели эволюцию в своих взглядах. Петр Лаврович Лавров, один из идеологов народничества, хотя и разделял западные ценности свободы и равенства, тем не менее, обратился к идеям народничества, подчеркивая роль крестьянской общины в развитии России. Он видел в крестьянстве источник нравственности и справедливости, способный построить новое,

социалистическое общество. Лавров критиковал западный капитализм за его эксплуатацию и несправедливость, предлагая альтернативный путь развития России, основанный на общинных принципах. Николай Константинович Михайловский, также представитель народничества, развивал теорию "героев и толпы," подчеркивая роль интеллигенции в пробуждении народного сознания и в руководстве крестьянской революцией. [7] Михайловский, как и Лавров, критиковал западный капитализм и видел в общине основу для будущего социалистического общества. Таким образом, к концу XIX века происходит размывание границ между славянофильством и западничеством, рождается стремление к поиску самобытного пути развития России, учитывавшего как ценности Запада, так и особенности русской культуры и истории. Этот синтез, однако, не был простым и гармоничным. Он сопровождался острыми дискуссиями, противоречиями и конфликтами. Тем не менее, он стал важным этапом в формировании русской национальной идентичности, в определении места России в мире.

В конечном счете, поиск "русской идеи" в эпоху перемен привел к пониманию необходимости преодоления односторонности и догматизма. Русская мысль осознала, что истина лежит не в отрицании другого, а в диалоге, в принятии различных точек зрения. Этот процесс взаимопроникновения и синтеза философских направлений стал важным фактором развития русской культуры и предвосхитил многие интеллектуальные течения XX века.

Религиозная философия. Кризис традиционной религиозности, вызванный научным прогрессом, секуляризацией и общим духом сомнения, охватившим европейское общество в конце XIX - начале XX века, не обошел стороной и Россию. Этот духовный вакuum, однако, не привел к тотальному отрицанию веры, но, скорее, стал катализатором для ее переосмыслиния, для поиска новых форм религиозного опыта и выражения. В этот период формируется оригинальная русская религиозная философия, которая, впитывая в себя западные философские течения и переосмысливая традиционные христианские догматы, пытается построить мост между разумом и верой, между современным знанием и вечными истинами. В этом смысле, русская религиозная философия Серебряного века представляет собой яркий пример конвергенции, синтеза различных интеллектуальных течений в поисках целостного мировоззрения. Важным фактором, повлиявшим на формирование русской религиозной философии, стало влияние западных философских идей. Русские мыслители внимательно изучали труды Канта, Гегеля, Ницше, Гуссерля, Бергсона и других западных философов, пытаясь найти в них ответы на мучившие их вопросы о сущности бытия, смысле жизни, природе человека. Однако, они не просто копировали западные идеи, но творчески переосмысливали их, адаптируя к русским условиям и синтезируя с христианским учением. Владимир Сергеевич Соловьев, один из основоположников русской религиозной философии, стал ярким примером такого многогранного восприятия. Он стремился построить систему "всеединства," объединяющую в себе все аспекты бытия – материальный мир, человеческий разум и божественную сущность. Соловьев заимствовал из немецкого идеализма идею диалектического развития, но переосмыслил ее в религиозном ключе, видя в истории процесс восхождения к Царству Божию. В своем труде "Оправдание добра" Соловьев, опираясь на кантовскую этику, разрабатывает концепцию нравственного прогресса, основанного на любви и сострадании. Его слова: "Смысл человеческой жизни есть безусловное самоутверждение в совершенстве", отражают стремление к богочеловечеству, к преображению человеческой природы через соединение с Богом. [8]

Николай Александрович Бердяев, еще один выдающийся представитель русской

религиозной философии, испытал сильное влияние экзистенциализма. Он подчеркивал уникальность и свободу человеческой личности, ее ответственность за свой выбор и свою судьбу. Бердяев критиковал рационализм и коллективизм, видя в них угрозу для свободы и творчества. Его концепция "экзистенциальной философии" была основана на идеи о том, что бытие предшествует сущности, что человек сам создает себя в процессе своего существования. "Человек не есть существо природное, а существо историческое и духовное", - писал Бердяев, подчеркивая его трансцендентную природу.[\[1\]](#)

Сергей Николаевич Булгаков, бывший марксист, в зрелые годы обратился к религиозной философии и стал одним из ведущих представителей русского религиозного ренессанса. Булгаков разрабатывал концепцию "софиологии," учения о Софии, Премудрости Божией, как посреднице между Богом и творением. Он соединил христианскую теологию с идеями немецкого идеализма и русской космической философии. Булгаков видел в Софии не просто абстрактную идею, но живую силу, пронизывающую все бытие. Его работы "Философия хозяйства" и "Свет невечерний" представляют собой попытку построить христианскую экономику и метафизику, основанные на идее Софии.

Павел Александрович Флоренский, священник, ученый и философ, был одним из самых оригинальных мыслителей Серебряного века. Флоренский стремился к методологическому обоснованию сопряженности науки и религии, видя в них две разные, но взаимодополняющие формы познания. «Перенося нагрузку на вещи, мы уплотняем их индивидуальность и вместе с тем обедняем пространство. Вещи, каждая порознь, стремятся к самозамкнутости. Связи между ними слабнут, а вместе с тем бледнеет пространство, утрачивая отличительную структуру, внутреннюю связность и целостность. По мере того, как силы и организация действительности приписываются вещам, каждой порознь, объединяющее их пространство пустеет и от конкретной полноты стремится к меону»[\[3\]](#). Он разрабатывал концепцию "конкретной метафизики," основанной на изучении конкретных явлений и символов. Флоренский изучал математику, физику, биологию, историю искусства и другие науки, чтобы найти в них подтверждение христианским истинам. Его труд "Столп и утверждение истины" представляет собой энциклопедию христианского знания, охватывающую все аспекты человеческой жизни.

Русская религиозная философия Серебряного века представляет собой яркий пример конвергенции, синтеза западных философских идей и традиционного христианского учения. Русские мыслители не просто заимствовали западные идеи, но творчески переосмысливали их, адаптируя к русским условиям и синтезируя с христианскими доктринаами. В результате рождались новые, оригинальные философские системы, которые оказали огромное влияние на русскую культуру и мысль XX века. Конвергенция стала источником творческого импульса, породившего уникальный феномен русской религиозной философии.

Влияние науки и техники на философскую мысль. Вторая половина XIX века ознаменовалась триумфальным шествием науки и техники, кардинально изменившим представление человека о мире и его месте в нем. Успехи естествознания, от эволюционной теории Дарвина до открытия закона сохранения энергии, не только расширили границы познания, но и оказали глубокое влияние на философскую мысль, стимулируя развитие новых направлений и переосмысление старых. В русской интеллектуальной среде, как и в европейской, происходила сложная и многогранная конвергенция науки и философии, в которой философы пытались осмыслить научные открытия, интегрировать их в свои системы и ответить на вызовы, брошенные наукой

традиционным мировоззрениям.

Одним из наиболее влиятельных направлений, возникших под влиянием науки, стал позитивизм. Русские позитивисты, такие как Дмитрий Иванович Писарев и Николай Гаврилович Чернышевский, разделяли убеждение в том, что наука является единственным источником достоверного знания, а метафизические спекуляции – бесполезной тротай времени. Писарев, с его радикальным нигилизмом, призывал к разрушению старых авторитетов и к замене их научным знанием. Он писал: "Мы не говорим, что философия бесполезна, мы говорим только, что она бесплодна". Для Писарева наука – это инструмент преобразования мира, а философия – лишь абстрактная теория, оторванная от жизни.

Чернышевский, с его материалистическим мировоззрением, видел в науке средство для достижения социального прогресса. Он верил, что научное знание поможет построить справедливое и рациональное общество. Его знаменитый роман "Что делать?" стал манифестом русского позитивизма, проповедующим рационализм, утилитаризм и веру в научный прогресс. Чернышевский, однако, не ограничивался грубым материализмом, а признавал значение моральных ценностей и социальной справедливости.

Однако, даже в рамках позитивизма происходила эволюция, от примитивного материализма к более утонченным формам, таким как эмпириокритицизм, представленный Александром Александровичем Богдановым и Владимиром Александровичем Базаровым. Эмпириокритицизм, или махизм, отрицал существование объективной реальности, утверждая, что единственной реальностью являются человеческие ощущения и опыт. Богданов, с его теорией "организационного опыта," пытался построить науку, основанную на принципе координации и согласования человеческого опыта. Его идеи оказали влияние на формирование советской науки и техники.

Влияние науки проникало и в религиозную философию, заставляя религиозных мыслителей переосмысливать свои взгляды и учить научные открытия. Владимир Сергеевич Соловьев, как уже отмечалось, стремился к синтезу науки, философии и религии, пытаясь найти рациональное обоснование религиозной веры. Он видел в науке инструмент познания материального мира, а в религии – средство постижения духовной реальности. Соловьев верил, что наука и религия должны работать вместе, чтобы создать целостное и гармоничное мировоззрение. В своей "Критике отвлеченных начал" Соловьев критикует односторонность как материализма, так и идеализма, предлагая свой путь – "цельное знание," объединяющее науку, философию и религию.

Соловьев признавал, что научные открытия, такие как эволюционная теория Дарвина, ставят под сомнение традиционные религиозные представления о творении мира и о месте человека в нем. Однако, он не отрицал науку, а пытался найти ей место в религиозном мировоззрении. Соловьев считал, что эволюция – это не случайный процесс, а управляемый Богом, и что человек – это высшая точка эволюции, существо, способное познавать Бога и соединяться с ним.

Влияние науки на религиозную философию проявлялось не только в попытках примирить научное знание с религиозной верой, но и в использовании научных методов для изучения религиозных явлений. Религиозные философи изучали психологию религии, социологию религии и историю религии, чтобы понять, как религия влияет на человеческую жизнь и на общество.

Неокантианство и его влияние на слияние науки и философии в России

Неокантианство, возродившее интерес к философии Канта, оказало значительное влияние на русскую интеллектуальную среду, особенно в период Серебряного века. В отличие от позитивизма, который стремился ограничить познание эмпирическим опытом, неокантианство подчеркивало роль категорий и форм чувственности в формировании знания. Оно признавало важность науки, но критиковало ее за абсолютизацию эмпирических данных и игнорирование философских вопросов о природе познания, ценностях и культуре. Влияние неокантианства проявлялось в нескольких аспектах:

Разграничение наук о природе и наук о культуре: Неокантианство, особенно баденская школа (Виндельбанд, Риккерт), проводило различие между *номотетическими* (устанавливающими законы) науками, изучающими природу, и *идиографическими* (описывающими уникальные явления) науками, изучающими культуру. Это разграничение помогло понять, что научные методы, применимые к изучению физических явлений, не всегда адекватны для анализа социальных, исторических и культурных процессов. Неокантианцы обращали пристальное внимание на методологию научного познания, анализируя предпосылки, ограничения и ценностные ориентации, лежащие в основе научных теорий. Это стимулировало философскую рефлексию над наукой и способствовало более глубокому пониманию ее возможностей и границ.

Неокантианство подчеркивало важность этических и ценностных аспектов человеческой деятельности. Философы этого направления рассматривали науку не только как средство познания мира, но и как часть культуры, подчиненную моральным и социальным нормам. Неокантианство предлагало альтернативу материалистическому и позитивистскому мировоззрениям, акцентируя внимание на активной роли субъекта в процессе познания и на значимости духовных ценностей.

Вопросами конвергенции науки и философии занимались такие деятели как Борис Валентинович Яковенко (1884-1949) известный философ-неокантианец, который исследовал проблемы методологии науки и взаимосвязи между наукой, философией и культурой. Сергей Иосифович Гессен (1887-1950): Философ-неокантианец, разрабатывал концепцию "вечного образования," основанную на идее непрерывного самосовершенствования личности через приобщение к общечеловеческим ценностям. Гессен считал, что наука должна служить целям нравственного и духовного развития человека. Лев Платонович Карсавин (1882-1952): Религиозный философ и историк, находившийся под влиянием неокантианства. Он разрабатывал концепцию "всеединства," стремясь к синтезу науки, философии и религии. Карсавин утверждал, что все явления мира взаимосвязаны и образуют единое целое, а познание должно быть целостным и всесторонним.

Таким образом, влияние науки и техники на философскую мысль в России XIX века было многогранным и сложным. Оно стимулировало развитие позитивизма и материализма, заставляло религиозных философов переосмысливать свои взгляды и привело к возникновению новых, синтетических философских систем. Философы стремились осмыслить научные открытия и их последствия для человека и общества, интегрировать научные знания в философские системы и ответить на вызовы, брошенные наукой традиционным мировоззрениям. Этот процесс продолжается и в наше время, свидетельствуя о вечной актуальности проблемы взаимоотношения науки и философии.

Активное взаимодействие философии и литературы. Русская культура XIX века – это уникальное пространство, где философия и литература не просто соседствуют, но органично переплетаются, образуя сложную и динамичную систему. Многие писатели становятся философами, а философы – писателями, используя разные инструменты для

достижения одной цели: познания человека, его души, его места в мире. Взаимопроникновение этих двух областей знания создают неповторимую атмосферу русской духовной жизни, где художественный образ становится способом философского осмыслиения, а философская идея – источником вдохновения для литературного творчества. Эта конвергенция проявляется в том, что философия и литература используются как взаимодополняющие инструменты для исследования человеческой природы, моральных проблем и социальных противоречий.

Одним из наиболее ярких примеров этой конвергенции является творчество Федора Михайловича Достоевского. Его романы, такие как "Преступление и наказание," "Братья Карамазовы," и "Бесы," не просто увлекательные истории, но и глубокие философские трактаты, в которых поднимаются вопросы о смысле жизни, добре и зле, свободе и ответственности. Достоевский создает галерею сложных и противоречивых персонажей, каждый из которых является носителем определенной философской идеи. Эти идеи сталкиваются в драматических конфликтах, заставляя читателя задуматься над фундаментальными вопросами человеческого существования.

В романе "Преступление и наказание" Достоевский исследует идею "сверхчеловека," которая впоследствии получит развитие в философии Ницше. Родион Раскольников, студент, убивающий старуху-процентщицу, руководствуется убеждением в том, что ему, как "необыкновенному" человеку, дозволено преступать моральные законы. Достоевский показывает трагические последствия этой идеи, приводящие Раскольникова к глубокому духовному кризису и страданию. "Тварь ли я дрожащая или право имею?" – этот вопрос, мучащий Раскольникова, является центральным философским вопросом романа.

В "Братьях Карамазовых" Достоевский поднимает вопрос о теодицеи, об оправдании Бога перед лицом зла и страдания в мире. Иван Карамазов, интеллектуальный бунтарь, отказывается принимать мир, в котором существует страдание детей. Его знаменитая "легенда о Великом Инквизиторе" – это философская притча о свободе и власти, о выборе между Христом и Антихристом. Достоевский показывает, что свобода – это тяжкое бремя, которое не каждый человек способен нести.

В "Бесах" Достоевский исследует феномен русского нигилизма и революционного экстремизма. Он показывает, как благие намерения, основанные на ложных идеях, могут привести к трагическим последствиям. Достоевский предостерегает от слепой веры в революционные утопии и призывает к духовному возрождению России.

Другим ярким примером конвергенции философии и литературы является творчество Льва Николаевича Толстого. В своих произведениях, таких как "Война и мир," "Анна Каренина," и "Воскресение," Толстой критикует современное общество и проповедует нравственное самоусовершенствование, отказ от насилия и любовь к ближнему. Толстой создает реалистические картины русской жизни, но за этими картинами всегда стоит глубокий философский смысл.

В "Войне и мире" Толстой размышляет о природе истории, о роли личности в истории и о смысле жизни. Он показывает, что история – это не результат воли отдельных личностей, а результат взаимодействия миллионов людей. Толстой проповедует смирение, простоту и близость к народу. "Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подłość", – писал Толстой, подчеркивая необходимость постоянного духовного поиска.

В "Анне Карениной" Л.Н.Толстой исследует тему любви, семьи и брака. Он показывает

трагические последствия нарушения моральных норм и ценностей. Анна Каренина, нарушающая супружескую верность, обречена на страдание и гибель. Толстой проповедует ценность семьи и брака, основанных на любви и верности. В "Воскресении" Толстой обличает социальную несправедливость и лицемерие высшего общества. Он показывает духовное преображение Дмитрия Нехлюдова, который, осознав свою вину перед Катюшей Масловой, посвящает свою жизнь помощи бедным и обездоленным. Толстой призывает к покаянию, прощению и любви к ближнему.

В свою очередь, многие философи, такие как Владимир Соловьев и Николай Бердяев, использовали литературные приемы и образы для выражения своих идей. Соловьев, как уже отмечалось, писал стихи и прозу, в которых воплощал свои философские идеи. Бердяев, с его экспрессивным и образным языком, писал книги, которые читались как романы.

Очевидно, что в России конца XIX века философия и литература тесно переплетены, образуя уникальную культурную среду, в которой художественный образ становится способом философского осмысления, а философская идея – источником вдохновения для литературного творчества. Эта конвергенция обогащает обе области знания, позволяя им глубже проникнуть в тайны человеческой природы и в загадки мироздания. Философия и литература использовались как взаимодополняющие инструменты для исследования человеческой природы, моральных проблем и социальных противоречий. Именно в этом синтезе родились великие произведения русской литературы и философии, которые до сих пор вдохновляют читателей и мыслителей во всем мире.

Конвергенция Мистики, Эзотерики и Культуры в России Серебряного Века. Конец XIX – начало XX века в России – это эпоха не только научных открытий и социальных потрясений, но и глубоких духовных поисков. В атмосфере кризиса традиционной религиозности и разочарования в рационализме расцветает интерес к мистике и эзотерике, к оккультным учениям и восточным религиям. Этот всплеск интереса к иррациональному проникает во все сферы культуры – в философию, литературу, искусство, – оказывая существенное влияние на формирование мировоззрения и творчество многих деятелей Серебряного века. Конвергенция мистики и эзотерики с философией и искусством проявляется в интеграции элементов различных религиозных и мистических учений в философские и художественные системы, в стремлении к синтезу рационального и иррационального, земного и небесного.

Влияние мистики и эзотерики проявилось и в литературе Серебряного века. Символисты, такие как Александр Блок, Андрей Белый и Вячеслав Иванов, использовали мистические мотивы и образы для выражения своих переживаний и философских идей. Они стремились к постижению трансцендентного и потустороннего мира, к раскрытию символического смысла бытия. Александр Блок в своих стихах часто обращался к образу Прекрасной Дамы, символизирующей вечную женственность и божественную любовь. В его поэзии переплетаются земное и небесное, реальное и мистическое. Блок писал: "Вхожу я в темные храмы, / Совершаю бедный обряд. / Там жду я Прекрасной Дамы / В мерцанье красных лампад". Эти строки отражают стремление к духовному просветлению и к встрече с божественным началом.

Андрей Белый в своих романах "Петербург" и "Серебряный голубь" исследует мистические силы, действующие в русской жизни. Он показывает, как хаос и иррациональность проникают в повседневную реальность, разрушая привычные устои. Белый использовал сложный символический язык, полный аллюзий и намеков, чтобы передать атмосферу мистического напряжения и предчувствия катастрофы. Вячеслав

Иванов, поэт и теоретик символизма, разрабатывал концепцию "реалистического символизма," утверждая, что символы – это не просто условные знаки, а реальные силы, действующие в мире. Иванов видел в мифе источник духовной энергии и призывал к возрождению мифологического сознания. Мистика и эзотерика также оказали влияние на русское религиозное возрождение начала XX века. Многие религиозные философы, такие как Николай Бердяев, Сергей Булгаков и Павел Флоренский, интересовались оккультными учениями и восточными религиями. Они пытались синтезировать христианское учение с элементами других духовных традиций, разрабатывая собственные концепции, направленные на преодоление рационалистических ограничений и на раскрытие мистического измерения христианства. Эта конвергенция мистики и эзотерики с философией и искусством привела к возникновению уникального культурного феномена, характеризующегося стремлением к синтезу рационального и иррационального, земного и небесного. Русская культура Серебряного века стала пространством, где границы между религией, философией, наукой и искусством размывались, а художники и мыслители искали новые способы постижения тайны бытия и человеческого существования. Этот поиск, несмотря на его противоречивость и эклектичность, оставил неизгладимый след в истории русской культуры и оказал влияние на развитие мировой мысли.

Рассмотрим методологические принципы исследования конвергенции ценностей российской культуры конца XIX – начала XX веков. Данная задача требует применения специфических методологических принципов, учитывающих исторический контекст, культурную специфику и многогранность ценностных ориентаций.

1. Историзм:

- Принцип: Анализ ценностей в контексте конкретного исторического периода, учитывая социально-экономические, политические и культурные условия России конца XIX – начала XX веков.
- Методы: Исторический анализ, изучение архивных документов, анализ мемуаров и дневников, реконструкция исторического контекста.
- Акцент: Изучение эволюции ценностных ориентаций на протяжении исследуемого периода, выявление факторов, влияющих на ценностные изменения (реформы Александра II, развитие капитализма, революционные движения, Первая мировая война).

2. Культурно-исторический подход:

- Принцип: Рассмотрение ценностей как продуктов конкретной культуры, учитывая религиозные, философские, литературные и художественные традиции России.
- Методы: Анализ литературных текстов, художественных произведений, философских трактатов, религиозных учений, фольклора, традиций и обычаяев.
- Акцент: Изучение влияния православия, славянофильства, западничества, народничества, марксизма, религиозной философии на формирование ценностных ориентаций русской интеллигенции и различных социальных групп.

3. Сравнительный анализ:

- Принцип: Сравнение ценностных ориентаций различных социальных групп (дворянство, крестьянство, интеллигенция, рабочие, буржуазия), а также различных направлений в

русской культуре (славянофильство, западничество, народничество, религиозная философия, модернизм).

- Методы: Анализ социологических данных, сравнительный анализ литературных текстов и философских трактатов, сравнительный анализ данных опросов и интервью.

- Акцент: Выявление общих и специфических черт в ценностных ориентациях различных групп, определение тенденций к сближению или расхождению, выявление факторов, способствующих или препятствующих конвергенции.

4. Изучение "ценостных полей":

- Принцип: Анализ взаимодействия и конкуренции различных ценностных систем (например, традиционные ценности vs. ценности модернизации, религиозные ценности vs. светские ценности).

- Методы: Сетевой анализ, дискурс-анализ, анализ социальных движений, анализ культурных конфликтов.

- Акцент: Выявление доминирующих и маргинальных ценностей, определение механизмов распространения и закрепления ценностей в обществе, анализ конфликтов между различными ценностными системами.

5. Реконструкция ментальности:

- Принцип: Стремление к пониманию мировоззрения и системы ценностей людей, живших в России конца XIX – начала XX веков, через изучение их языка, поведения, обычая и традиций.

- Методы: Герменевтический анализ, феноменологический анализ, этнографические исследования, изучение личных документов (писем, дневников, мемуаров).

- Акцент: Эмпатическое понимание ценностных ориентаций людей прошлого, избегание модернизации и этноцентризма при интерпретации данных.

6. Междисциплинарность:

- Принцип: Интеграция знаний из различных дисциплин, таких как история, культурология, философия, социология, психология, литературоведение и искусствоведение.

- Методы: Междисциплинарные исследовательские проекты, коллaborация между исследователями из разных областей знания, использование методов и теорий из разных дисциплин.

- Акцент: Комплексное понимание ценностей как многоаспектного феномена, требующего интеграции знаний из различных областей знания.

7. Использование категории "разрыв" (discontinuity):

- Принцип: Учет того, что конец XIX – начало XX веков – это время глубоких социальных и культурных разломов, революций и войн, которые радикально изменили ценностную систему российского общества.

- Методы: Анализ переломных моментов в истории, изучение кризисных явлений в культуре, анализ изменений в языке и риторике.

- Акцент: Выявление факторов, вызывающих разрывы в ценностной системе, анализ последствий этих разрывов для культуры и общества.

8. Ориентация на выявление "русской идеи":

- Принцип: Исследование поисков национальной идентичности и "русской идеи" в русской философии и культуре конца XIX – начала XX веков.
- Методы: Анализ философских трактатов В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина, изучение идей славянофилов и западников, анализ литературных произведений, отражающих поиски национальной идентичности.
- Акцент: Выявление различных концепций "русской идеи", анализ их влияния на формирование ценностных ориентаций русской интеллигенции, исследование конфликтов между различными концепциями "русской идеи".

9. Этический подход:

- Принцип: Исследование ценностей прошлого должно проводиться с уважением к культурным традициям и историческому наследию России. Важно избегать навязывания современных ценностей и предвзятых оценок.
- Методы: Объективное представление различных точек зрения, уважительное отношение к культурным традициям и историческому наследию, избегание политической ангажированности.
- Акцент: Беспристрастное изучение и представление ценностей прошлого, признание их значимости для понимания истории и культуры России.

10. Критический подход:

- Принцип: Исследование конвергенции ценностей должно носить критический характер. Важно не только описывать процессы сближения, но и анализировать их причины, последствия и возможные негативные эффекты (например, утрата культурной идентичности, навязывание западных ценностей, подавление индивидуальности).
- Методы: Критический дискурс-анализ, анализ идеологий, выявление властных отношений.
- Акцент: Анализ социальных и политических сил, стоящих за различными ценностными ориентациями, выявление манипуляций и идеологических искажений.

Применение этих принципов на практике позволит исследователю получить более глубокое и объективное понимание процессов конвергенции ценностей в российской культуре конца XIX – начала XX веков. Это поможет выявить сложные взаимосвязи между различными социальными группами, культурными направлениями и философскими течениями, а также понять, как формировалась и трансформировалась ценностная система российского общества в переломный период его истории.

Пределы конвергенции: вызовы и ограничения методологии

Несмотря на значительный эвристический потенциал, конвергентный подход не является универсальным инструментом и сталкивается с рядом ограничений, которые необходимо учитывать при его применении к изучению Серебряного века. Данный раздел посвящен критическому осмыслению границ применимости конвергентной методологии и анализу потенциальных вызовов.

Риск эклектики и потери фокуса: Стремление к интеграции широкого спектра дисциплинарных перспектив может привести к поверхностному рассмотрению отдельных аспектов феномена Серебряного века и потере четкого исследовательского фокуса. Чрезмерный акцент на взаимосвязях между различными областями культуры может заслонить специфику и уникальность каждой из них. Важно соблюдать баланс между интеграцией и дифференциацией, чтобы не редуцировать сложные культурные явления к упрощенным схемам.

Проблема валидности и объективности интерпретаций: Конвергентный подход, основанный на интерпретации различных культурных текстов, подвержен влиянию субъективных взглядов исследователя. Интеграция различных интерпретаций требует тщательного анализа и критической оценки, чтобы избежать предвзятости и искажения исторической реальности. Необходимо учитывать, что "объективная" реконструкция мировоззрения эпохи посредством конвергентного анализа является, в конечном счете, интерпретативной конструкцией.

Сложность сопоставления разнородных данных: Интеграция данных, полученных из различных источников (литературные произведения, художественные работы, философские трактаты, исторические документы), представляет значительную методологическую сложность. Необходимо учитывать специфику каждого типа источника и разрабатывать соответствующие методы их анализа и сопоставления. Недостаточно критический подход к источникам может привести к некорректным выводам и искаженному пониманию культурных процессов.

Ограниченностъ доступных источников: Восстановление целостной картины культурного ландшафта Серебряного века осложняется фрагментарностью и неравномерностью сохранившихся источников. Не все аспекты культурной жизни эпохи в равной степени представлены в доступных материалах, что может привести к искажению перспектив и неполному пониманию. Необходимо учитывать лакуны в источниковой базе и разрабатывать стратегии для их компенсации.

Опасность исторического анахронизма: Применение современных концепций и категорий к изучению прошлого может привести к историческому анахронизму и искажению понимания культурных феноменов Серебряного века. Необходимо учитывать специфику исторического контекста и избегать наложения современных ценностей и взглядов на изучаемую эпоху.

Применение понятия конвергенции к анализу культурно-философской мысли России конца XIX века позволяет увидеть сложные процессы взаимодействия, взаимовлияния и синтеза различных философских направлений, научных идей, литературных течений, религиозных учений и культурных ценностей. Это позволяет сформировать более целостное и глубокое понимание духовной и интеллектуальной атмосферы эпохи, ее ключевых проблем и противоречий, а также ее вклада в развитие русской и мировой культуры. Конвергентный подход позволяет увидеть, как различные элементы культуры и философии взаимодействуют друг с другом, формируя уникальный и сложный культурно-философский ландшафт России конца XIX века.

В заключение, подчеркнем, что реставрация эпохи – это не просто академическое восстановление прошлого, а активное конструирование будущего. Знание о прошлых ошибках и триумфах, о взлетах и падениях цивилизаций, о взаимодействии человека и природы, служит бесценным фундаментом для принятия решений в настоящем и планирования будущего.

Как отмечает Елена Николаевна Князева, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН: «Современное прогнозирование, исследования будущего (futures studies) – это область трансдисциплинарных исследований, базирующихся во все большей степени на теории сложных систем. Исследования будущего, как его определяют сегодня ведущие футурологи мира, – это трансдисциплинарный, базирующийся на системной науке подход к анализу образцов изменений в прошлом, определение трендов и возможных результатов изменений в настоящем и построение альтернативных сценариев возможных будущих изменений, чтобы помочь людям создать то будущее, которое они желают».^[5]

Именно в этом заключается главная цель конвергентного метода реставрации эпохи: изучать прошлое, чтобы знать, как строить будущее, опираясь на научное знание, системный анализ и гуманистические ценности. Понимание закономерностей развития общества, выявление трендов и проектирование альтернативных сценариев будущего позволяют нам не просто адаптироваться к изменяющемуся миру, а активно формировать его, стремясь к созданию более справедливого, устойчивого и гармоничного будущего для всех.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое Средневековье: сост. и ком. В.В. Сапова. – Москва: Канон+, ОИ "Реабилитация", 2002. – 448 с. (История философии в памятниках).
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур (Опыт определения). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/2690024/> (дата обращения: [16.03.2025]).
3. Богатырев Р. Пространства Флоренского | Искусство, образ, символ: Избранные фрагменты. П.А. Флоренский. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях, 1922-1924. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2020/01/25/1622> (дата обращения: [16.03.2025]).
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: составление и комментарии Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
5. Князева Е.Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/konstruirovanie-budushhego/> (дата обращения: [16.03.2025]).
6. Леонтьев К.Н. "Цветущая сложность" не сливающихся в одно признаков как критерий развития общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2014/03/15/knleontev_cvetuwaya_slozhnost_ne_slivayuwihsya_v_odno_priznakov_kak_kriterij_razvitiya_obwestva/ (дата обращения: [16.03.2025]).
7. Михайловский Н. К. Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. науч. тр. / редкол.: Г. Н. Мокшин (отв. ред.) [и др.]; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 300 с.
8. Соловьев Вл. С. Оправдание добра: нравственная философия. – Москва: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.
9. Хомяков А.С. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. Работы по богословию. – М.: Изд-во "Медиум", журнал "Вопросы философии", 1994. – С. 25-71.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению конвергенции как методологического инструмента для анализа культурно-философских процессов Серебряного века в России на рубеже XIX — XX веков. Автор фокусируется на взаимодействии различных «оптик» (философия, литература, религия, наука) и их взаимовлиянии в формировании мировоззрения эпохи. Предмет исследования четко обозначен, однако его границы могли бы быть конкретизированы: например, акцент на Серебряном веке оправдан, но не всегда ясно, как конвергенция соотносится с более ранними или поздними периодами.

Основу методологии составляет конвергентный подход, включающий междисциплинарность, интеграцию данных и теоретический синтез. Автор демонстрирует умение сочетать анализ философских текстов, литературных произведений и исторических контекстов. Однако методологическая часть статьи могла бы быть более детализированной: например, отсутствует четкое описание критериев отбора источников или методов их интерпретации. Также вызывает вопросы отсутствие упоминания о возможных ограничениях конвергентного подхода (риск эклектичности, субъективность синтеза).

Актуальность статьи обусловлена растущим интересом к междисциплинарным исследованиям в гуманитарных науках. Автор убедительно аргументирует, что конвергенция позволяет преодолеть фрагментарность традиционных подходов. Однако связь с современными исследованиями (например, цифровыми гуманитарными науками или постструктуралистскими методами) раскрыта слабо. Это сужает потенциальную аудиторию работы, оставляя её в рамках классической культурологии.

Научная новизна заключается в применении конвергентного подхода к анализу Серебряного века, что позволяет выявить синтез философских, литературных и религиозных идей. Автор вносит вклад в изучение таких фигур, как Соловьев, Бердяев, Достоевский, через призму их взаимодействия с научными и мистическими течениями. Однако часть материала (например, анализ противостояния славянофилов и западников) освещена поверхностно, повторяя известные тезисы из историографии.

Статья написана ясным академическим языком, с логичной структурой. Однако разделы о мистике и эзотерике могли бы быть более сбалансированы: излишний акцент на Блаватской и Гурджиеве создает дисбаланс с другими темами. Также заметны стилистические повторы (например, многократное упоминание «синтеза» без уточнения его механизмов).

Список литературы очень избирателен, фактически отсутствуют ссылки классические работы о конвергенции (например, Ю.М.Лотмана), так и на современные исследования по теме статьи, в принципе нет упоминания зарубежных работ о конвергенции (например, П.Бурдье), что существенно сужает теоретическую базу.

Автор затрагивает дискуссии между славянофилами и западниками, которая в целом находится за пределами основного фокуса статьи, так как исторически предшествует эпохе Серебряного века. К сожалению, полностью отсутствует современная критика конвергентного подхода, например, не рассматривается риск упрощения сложных процессов при междисциплинарном синтезе, что ослабляет позицию статьи в академических дебатах.

Успехами статьи можно назвать междисциплинарную глубину — успешное сочетание анализа философии, литературы и науки демонстрирует потенциал конвергенции как метода, систематизацию материала о религиозной философии, влиянии науки, взаимодействии с литературой, акцент на синтезе идей, доказывающем уникальность Серебряного века.

Нельзя не высказать и некоторых замечаний: во-первых, нужно отметить односторонность источников — преобладание классических трудов и отсутствие

современных исследований снижает актуальность. Во-вторых, поверхностность суждений в отдельных разделах — например, анализ влияния науки ограничивается позитивизмом, игнорируя другие научные парадигмы, даже не называется влияние неокантианства. В-третьих, заметны стилистические недочеты: повторы, дисбаланс в освещении тем (мистика vs философия), недостаточная критика методологии.

Ключевой вывод о том, что конвергенция позволяет реконструировать мировоззрение эпохи через синтез дисциплин, убедителен и подкреплен примерами. Однако утверждение о «преодолении односторонности» требует более четких критериев: как измерить успешность такого синтеза?

Статья будет интересна специалистам по истории русской философии и культуры Серебряного века, а также исследователям, работающим на стыке дисциплин.

Статья заслуживает публикации после устранения указанных недостатков:

1. доработка библиографии — включение современных исследований,
2. углубление методологической части — необходимо добавление разделов о пределах конвергенции и её критике,
3. необходимо уточнить название статьи в текущей версии у читателя создается ложное впечатление, что речь пойдет о конвергенции вне времени, а на самом деле статья об интеллектуальной истории Серебряного века,
4. и формальное замечание — аннотацию необходимо удалить из основного тела статьи, разместив в соответствующем поле в авторской зоне.

Несмотря на отдельные недочеты, публикация в журнале «Философия и культура» статьи «Конвергенция как метод исследования: реконструкция мировоззрения эпохи» после учета высказанных в рецензии замечаний обогатит академический дискурс и стимулирует дальнейшие исследования в области культурной конвергенции.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура», как автор заявил в заголовке («Конвергенция как метод исследования: реконструкция мировоззрения эпохи Серебряного века в России»), является конвергенция как исследовательский метод реконструкции мировоззрения эпохи Серебряного века в России. Предмет заявлен непростой. Что особое требование предъявляет к определению объекта и организации методики исследования. Методологическая цель (например, теоретическое обоснование эвристических преимуществ того или иного метода), как правило, требует обзора уже существующих методов с указанием их слабых мест, где новый метод существенным образом дополняет существующий инструментарий. Соответственно, область актуальных научно-теоретических (методологических) дискуссий в таком целеполагании будет адекватными объектом исследования.

Однако, приходится констатировать, что автор вообще не обращается к анализу той части объективной реальности (культурологический методологический дискурс), которая соответствовала бы предмету его интереса. В статье вообще отсутствует методическое сопровождение исследования, которое, как правило, конкретизирует помимо существующей проблемы объект, предмет, цель, задачи, ведущие к достижению заявленной цели и методы их решения. Автор выбрал путь умозрительного моделирования некоторого прежде неизвестного метода («для понимания глубинных процессов и взаимосвязей, формирующих культурный ландшафт, необходим более

целостный подход. В этой связи, конвергенция, как методологический инструмент, представляется весьма перспективным направлением в культурологических исследованиях», призванного усилить культурологический инструментарий. Вместе с тем, что автор понимает под словом «конвергенция», осталось неясно. Складывается впечатление, что автору попросту понравилось, как звучит слово, и то, что оно часто упоминается в различных публикациях. Хотя, как отмечает рецензент, термин «конвергенция» в методологии науки имеет конкретное значение (см., к примеру, публикации В. С. Степина). Кроме того, современное состояние научно-технического развития предъявляет особые требования к научному творчеству в плане инновационного развития именно конвергентных технологий, основанных на синтезе передовых достижений науки. Базовый термин, использованный для идентификации «нового» метода, автором не разъяснен, область теоретических дискуссий методического обеспечения российской культурологии автором проигнорирована. Перечисленные автором многочисленные методологические принципы не указывают на новизну «нового» метода (например, чем он отличается от системно-деятельностного, ценностно-нормативного, диалогического или комплексного подхода в российской культурологии?).

Отсутствие методического сопровождения запланированного исследования в вводной части статьи вызывает обоснованные сомнения, что автор в принципе способен решать сложные методологические задачи и совершенно не предполагает верификацию изложенных автором результатов в качестве нового научного знания.

Таким образом, приходится признать, что автор заявленный предмет исследования не рассмотрел на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале теоретическом уровне. Рецензент рекомендует автору глубже изучить методологические проблемы российской теоретической культурологии и представить собственные методические инновации в более выгодном свете.

Методология исследования, направленного на методическое совершенствование культурологических исследований, к сожалению, не сложилась. Автор попросту проигнорировал необходимость методически организовать собственное исследование, от чего оно не выдерживает бритвы Оккама и выглядит как попытка сотворить излишнюю сущность.

Актуальность выбранной темы автор поясняет необходимостью поиска релевантной методики реконструкции мировоззрения эпохи Серебряного века в России. Тема интересная, но так и осталось неясно, чем традиционные исторические методы хуже слабо фундированного авторского нововведения.

Научная новизна исследования остается под сомнением.

Стиль текста автор выдержал научный.

Структура статьи не соответствует логике изложения результатов научного исследования: автор игнорирует методические функции содержания разделов научной статьи.

Библиография слабо отражает методологическую направленность исследования и больше выглядит как подборка эмпирического материала для запланированного в отдаленной перспективе исследования.

Апелляция к оппонентам ярко не выражена, что не характерно для методологической статьи: нет теоретической критики существующих подходов, нет обращения к актуальным дискуссионным вопросам теоретической культурологии.

В представленном виде материалы автора вряд ли вызовут теоретический интерес у читательской аудитории журнала «Философия и культура». Рецензент рекомендует автору начать изучение интересующего его вопроса не с изобретения «нового» метода, а с анализа эвристических достоинств уже существующих методик.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Конвергенция как метод исследования: реконструкция мировоззрения эпохи Серебряного века в России», в которой проведен анализ потенциала применения конвергентного подхода как методологического инструмента в культурологическом исследовании.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что Традиционные подходы к изучению культуры зачастую фрагментируют ее, рассматривая отдельные элементы (литературные произведения, художественные направления, философские концепции) в отрыве от общего контекста. Однако для понимания глубинных процессов и взаимосвязей, формирующих культурный ландшафт, необходим более целостный подход. Применение автором понятия конвергенции к анализу культурно-философской мысли России конца XIX века позволяет ему увидеть сложные процессы взаимодействия, взаимовлияния и синтеза различных философских направлений, научных идей, литературных течений, религиозных учений и культурных ценностей. Это делает возможным сформировать более целостное и глубокое понимание духовной и интеллектуальной атмосферы эпохи, ее ключевых проблем и противоречий, а также ее вклада в развитие русской и мировой культуры. Конвергентный подход позволяет увидеть, как различные элементы культуры и философии взаимодействуют друг с другом, формируя уникальный и сложный культурно-философский ландшафт России конца XIX века.

Целью данной статьи является анализ, раскрытие и применение многочисленных направлений интегративного подхода к различным софиокультурным сферам российской культуры периода конца XIX – начала XX века. Для достижения цели автором поставлены следующие задачи: анализ направлений культурно-философской мысли России конца XIX века; рассмотрение методологических принципов исследования конвергенции ценностей российской культуры конца XIX – начала XX веков; определение пределов и ограничений применения конвергентного подхода.

Методологической базой исследования выступил конвергентный подход. Ключевые принципы примененного автором конвергентного подхода включают: междисциплинарность, интеграцию данных, теоретический синтез. Теоретическим обоснованием автору послужили труды таких классиков философской мысли как Бердяев Н.А., Данилевский Н.Я., Соловьев В.С. и др.

На основе анализа научной разработанности проблематики автор приходит к заключению, что стремление к целостному, интегративному знанию, к преодолению дисциплинарной раздробленности и пониманию взаимосвязи различных областей бытия – это не новое веяние, а скорее, глубинная потребность человеческого разума, которая нашла свое выражение в различных формах и в разные исторические эпохи.

Для достижения цели исследования автором применен конвергентный принцип в отношении исследования феномена Серебряного века. Серебряный век русской культуры (конец XIX – начало XX веков) – это эпоха бурного расцвета и духовных исканий, отмеченная появлением новых литературных направлений (символизм, акмеизм, футуризм), расцветом живописи, театра и музыки, а также формированием оригинальной религиозной философии. Применение конвергентного подхода к исследованию Серебряного века позволило автору выйти за рамки традиционного литературоцентричного взгляда и увидеть более полную картину эпохи,

реконструировать мировоззрение данного периода, сформировать целостное представление о его духовной и интеллектуальной атмосфере, понять ее ценности, идеалы и противоречия, увидеть взаимосвязь культурных явлений и отражение в них сложных социальных, политических и духовных процессов, происходивших в России на рубеже XIX и XX веков.

Автором рассмотрены методологические принципы исследования конвергенции ценностей российской культуры конца XIX – начала XX веков: историзм, культурно-исторический подход, сравнительный анализ, изучение «ценностных полей», реконструкция ментальности, междисциплинарность, использование категории "разрыв", ориентация на выявление "русской идеи", этический подход, критический подход.

Автором на основе конвергентного подхода проделан детальный анализ отдельных направлений культурно-философской мысли России конца XIX века: философские направления (в т.ч. религиозная философия), влияние науки и техники на философскую мысль, неокантианство, взаимодействие философии и литературы, конвергенция мистики, эзотерики и культуры.

Автор рассматривает ряд ограничений, которые необходимо учитывать при применении конвергентного подхода к изучению Серебряного века, а именно: риск эклектики и потери фокуса, проблема валидности и объективности интерпретаций, сложность сопоставления разнородных данных, ограниченность доступных источников, опасность исторического анахронизма.

В заключении автором представлен вывод, содержащий основные положения проведенного исследования.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что применение интегративного междисциплинарного подхода в культурологических исследованиях представляет несомненный теоретический и практический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет довольно четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Однако библиографический список состоит всего лишь из 9 источников и не включает все труды, на которые автор ссылается в тексте исследования, что является недостаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Автору рекомендуется доработать данный вопрос.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Англоязычные метаданные

The myth of Gong and Yu: as a mythological reflection of the transition from matriarchy to patriarchy among the Xia people

Yang Chenbei

PhD in Cultural Studies

Postgraduate student; Institute of Philosophy; St. Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, office 32

✉ st106502@student.spbu.ru

Abstract. This article examines the transition from a matriarchal to a patriarchal society through the prism of cultural phenomena. The article consists of two parts. The first part characterizes two specific cultural phenomena in China – the cult of totems and the Chanwen system – and uses the idea that the transition from a matriarchal society to a patriarchal one was contradictory and non-linear. In the second part, using the example of the ancient Chinese myth of Gong and Yu's struggle with the flood, the phenomenon of Yu's miraculous birth without the participation of a woman is analyzed. Further, based on a series of stories about Yu's marriage to Tushan and data on the change in the marriage system that occurred during this era, the author considered how the matriarchal system is being reborn into a patriarchal one. This article examines the transition from a matriarchal to a patriarchal society through the prism of cultural phenomena. First, the article characterizes two specific cultural phenomena in China – the cult of totems and the Chanwen system – and uses the idea that the transition from a matriarchal society to a patriarchal one was contradictory and non-linear. Secondly, the article, based on a series of stories about Yu's marriage to Tushan and data on the change in the marriage system that took place during this era, examines how the matriarchal system is reborn into a patriarchal one. When male reproductive law was established, the right to transfer the paternal surname to descendants and the hereditary right of father and son, etc., the transition of the Xia nation from matriarchy to patriarchy and the formation of a class society were completed.

Keywords: social system, tribal society, Shan Hai Jing, Chinese history, patriarchy, matriarchy, inheritance, kinship, flood myth, Chinese mythology

References (transliterated)

1. Vosem' Shiben. Shankhaiskoe kommercheskoe izdatel'stvo, 1957. S. 90.
2. Go Yui (Rechi tsarstv). Per. s kit., vступление и примечания V.S. Taskina. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1987. S. 62.
3. Gu Tsili. Novaya interpretatsiya legendy o bor'be s navodneniem Guna i Yuya. Zhurnal Tsentral'no-Kitaiskogo pedagogicheskogo universiteta, 1991. Vypusk 4.
4. Dun Tsisyan. Novoe issledovanie Tushanya. Zhurnal Chuntsinskogo pedagogicheskogo instituta (izdanie po filosofii i sotsial'nym naukam), 1982. № 1.
5. Katalog gor i morei (Shan' khai tszin). Per. s kit. E.M. Yanshinoi. M.: Natalis - Rapol klassik, 2004. S. 127-164.
6. Morgan L.G. Drevnee obshchestvo. L.: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935. S. 281.
7. Men-tszy. Predislovie L.N. Men'shikova, per. s kit. i primechaniya V.S. Kolokolova.

- SPb., 1999. S. 132.
8. Sun Chzhun-en. Gun. Kul'turnye relikvii Chzhun Yuanya, 1989. Vypusk 1.
 9. U Bin'-an. Kitaiskii fol'klor. Chanchun': Izdatel'stvo Chanchun', 2014. S. 202-203.
 10. Fan Syandun. Annotirovannyi sbornik Da Dai Li Tszi. Pekin: Knizhnaya kompaniya Chzhunkhua, 2008. S. 729-737.
 11. Frezer Dzh. Zolotaya vety'. Issledovanie magii i religii: V 2 t. T. 1: GI. I-XXXIX / Per. s angl. M. Ryklina. M.: TERRA-Knizhnyi klub, 2001. S. 204.
 12. Chzhao E. Khroniki "U Yue Chun' Tsyu". Pekinskoe ob"edinennoe izdatel'stvo, 2015. S. 346.
 13. Chzhuantszy, glava "Daochzhi" (盜跖).
 14. Adamson Khebel' E. Antropolop: izuchenie cheloveka. Universitet Minnesoty, 1972 (tsit. po: Cui Dewang, "An Exploration of the Procreative Ownership System". Yinshan Journal, No. 2, 2003).
 15. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva: V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana. M.: Politizdat, 1989. S. 67-73.
 16. Yuan' Ke. Mify drevnego Kitaya. M.: Nauka, 1987. S. 207.
 17. Yuan' Ke. Pisaniya "Shan' khai tszin". Izdatel'stvo "Shankhaiskie drevnie knigi", 1980. S. 268.
 18. 洪兴祖. 楚辞补注. 北京:中华书局, 2002. 第97-98页. [Khun Sintszu. Dopolnitel'nye zameтки po ritorike Chu. Pekin: Chzhunkhua Shutszyui, 2002. S. 97-98.]
 19. 礼记·礼运. [Li tszi, glava "Li Yun" ("Tsirkulyatsiya blagopristoinosti").]
 20. 李传江. “共工即鲧说”疑. 连云港高等专科学院学报, 2008年第12期. [Li Chuan'tsyan. Somneniya po povodu teorii o tozhdestve Gunya i Gunguna. Zhurnal Lyan'yun'ganskogo vysshego spetsializirovannogo kolledzha, Vypusk 12, 2008.]
 21. Vesny i oseni gospodina Lyuya (Lyuishi chun'tsyu), gl. 20 "Slova i dela" (Sin Lun'). Per. G. A. Tkachenko. Sost. I.V. Ushakova. M.: Mysl', 2010.
 22. Sya ben'-tszi / Syma Tsyan'. Istoricheskie zapiski (Shi tszi). T. I. Per. s kit. i komment. R.V. Vyatkina i V.S. Taskina pod obshchei redaktsiei R.V. Vyatkina. Vstupitel'naya stat'ya M.V. Kryukova, Izdanie vtoroe, ispravленное и дополненное. M.: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, 2001. S. 163.
 23. 司马迁. 史记(二十四史修订本). 北京:中华书局, 2014年. 第65页. [Syma Tsyan'. Shi tszi (peresmotrennoe izdanie dvadtsati chetyrekh istorii). Pekin: Chzhunkhua Shutszyui, 2014. S. 65.]
 24. 孙致中. 禹的婚姻问题. 河北大学学报, 1981年第2期. 第43-46页. [Sun' Chzhichzhun. Problema braka Yuya. Zhurnal Khebeiskogo universiteta, 1981, № 2. S. 43-46.]
 25. 杨栋. 共工非鲧考--兼及与禹之关系. 古籍整理研究学刊, 2009年第6期. [Yan Dun. Issledovanie o tozhdestvennosti personazhei Gunya i Gunguna, i ikh svyazi s Yuem. Zhurnal istoricheskikh issledovanii i izyskanii, No. 6, 2009.]

Creativity of Vasiliy Rozanov: interaction between public and private worlds as the realizing understanding

Akimov Oleg Yur'evich

PhD in Philosophy

Associate Researcher; Western Branch of the Russian Academy of Sciences and GS under the President of the

Russian Federation

62, Artillery Street, Kaliningrad, 236016, Russia, Kaliningrad Region

✉ aktula1@gmail.com

Abstract. Creativity of V. V. Rozanov is considered as a semantic unity in which the intention of understanding brings together stylistically and meaningfully the different worlds of the treatise "On Understanding" and the later works of the thinker. The convergence of this words basis by Rozanov on the cultural opposition between the public and the private. We restore the immutable meaning of Rozanov's creativity, using methodological statements of the another great russian thinker M.M. Bachtin. We study the world of V. V. Rozanov as the dialogical coordination of two opposite trends. One of this trends is giving by Rozanov by means of the exteriorization. This exteriorization supposes the perception of the understanding as the concept of the public world. On the other hand we observe by Rozanov the another tendency, that can be called the interiorization. According to this tendency plots, topics and images of Rozanov's late works can be interpreted in the connection with immanent features of the understanding, reflecting in such the private word of the thinker. Actually this worlds by Rozanov can be interchanged, adding each other, therefore pays Rozanov intention to coincidences, mistakes, dark sides of the word, that does not depend on the person. The peculiarity of Rozanov's vision includes the opportunity to combine this trends. Rozanov does not choose one of this ways. He stresses, that the person in the real life does not have opportunity to make this choose. One opportunity does not exclude by Rozanov the another, that can explain contradictions of his creativity, making his world closer to our own position. Rozanov in contrast to Bachtin, had created his own literature world and deals with the real world, that is unpredictable and strange. This state helps Rozanov to understand the worries of the people and to describe the world as the unsolvable problem.

Keywords: Person, Things, Vision, Life, Interaction, Position, Private, Public, Understanding, World

References (transliterated)

1. Losev A. F. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 525 s.
2. Bibikhin V. V. Vremya chitat' Rozanova. // Rozanov V. V. Sochineniya: O ponimanii. Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znanija. M.: Tanaïs, 1995. S. 9-25.
3. Losev A. F. Mif. Chislo. Sushchnost'. / Sost. A. A. Takho-Godi; Obshch. red. A. A. Takho-Godi i I. I. Makhan'kova. M.: Mysl', 1994. 919 s.
4. Reznichenko A. I. Chto znachit "ponimat"? Chast' pervaya. Vasilii Vasil'evich Rozanov o ponimanii // Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie". 2023. № 1. S. 48-58. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-48-58 EDN: SCBHRA.
5. Semenyuk A. P. Gnoeologicheskaya problematika v traktate "O ponimanii" V. V. Rozanova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2014. T. 20. № 4. S. 118-121. EDN: SNYBCL.
6. Rozanov V. V. O ponimanii. / Pod red. V. G. Sukacha. M.: Tanaïs, 1995. 808 s.
7. Kant I. Sochineniya: v 6 t. T. 3. M.: Mysl', 1964. 800 s. EDN: SNDPHX.
8. Hegel'. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. Filosofiya dukha. M.: Mysl', 1977. 470 s.

9. V. V. Rozanov: pro et contra, antologiya / sost., vstup. stat'ya, komment. A. Ya. Kozhurina. SPb.: RKhGA, 2021. 824 s.
10. Gaidenko P. P. Proryv k transsidentnomu: novaya ontologiya KhKh veka. M.: Respublika, 1997. 495 s. EDN: SCTYQZ.
11. Zolotarev A. V. Tema zla v rannem tvorchestve Vasiliya Rozanova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2018. № 3. S. 105-117. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-3-105-117 EDN: YLJCVF.
12. Skorodumov S. V. Osobennosti religiozno-filosofskikh vzglyadov V. V. Rozanova // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 1997. № 3. S. 16-20.
13. Glebov O. A. Kontsept ponimaniya i ego idealisticheskaya traktovka v teoreticheskoi filosofii V. V. Rozanova // Istoryya filosofii. 2021. № 1. S. 87-98. DOI: 10.21146/2074-5869-2021-26-1-87-98 EDN: QPJKN.
14. Sobolev A. V. O russkoi filosofii. SPb.: Izdatel'skii dom "Mir'", 2008. 496 s. EDN: QWTKSJ.
15. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransa Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. 2-e izd. M.: Khudozh. lit, 1990. 543 s. EDN: VQMUNR.
16. Akimov O.Yu. «Samoe Samo» Vasiliya Rozanova // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 9. S. 106-127. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.9.44078 EDN: XVQNDK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44078
17. Rozanov V. V. Uedinennoe. / Sost., vstup. stat'ya, komment., bibliogr. A. N. Nikolyukina. M.: Politizdat, 1990. 543 s.
18. Bibikhin V. V. Drugoe nachalo. SPb.: Nauka, 2003. 430 s. EDN: QOTCUX.
19. Gryakalov A. A. Ponimanie i neopredelennost' (Opyt V. V. Rozanova) // Filosofskie issledovaniya. 2016. T. 5. № 1/2 (9/10). S. 80-106.
20. Rozanov V. V. Sobr. soch. Kogda nachal'stvo ushlo... / Sost. P. P. Apryshko i A. N. Nikolyukin. M.: Respublika, 2005. 671 s.
21. Rozanov V. V. Sobr. soch. Mimoletnoe / Pod obshch. red. A. N. Nikolyukina. M.: Respublika, 1994. 541 s.
22. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M.: Khudozh. lit, 1975. 504 s.
23. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / Sost. S. G. Bocharov; Tekst podgot. G. S. Bernshtein i L. V. Deryugina; Primech. S. S. Averintseva i S. G. Bocharova. 2-e izd. M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.
24. V. V. Rozanov: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Kniga 2. / sost., vstup. st. i primech. Fateev V. A. SPb.: RKhGI, 1995. 562 s.
25. Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. M.: Mysl', 1993. 960 s. EDN: SYYMHJ.
26. Zen'kovskii V. V. Istoryya russkoi filosofii. M.: Akademicheskii Proekt, Raritet, 2001. 880 s.

The image of the Megalopolis in the context of the concept of neotechnical development by P. Geddes and L. Mumford.

Associate Professor; Department of Social Sciences and Humanities and Technologies; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'National Research Moscow State University of Civil Engineering'

129337, Russia, Moscow, Yaroslavskoye highway, 26

 m9288@inbox.ru

Abstract. The subject of the research is the image of the Megalopolis and its interpretation in the works of P. Geddes and L. Mumford. The image of the Megalopolis, on the one hand, is connected with the development of the utopian tradition in culture. On the other hand, it has a direct relation to the concepts of technogenic civilization and the idea of technical progress. The aim of the work is to examine the image of the Megalopolis in the context of the concepts of neo-technical development by leading urbanism and philosophy of technology theorists of the 20th century – P. Geddes and L. Mumford. The relevance of the topic under development is determined by its significance for understanding the patterns of modern urban development. The study of the image of the Megalopolis in the works of leading urbanists and philosophers of the 20th century is highly relevant for contemporary urban studies and urban planning, as solving the problems of modern city development largely requires studying them in a historical context. A comprehensive methodological approach was used in writing the article, combining hermeneutic interpretation of a number of concepts and terms from the philosophy of the city by P. Geddes and L. Mumford, exposition, as well as comparative analysis of the content of their works. The novelty of the research lies in the interpretations of the image of the Megalopolis in light of the concept of neo-technical development. While the issues of the Megalopolis in the works of P. Geddes and L. Mumford have been examined multiple times, relating it to the theory of transition from paleotechnology to neotechnology, formulated by P. Geddes and developed by L. Mumford, is innovative. The intensive growth of European cities that began during the industrialization era was subjected to thorough analysis in the philosophy of technology and urbanism of the 20th century. In the studies of P. Geddes and L. Mumford, very accurate forecasts were made that anticipated the most important trends in urban environment development and were confirmed in practice. Issues of modern urban planning, such as the rapid growth of metropolitan megalopolises and the desolation of peripheral cities, the problem of resource conservation in the process of renovation and gentrification of urban areas, can be addressed using the approaches proposed by P. Geddes and L. Mumford within the framework of the concept of the neo-technical city (ideas of "reconstruction," "practical economy," etc.). Therefore, the critical reflection on the image of the Megalopolis by these thinkers remains highly relevant in the context of modern urban planning strategies.

Keywords: evolutionism in urban studies, urbanization, industrialization, paleotechnics, neotechnics, Megalopolis, L. Mumford, P. Geddes, new urbanism, philosophy of the city

References (transliterated)

1. Al'-Dzhaberi A.A. Gradostroitel'nye idei i kontseptsii, povliyavshie na razvitiye dvizheniya Novogo urbanizma // Urbanistika. 2020. № 2. S. 41-61. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.2.32838 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32838
2. Bodriyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury / M.: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 269 s.
3. Vershinina I.A. Prostranstvennaya organizatsiya postindustrial'nogo obshchestva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2024. № 4. S.

- 95-110. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-95-110. EDN: XTBIIIV.
4. Virt L. Urbanizm kak obraz zhizni // Virt Luis. Izbrannye raboty po sotsiologii. 2005. S. 89-113. EDN: NDRSEJ.
 5. Garaganov A.V. Kak intellektual'nye tekhnologii menyayut obshchestvo i prostranstvo bol'shogo goroda // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2024. № 1. S. 96-101. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-1-96-101.
 6. Geddes P. Goroda v evolyutsii (izbrannye glavy) / per. s angl. V.G. Nikolaeva // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sotsiologiya. 2021. № 3. S. 149-177. EDN: GWXPCC.
 7. Glazychev V.L. Urbanistika. M.: Evropa, 2008. 220 s. EDN: QNNCTB.
 8. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' // Logos. 2002. № 3-4.
 9. Kopylova L.V. Sovremennaya arkitektura mira. Vyp. 20 (1/2023). S. 239-259. DOI: 10.25995/NIITIAG.2023.20.1.011. EDN: PSALYK.
 10. Terborn I. Kak ponyat' goroda: sovremennyi krizis i ideya gorodov bez gosudarstva // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2013. № 1. S. 20-40. EDN: PYBKMR.
 11. Khasieva M.A., Tskhovrebova B.F. Sotsial'naya utopiya v viktorianskoi literature (na materiale romana U.G. Khadsona «Khrustal'nyi vek») // Filosofskaya mysl'. 2024. № 11. S. 65-75. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.71498 EDN: MEESRV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71498
 12. Kheizinga I. Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury. / Per. D.V. Sil'vestrova. M.: Progress - Traditsiya, 1997. 416 s.
 13. Geddes P. Cities in Evolution. L.: Routlend; Thoemmes Press Reprint, 1997. 409 p.
 14. Gottmann J. Megalopolis: the urbanized northeastern seaboard of the United States. N.Y.: Twentieth Century Fund, 1961. 810 p.
 15. Guattari F. The Three Ecologies. New Jersey, 2000. 174 p.
 16. Marcuse P., Van Kempen R. Globalizing cities: a new spatial order? Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2000. 318 p.
 17. Mumford L. The Culture of Cities. L.: Routlend; Thoemmes Press Reprint, 1997. 530 p.
 18. Mumford L. The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1961. 657 p.
 19. Megaregions: Planning for Global Competitiveness / ed. by C.L. Ross. Washington: Island press, 2009. 307 p.
 20. Simmel G. The sociology of space // Simmel on Culture: Selected Writings / Ed. by D. Frisby, M. Featherstone. L.; Thousand Oaks, 1997.

The Project of "Information Ontology" in Gilbert Simondon's Theory of Individuation

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

 vlad2015@yandex.ru

Abstract. Social researcher Gilbert Simondon (1924–1989) was one of those recognized as a philosopher of information. Simondon's lifelong philosophical project was to explain what we today call "information ontology", a subject that deserves to be explored in detail. This article

argues that Simondon's "information ontology" was created not only in the context of the cybernetic tradition, but also within the framework of the positioning of a new materialism that was intended to change contemporary debates around issues related to information, communication and technology. Furthermore, the article explores the concepts of "organization" and "information", the combination of which considers the science of the individual as a process of not only living but also psychosocial individuation, constituted by transindividual relations. The research methodology includes such general scientific approaches as the descriptive method, the method of categorization, the method of analysis, observation and synthesis. As a result, it was established that in Simondon's theory, information is a formula for individuation. And moreover, for Simondon, it is a tension, not a term; it is based on a minimally heterogeneous problem and affects the future in order to resolve emerging states. Information always implies not only a change of phase or heterogeneity, which may seem decisive, but it is also a semantic content, thanks to which the system is individualized. Therefore, information is the basis of individuation, a requirement for individuation, it is never something given. This is why the appeal to the concept of "information" as the "information potential" of the organization of the system, and not as a form, emphasizes that the emerging meaning requires something unsaturated, namely, incomplete formation.

Keywords: metastability, hylomorphism, communication, organization, information, cybernetics, transduction, individuation, Simondon, transindividual

References (transliterated)

1. Snou Ch.P. Dve kul'tury. M.: Izdatel'stvo «Progress», 1973. 146 s.
2. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 335 p.
3. Hartley R. Transmission of Information. // Bell System Technical Journal. 1928. № 7(3). P. 535-563.
4. Khartli R. Peredacha informatsii – teoriya informatsii i ee prilozheniya. M.: Progress, 1959. 312 s.
5. Shannon C.E. The Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. № 27 (3). P. 379-423.
6. Osgood C.E. The Nature and Measurement of Meaning // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49. №. 3. P. 197-237.
7. Floridi L. Information: A Very Short introduction. London: Oxford University Press, 2011. 406 p.
8. Conway F., Siegelman J. Dark Hero of the Information Age: In Search of Norbert Wiener the Father of Cybernetics. New York: Basic Books, 2009. 464 p.
9. Viner N. Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine. M.: Progress, 1968. 420 s.
10. MacKay D. Information, Mechanism, and Meaning. Cambridge: MIT Press, 1969. 196 p.
11. Allo P. Putting Information First: Luciano Floridi and the Philosophy of Information. Wiley-Blackwell, 2011. 208 r.
12. Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. The MIT Press, 1983. 288 p.
13. Simondon Zh. Individ i ego fiziko-biologicheskii genezis. M.: IOI, 2022. 484 s.
14. Svirskii Ya.I. Kontseptual'nye osobennosti filosofskoi strategii Zhil'bera Simondona // Idei i idealy. 2017. T. 1. № 3 (33). S. 111-125.
15. Bertalanfi L. fon. Obshchaya teoriya sistem: kriticheskii obzor // Issledovaniya po

- obshchei teorii sistem. M.: Progress, 1969. S. 23-82.
16. Geodakyan V.A. Kontseptsiya informatsii i zhivye sistemy. // Zhurnal obshchei biologii. 1975. T. 36. №3. S. 336-347.
17. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
18. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
19. Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. New York: The MIT Press, Cambridge 1961. 212 p.
20. Bardin A. Epistemology and Political Philosophy in Gilbert Simondon. Dordrecht: Springer, 2015. 251 p.
21. Simondon Zh. Psikhicheskaya i kollektivnaya individuatsiya. M.: IOI, 2023. 704 s.
22. Deleuze G. Desert Islands and Other Texts 1953–1974. L.: Distributed by the MIT Press, 2004. 323 p.
23. Simondon G. On the Mode of Existence of Technical Objects. Minneapolis: Univocal Publishing, 2017. 271 p.

Representation of China's National Identity in Russian Travel Blogs

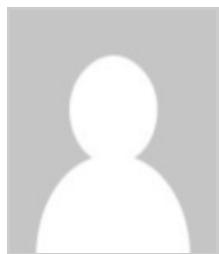
Pang Shuwen

PhD in Art History

Postgraduate student; Faculty of Arts; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ hang.tsui@yandex.com

Abstract. In the digital age, travel blogs serve as both a source of personal impressions and a powerful mediator of cultural images, shaping intercultural interaction and public discourse. Unlike traditional media, they combine personal narratives, visual aesthetics, and interactivity, shaping national perceptions. This study examines how China's national identity is represented in Russian travel blogs and its impact on the Russian audience's perception. The focus is on blogs covering China's cultural, social, and historical aspects, analyzing visual and textual codes and discursive strategies used in representation. The study employs an interdisciplinary approach, integrating content analysis (identifying key themes), discourse analysis (examining rhetorical strategies), and semiotic and visual analysis. Blogs were selected based on popularity and audience engagement. The research is novel in exploring travel blogs as a key media resource shaping perceptions of China's national identity, unlike previous studies focused on official media. By incorporating user comment analysis, it bridges a gap in intercultural communication studies, showing how digital media influence national images. Findings confirm that travel blogs present China through three key representations: cultural heritage, technological development, and exoticization. Blogs by Ptushkin and Pavlov highlight traditions and gastronomy, fostering deeper cultural understanding, while Varlamov's content on digital surveillance elicits polarized reactions, from admiration for technological progress to criticism of state control. Analysis of user comments shows that travel content not only informs but also actively shapes public perception of China, influencing intercultural dialogue and discourse in Russian media.

Keywords: Media Representation, Social Values, Intercultural Dialogue, Cultural Stereotypes, Globalization Impact, Chinese Culture, Travel Blogs, Cultural Exchange, National Identity,

References (transliterated)

1. Galuza A. G., Grigor'ev N. Yu. Transformatsiya travel-zhurnalistiki v istoricheskoi perspektive // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2024. №1 (51). S. 55-62.
2. Ptushkin A. Proba tarantula v Kitae [Video] // YouTube. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=baDkK2YNfAw#~:text=ANTON%20PTUSHKIN%20PROBUET%20ZhARENOGO%20TARANTULA,Inter%20TV> (data obrashcheniya: 01.08.2024).
3. Varlamov I. Kitai: strana slezhki? [Video] // YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=obBXWaRIW0Q#~:text=za%20kazhdym%20tvoim%20shagom> (data obrashcheniya: 01.08.2024).
4. Georgiev Travel. Ofitsial'nyi blog Pavla Georgieva [Elektronnyi resurs]. 2023. URL: <https://georgiev.travel/blog> (data obrashcheniya: 01.08.2024).
5. DenvasTV. Instagram blog o Kitae [Elektronnyi resurs]. 2023. URL: <https://instagram.com/denvastv> (data obrashcheniya: 01.08.2024).
6. Dolya S. Pekin-Taiyuan'. Oborudovanie krugosvetnoi ekspeditsii [Video] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oqSHYKwGE18&list=PLu3iRKk2zLmr6ARr6RPffTR11NahoXgpi&index=4> (data obrashcheniya: 01.08.2024).
7. Fal'kova E. G. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v osnovnykh ponyatiyakh i opredeleniyakh: Metodicheskoe posobie. SPb.: F-t filologii i iskusstv SPbGU, 2007. 77 s.
8. Erofeeva I. V. Aksiologiya mediateksta v rossiiskoi kul'ture: tsennostnaya refleksiya zhurnalistiki nachala XXI veka. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet im. N.G. Chernyshevskogo, 2009. 297 s.
9. Do V. Formirovanie natsional'nogo obraza Rossii v svete teorii proksimizatsii (na materiale kitaiskogo perevodnogo teksta - Vystupleniya S. Lavrova na obshchepoliticheskikh debatakh 78-i sessii GA OON) // Politicheskaya lingvistika. 2024. №2 (104). S. 185-196.
10. Lyapun S. V. Obraz Vostoka v trevel-tekstakh rossiiskikh sredstv massovoi kommunikatsii // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2019. №3 (242). S. 32-36.
11. Shkuropat S. G., Gerasimenko E. P. Rol' travelogov i trevel-blogov v formirovaniyu obraza strany (na primere Ispanii) // Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury. 2015. S. 158-163.
12. Egorova K. G., Lukina M. O. Yazykovaya reprezentatsiya obraza Rossii v koreiskom internet-diskurse (na materiale trevel-blogov) // Innovatsionnaya paradigma razvitiya sovremennykh gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2020. S. 120-124.
13. Nesterova N. G., Sabaeva Yu. S. Reprezentatsiya mediaobraza Kitaya v rossiiskoi sotsial'noi seti (na materiale postov o kitaiskoi populyarnoi muzyke i kommentariev k nim) // Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti. 2023. T. 2. №4. S. 191-196.
14. Pikabu. Obsuzhdenie stereotipov o Kitae [Elektronnyi resurs]. 2023. URL: <https://pikabu.ru/tag/Kitai,Stereotipy/hot?page=3> (data obrashcheniya: 01.08.2024).

The idea of «eternal life» in the work of V.I. Vernadsky

Popova Liana Vladimirovna □

PhD in Cultural Studies

Senior Lecturer; Department of Philosophy, State University of Management

109542, Russia, city, Moscow, ave. Ryazansky, 99, office. 463U

✉ pliana@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the idea of «eternal life» in the worldview of V.I. Vernadsky, which is associated with the doctrine of «living matter». The purpose of the study is to show that the ideas of V.I. Vernadsky have deep historical, philosophical and historical-scientific roots, which can be understood as an integral consequence of the general process of cultural evolution of mankind, within the framework of which the initiative to give a historically defined and integral characteristic of worldview can proceed from one form or another spiritual culture (religion, morality, art, philosophy, science, etc.). The tasks of the study include: consideration of the most significant ideas and concepts (primarily from the point of view of V.I. Vernadsky) in the history of philosophy and science, which played an important role in the formation of the doctrine of «eternal life». In this study, a comprehensive cultural approach was applied, combining comparative, phenomenological and psychoanalytic research methods. The scientific novelty of this study is determined by the author's approach to the analysis of the selected object, the involvement of new sources in the scientific research. The author pays attention to the analysis of the connection between the «logic of natural science» and the doctrine of «living matter», the characterization of the concepts of «living matter», «eternity of life» and «noosphere» as the most characteristic expressions of the naturalistic worldview of V.I. Vernadsky. The main conclusion of this study was that the idea of «eternal life» was the main idea in the worldview of V.I. Vernadsky. Vernadsky raised an important question about the «logic of natural science» in connection with the doctrine of the «eternity of life».

Keywords: Aristotle, Teilhard de Chardin, Édouard Le Roy, noosphere, biosphere, natural science logic, living material, eternity of life, Vladimir Vernadsky, Democritus

References (transliterated)

1. Aksenov G.P. Vernadskii. M.: Soratnik, 1994. 544 s.
2. Aksenov G.P. O nauchnom odinochestve Vernadskogo // Voprosy filosofii. 1993. № 6. S. 74-87.
3. Borisova T.F. Voprosy tsivilizatsii v teoriyakh noosfery V.I. Vernadskogo // Tsivilizatsiya i istoricheskii protsess. M.: Znanie, 1983. S. 145-151.
4. Vernadskii V.I. Biosfera i noosfera. M.: Nauka, 1989. 258 s.
5. Vernadskii V.I. Dnevniki 1917-1921 gg. Kiev: "Nauk. Dumka", 1994. 271 s.
6. Vernadskii V.I. Dnevnik 1922 goda // ARAN. F. 512. Op. 2. D. 4. L. 312.
7. Vernadskii V.I. Dnevnik 1923 g. // ARAN. F. 518. Op. 2. D. 12. L. 4.
8. Vernadskii V.I. Dnevnik 1923 g. // ARAN. F. 518. Op. 2. D. 12. L. 6.
9. Vernadskii V.I. Dnevnik 1924 g. // ARAN. F. 518. Op. 2. D. 12. L. 7.
10. Vernadskii V.I. Dnevnik 1924 g. // ARAN. F. 518. Op. 2. D. 46. L. 68.
11. Vernadskii V.I. Dnevnik 1925 g. // ARAN. F. 518. Op. 2. D. 13. L. 1.
12. Vernadskii V.I. Zhivoe veshchestvo i biosfera. M.: Nauka, 1994. 669 s.
13. Vernadskii V.I. Zapisi 1890-1894 gg. // Novyi mir. 1988. № 3. S. 207-233.
14. Vernadskii V.I. Nauchnaya mys' kak planetnoe yavlenie. M.: "Nauka", 1991. 272 s.

15. Vernadskii V.I. Nachalo i Vechnost' zhizni. M.: "Sov. Rossiya", 1989. 702 s.
16. Vernadskii V.I. Perepiska V.I. Vernadskogo i B.L. Lichkova. M.: "Nauka", 1979. 271 s.
17. Vernadskii V.I. Perepiska V. I. Vernadskogo s B. L. Lichkovym. 1940-1944. M.: Nauka, 1980. 224 s.
18. Vernadskii V.I. Filosofskie mysli naturalista. M.: Nauka, 1988. 519 s.
19. Vernadskii V.I. Khimicheskoe stroenie biosfery i ee okruzheniya. M.: Nauka, 1965. 374 s.
20. Vladimir Ivanovich Vernadskii. Materialy k biografii. (Prometei. T. 15). M.: Molodaya gvardiya, 1988. 352 s.
21. Galimov E.M. Ob akademike V.I. Vernadskom: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya. M.: Nauka, 2013. 229 s.
22. Girenok F.I. Teoreticheskii smysl "edinoi nauki" v kontseptsii noosfery V.I. Vernadskogo // Vestnik MGU. Seriya 7, Filosofiya. 1980. № 1. S. 51-56.
23. Druzhinina A.A. Ponyatie "nauchnogo apparata" v trudakh Vernadskogo // Voprosy dialekticheskogo materializma. M.: B.i., 1963. S. 73-76.
24. Zhdanov Yu.A. Kontseptsiya kul'tury v trudakh Vernadskogo // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 1995. № 1. S. 19-24.
25. Zabelin I.M. Razvitie geograficheskoi myсли i V.I. Vernadskii (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya) // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1983. № 1. S. 120-126.
26. Zarubin G. Metodologiya nauchnogo poznaniya v trudakh V.I. Vernadskogo (kontseptsiya vremeni) // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 1994. № 4. S. 25-34.
27. Kozikov I.A. Filosofskie vozzreniya Vernadskogo. M.: Izd. Mosk. univ-ta, 1963. 78 s.
28. Leibnits G.V. Sochineniya v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1983. 686 s.
29. Materialisty Drevnei Gretsii. M.: Gospolitizdat, 1955. 239 s.
30. Mikulinskii S.R. Vernadskii — istorik nauki // Vernadskii V.I. Trudy po vseobshchei istorii nauki. M.: Nauka, 1988. S. 19-42.
31. Mochalov I.I. Vladimir Ivanovich Vernadskii. M.: Nauka, 1982. 488 c.
32. Oken L. O svete i teplote kak izvestnykh sostoyaniyakh vsemirnogo tyagoteniya. Spb: Tipogr. Ios. Ioannesova, 1816. 60 s.
33. Popova L.V. V.I. Vernadskii i russkaya filosofiya // Mezhdunarodnyi elektronnyi zhurnal. Ustoichivoe razvitiye: nauka i praktika. 2023. № 1(35). S. 1-4. URL: <http://www.yrazvitie.ru/wp-content/uploads/2023/07/01-Popova.pdf>
34. Priroda - obshchestvo - chelovek: Materialy Evraziiskoi nauchnoi konferentsii po fundamental'nym i prikladnym problemam upravleniya ustoichivym razvitiem v sisteme (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Vernadskogo), Moskva, 24 maya 2023 goda. M.: Gosudarstvennyi universitet upravleniya, 2023. 137 s.
35. Pronin N.N. V.I. Vernadskii o ponyatii "nauchnoe mirovozzrenie" // Filosofsko-metodologicheskie voprosy estestvеннонаучного и социального познания. M.: Izd. MGU, 1980. S. 24-31.
36. Rosov V.A. V.I. Vernadskii i idei kosmizma v russkom estestvoznanii // Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe v obshchestvennom razvitiy. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1987. S. 40-45.
37. Semenova S.G. Sem'ya idei // Znamya. 1988. № 3. S. 185-201.
38. Teiyar de Sharden P. Fenomen cheloveka. M.: Nauka, 1987. 239 s.
39. Shinkaruk V.I. K voprosu o filosofskikh vzglyadakh V.I. Vernadskogo // Voprosy

- filosofii. 1988. № 7. S. 128-133.
40. Shubin V.I. Kant i Vernadskii // Kant i filosofiya v Rossii. M.: Nauka, 1994. S. 212-226.
41. Yanshina F.T. Evolyutsiya vzglyadov V.I. Vernadskogo na biosferu i razvitiye ucheniya o noosfere. M.: Nauka, 1996. 220 s.
42. Le Roy E. L'exigence idéaliste et le fait de l'évolution. Paris : Boivin, 1927. 270 p.

Philosophical thinking of the "theatrical" nature of a human being: in search of directions for the study of "everyday theatricality"

Rakhimova Maya Vil'evna

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of Social Sciences, Humanities and Psychological-Pedagogical Disciplines;
South Ural State Institute of Art named after P. I. Tchaikovsky

454091, Russia, Chelyabinskaya Oblast' oblast', g. Chelyabinsk, ul. Plekhanova, 41

 Mayesta@mail.ru

Abstract. The relevance of the work is determined by a philosophical understanding of the "theatrical" nature of a human being, which manifests itself in the context of "everyday theatricality" as a philosophical and anthropological phenomenon. This scientific work focuses on the understanding of three directions - anthropological, biological-psychological, philosophical; the concepts of "everyday theatricality" and "theatrical" human nature are comprehended and involved as the most conceptually close. "Everyday theatricality" is characterized as a complex open self-organizing phenomenon of adaptation of a human being to external and internal challenges; as a phenomenon that manifests the "theatrical" nature of a human being and realizes its existential potential in society; as a phenomenon with a pronounced social, communicative, sociocultural orientation, realizing itself in the daily culture of communication. The anthropological direction of the research allow to trace the early examples of the application of everyday "theatrical" human interaction, the nature of interaction, specifics, attributes, the influence of the phenomenon on culture (religious and every day). The biological and psychological aspects help to notice a special connection between biological, mental reflection of "everyday theatricality" as regulators of adaptive behavior. The philosophical direction helps to formulate questions and build a problem field of "everyday theatricality" as a philosophical problem. The problem of Illusion, visibility, seeming, dreams as a component of the "theatrical" nature of a human being is raised. The problem of the "Other" is touched upon as a complex problem, where "everyday theatricality" promotes a special type of communication. The "theatrical" nature helps to build images of the "Other", to look "Different", thereby ensuring communication and self-realization in society.

Keywords: another, reflection, escapism, philosophical anthropology, play, Illusion, adaptation, theatrical nature, Homo theatalis, everyday theatricality

References (transliterated)

1. Aristotel'. Poetika. Ritorika / Aristotel'; [Vstup. st. i komment. S. Yu. Trokhacheva; Per. s grech. V. Appel'rota, N. Platonovoi]. – SPb. : Azbuka, 2000. – 346 s.
2. Artemova, O.Yu. Lichnost' i sotsial'nye normy v ranne-pervobytnoi obshchine (po avstraliiskim etnograficheskim dannym) / O.Yu. Artemova: Akademiya Nauk SSSR Ordona Druzhby narodov Institut etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya. – Moskva:

- "NAUKA", 1987. – 197 s.
3. Bern, Erik. Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry / Erik Bern; [per. s angl. A. Gruzberga]. – Moskva: Eksmo, 2022. – 560 s.
 4. Bekhterev, V.M. Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoi zhizni / [Soch.] V.M. Bekhtereva, prof. Imp. Voen.-med. akad., dir. Kliniki dushev. i nerv. boleznei. – 3-e izd., znach. dop. – Sankt-Peterburg: K.L. Rikker, 1908. – [8], 175 s.
 5. Borev, Yu.B. Estetika: Uchebnik / Yu.B. Borev. – M.: Vyssh. shk., 2002. – 511 s.
 6. Gegel', G.V.F. Fenomenologiya dukha / Per. s nem. Shpeta G.G., Kommentarii Selivanova Yu.R. – M.: Akademicheskii Proekt, 2008. – 767 s.
 7. Gennep, A. van. Obryady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov / Per. s frants. – M.: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, 1999. – 198 s.
 8. Girenok, F.I. Vvedenie v singulyarnyyu filosofiyu: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2023. – 304 s.
 9. Davydova, I. S. Teatral'nost' v fol'klore korennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: avtoreferat dis. ... kandidata kul'turologii: 24.00.01 / Davydova Irina Stanislavovna; [Mesto zashchity: Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena]. – Sankt-Peterburg, 2008. – 23 s.
 10. Dokinz, R. Egoistichnyi gen / Richard Dokinz; per. s angl. N. Fominoi. – Moskva: Izdatel'stvo AST : CORPUS, 2016. – 512 s.
 11. Evreinov, N.N. Demon teatral'nosti / Sost., obshch. red. i komm. A. Yu. Zubkova i V. I. Maksimova. – M.; SPb.: Letnii sad, 2002. – 535 s.
 12. Ivannikov, V.A. O prirode i proiskhozhdenii psikhiki // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2015. – № 3(19). – S. 15-23.
 13. Istorya kul'tury povsednevnosti: uchebnoe posobie / pod red. V.P. Bol'shakova, S.N. Ikonnikovoi. – Moskva: Prospekt, 2023. – 496 s.
 14. Izard, K.E. Psikhologiya emotsiy / Per. s angl. – SPb.: Izdatel'stvo "Piter", 1999. – 464 s.: il. (Seriya "Mastera psikhologii") [Elektronnyi resurs] – rezhim dostupa: [https://dl.booksee.org/genesis/214000/9ac5a0a9421b44e505ca76b0375d48c1/_as/\[Kyerrol_YE._Izard\]_Psihologiya_yemocy\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/214000/9ac5a0a9421b44e505ca76b0375d48c1/_as/[Kyerrol_YE._Izard]_Psihologiya_yemocy(BookSee.org).pdf) (data obrashcheniya 21.02.2025).
 15. Kaiua, R. Igry i lyudi; Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury / Rozhe Kaiua; Sost., per. s fr. i vstup. st. S. N. Zenkina. – M.: OGI, 2007. – 304 s. – (Natsiya i kul'tura / Nauchnoe nasledie: Antropologiya).
 16. Levi – Bryul', L. Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii / Per. s fr. B.I. Sharevskoi. – M.: Akademicheskii proekt, 2021. – 428 s.
 17. Levi – Stross, K. Pechal'nye tropiki / Klod Levi-Stross; [perevod s frantsuzskogo V. Eliseevoi, M. Shchukina]. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2022. – 544 s.
 18. Lotman, Yu.M. Teatr i teatral'nost' v stroe kul'tury nachala XIX veka // Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i: v 3 tomakh. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. – Tallinn: Aleksandra, 1992. – S. 269-286.
 19. Malinovskii, B. Magiya, nauka i religiya / Per. s angl. A.P. Khomika. – M.: Akademicheskii proekt, 2015. – 298 s.
 20. Nitsshe, F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki / Per. s nem. G.A. Rachinskii. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Azbuka", 2000. – 232 s. Teksty pechatayutsya po izdaniyu: Nitsshe, F. Soch.: V 2 t. M.: Mysl', 1990. T. 1.
 21. Raikov, V. N. Fenomen teatral'nosti: sotsial'no-filosofskii analiz: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.11 / Raikov Valerii Nikolaevich; [Mesto zashchity:

- Sarat. gos. un-t im. N.G. Chernyshevskogo]. – Saratov, 2010. – 21 s.
22. Rakhimova, M.V. "Otrazhenie teatral'nosti kak filosofsko-antropologicheskogo fenomena v nauchnom diskurse" Sotsiologiya, 2024. No. 10, pp. 172-177.
doi:10.24412/1812-9226-2024-10-172-177.
23. Sartr, Zh.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm // Ontologiya. Teksty filosofii: Uchebnoe posobie dlya vuzov / Red. – sost. V. Kuznetsov. – M.: Akademicheskii proekt; Fond "Mir", 2012. – 363 s.
24. Smorodintsev, A.A. Srazhenie s nevidimkami ili bor'ba za zhizn' / Al. A. Smorodintsev, E.A. Smorodintseva. – Spb.: Izd-vo N.-L, 2011. – 208 s.
25. Tazetdinova, R. R. Teatral'nost' kak fenomen v bytii kul'tury: avtoreferat dis. doktora filosofskikh nauk: 24.00.01 / Tazetdinova Rufina Rinatovna; [Mesto zashchity: Kazan. gos. un-t kul'tury i iskusstv]. – Kazan', 2013. – 45 s.
26. Fink, E. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya / Per. s nem. A. V. Garadzha, L. Yu. Fukson; redaktor per. Leonid Fukson. – M.: Kanon + ROOI "Reabilitatsiya", 2017. – 432 s.
27. Kheizinga, I. Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya / I. Kheizinga; Per. s niderland. V. Oshisa. – M.: OOO "Izdatel'stvo AST", 2004. – 539 s.
28. Tsimmer, K. Parazit – tsar' prirody: Tainyi mir samykh opasnykh sushchestv na Zemle / Karl Tsimmer; Per. s angl. – M.: Al'pina non-fikshn, 2021. – 362 s.
29. Chernigovskaya, T.V. Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: mozg, yazyk i soznanie / T.V. Chernigovskaya. – M.: Izdatel'stvo AST, 2023. – 496 s. – (Zvezda lektsii).
30. Eliade, M. Shamanizm. Arkhaicheskie tekhniki ekstaza / Mircha Eliade; Per. s fr. – 2-e izd. – M.: Akademicheskii proekt, 2022. – 399 s.

Convergence as a research method: reconstruction of the worldview of the Silver Age Epoch

Zarutskaya Svetlana Valерьевна

Head of the Department; Institute of Preschool and Primary General Education; Institute of Educational Development of Kuzbass

650000, Russia, Kemerovo region - Kuzbass, Kemerovo, Vesennaya str., 16, sq. 84

 intellect-center@rambler.ru

Abstract. The subject of this research is convergence as a methodological approach in the cultural analysis of the period of the late 19th – early 20th century. The author conducts research on the example of the Silver Age of Russian culture. The research aims to assess the heuristic value of convergence for understanding complex cultural phenomena that arise from the interaction of various fields: literature, art, philosophy and history. The aim is to demonstrate the possibilities of using the convergent method to identify the relationships between these areas, reconstruct the worldview of the era and form a coherent view of the cultural landscape of the Silver Age. The potential of convergence to integrate different disciplinary perspectives in the study of culture is being explored. The specifics of the application of convergence to various types of cultural phenomena in specific works of art, in literary trends (symbolism, acmeism), as well as in philosophical trends. The methodological basis of the research is a convergent approach, considered as a key tool for analyzing cultural phenomena of the late 19th and early 20th centuries. Interdisciplinary analysis is applied, integrating the methods and perspectives of literary studies, art criticism, philosophy and history. The scientific novelty of the research lies in the systematic application of the

principles of a convergent approach to the study of the culture of the Silver Age. Unlike traditional disciplinary-oriented research, this work offers an integrated methodological framework that allows us to identify new aspects of the interrelationships between different spheres of cultural activity of the era. In particular, the scientific novelty lies in the following: Development and testing of the methodology of convergent analysis in relation to the study of the culture of the Silver Age; Identification of new interrelations between literature, art, philosophy and the historical context, which remain invisible under traditional approaches; Reconstruction of the holistic worldview of the epoch based on the integration of data obtained from various disciplinary fields; Offering a new understanding of the cultural landscape of the Silver Age, based on the principles of interpenetration and mutual influence of various cultural phenomena.

Keywords: Convergence of mysticism, synthesis, national idea, religious philosophy, synthesis of philosophical trends, the convergent approach, Cultural environment, cultural landscape, Convergence, The phenomenon of the Silver Age

References (transliterated)

1. Berdyaev N.A. Smysl istorii. Novoe Srednevekov'e: sost. i kom. V.V. Sapova. – Moskva: Kanon+: OI "Reabilitatsiya", 2002. – 448 s. (Istoriya filosofii v pamyatnikakh).
2. Bibler V.S. Kul'tura. Dialog kul'tur (Opty opredeleniya). [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://studfile.net/preview/2690024/> (data obrashcheniya: [16.03.2025]).
3. Bogatyrev R. Prostranstva Florenskogo | Iskusstvo, obraz, simvol: Izbrannye fragmenty. P.A. Florenskii. Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh, 1922-1924. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://proza.ru/2020/01/25/1622> (data obrashcheniya: [16.03.2025]).
4. Danilevskii N. Ya. Rossiya i Evropa: sostavlenie i kommentarii Yu. A. Belova; otv. red. O. Platonov. – M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. – 816 s.
5. Knyazeva E.N. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/konstruirovanie-budushhego/> (data obrashcheniya: [16.03.2025]).
6. Leont'ev K.N. "Tsvetushchaya slozhnost'" ne slivayushchikhsya v odno priznakov kak kriterii razvitiya obshchestva. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://ruskline.ru/analitika/2014/03/15/knleontev_cvetuwaya_slozhnost_ne_slivayuwi_hsy_v_odno_priznakov_kak_kriterij_rазвития_общества/ (data obrashcheniya: [16.03.2025]).
7. Mikhailovskii N. K. Chelovek. Myslitel'. Obshchestvennyi deyatel' (k 175-letiyu so dnya rozhdeniya): sb. nauch. tr. / redkol.: G. N. Mokshin (otv. red.) [i dr.]; Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. – Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2017. – 300 s.
8. Solov'ev VI. S. Opravdanie dobra: nравственная философия. – Moskva: Institut russkoi tsivilizatsii, Algoritm, 2012. – 656 s.
9. Khomyakov A.S. Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. Raboty po bogosloviiu. – M.: Izd-vo "Medium", zhurnal "Voprosy filosofii", 1994. – S. 25-71.